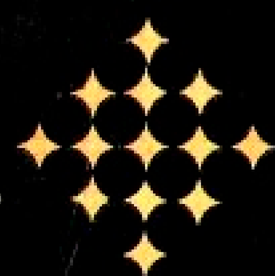
А. П. ГРИЦКЕВИЧ

СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА ГОРОЖАН БЕЛОРУССИИ XVI-XVIII вв.



А. П. ГРИЦКЕВИЧ

СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА ГОРОЖАН БЕЛОРУССИИ (XVI—XVIII ВВ.)

Научный редактор
кандидат исторических наук
В. С. Поссе

МИНСК
«НАУКА И ТЕХНИКА»
1979

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор
Е. В. Чистякова,
кандидат исторических наук
Л. А. Савицкая

Грицкевич А. П.

Г82 Социальная борьба горожан Белоруссии (XVI—XVIII вв.) — Мн.: Наука и техника, 1979.— 152 с.

В монографии освещается социальная борьба жителей частновладельческих городов в Белоруссии против гнета магнатов и господствующей городской верхушки в XVI—XVIII вв.
Основой монографии явился большой документальный материал, собранный автором в архивах ряда городов СССР, а также Варшавы и Кракова. Значительная часть этого материала впервые введена в научное обращение.

Г $\frac{10604-048}{М316-79}$ 17—79 9(С)1

ВВЕДЕНИЕ

В современной исторической науке проблеме истории города уделяется большое внимание. История города составляет неотъемлемую часть истории страны, и без изучения этой важной проблемы нельзя изучить закономерности исторического процесса.

Советская историческая наука изучает феодальный город как историческую категорию, как сложный социально-экономический комплекс, возникший и развивавшийся на основе общего роста производительных сил, общественного разделения труда.

За последнее время белорусские советские историки внесли много нового в изучение городов Белоруссии феодальной эпохи, опубликован ряд работ не только на основе большого архивного, но и археологического материала (Л. С. Абецедарский, Ф. И. Адащик, А. П. Грицкевич, Ю. И. Драгун, Э. М. Загорульский, А. П. Игнатенко, А. М. Карпачев, З. Ю. Копысский, П. Ф. Лысенко, В. И. Мелешко, М. А. Ткачев, Г. В. Штыхов, С. А. Щербаков).

К числу актуальных проблем, которые почти не затрагивались ни дореволюционными, ни советскими историками, относится такая важная проблема, как история белорусского частновладельческого города в феодальную эпоху. Своеобразие в развитии ряда белорусских городов в эпоху феодализма заключается в том, что на территории Белоруссии, входившей в Речь Посполитую, в течение XVI—XVIII вв. существовали магнатские латифундии, в состав которых входили города. Все это не могло не отразиться на политическом положении, юридическом статусе и социально-экономическом развитии городов, принадлежавших не королю (государству), а магнатам.

В XVI—XVIII вв. в Белоруссии частновладельчески-

ми городами были Друя, Несвиж, Мир, Клецк, Копысь, Туров, Шклов, Слуцк, Копыль, Давид-Городок, Ружаны, Бешенковичи, Горки, Старый Быхов, Раков, Дубровно, Высокое, Глубокое, Глусск, Толочин, Горы (Великие), Черея, а также небольшие города — Ушачи, Чашники, Лепель, Холопеничи, Стволовичи. В целом частновладельческие города составляли от 40 до 50% всех городов Белоруссии в этот период. Наиболее крупным был Слуцк. Его население составляло в XVII в. 5—8 тысяч, в XVIII в.— 8—10 тысяч человек. Население остальных городов в среднем было не более 3—5 тысяч жителей.

Существование значительного числа частновладельческих городов оказывало заметное влияние на развитие ряда важнейших сторон социально-экономической и политической жизни феодального общества в целом. Наложило оно свой отпечаток и на процесс развития антифеодальной оппозиции в городах. Без изучения истории частновладельческого города трудно объяснить причины того широкого участия, какое приняли жители городов Белоруссии в важнейших антифеодальных битвах белорусского крестьянства, связей горожан Белоруссии с Россией.

Проблема истории частновладельческих городов Белоруссии связана с проблемой развития частновладельческих городов Литвы, Украины и Латвии, а также ряда стран Восточной Европы — Польши, Венгрии, Румынии, Чехословакии и Югославии, происходившего в сходных политических и экономических условиях. Одним из общих признаков развития стран Восточной Европы в XVI—XVIII вв. было усиление крепостного права и возникновение крупного барского хозяйства (в Речи Посполитой — фольварка). Фольварочно-барщинное хозяйство в странах Восточной Европы было основано на барщинном труде крестьян, прикрепленных к земле и лично зависимых от феодала. Частновладельческие города были неотъемлемой частью магнатских латифундий и занимали в них определенное положение, были административными и экономическими центрами латифундий.

Вопросы социально-экономического развития, общественной жизни, военной роли частновладельческих городов Белоруссии XVI—XVIII вв. были рассмотрены

автором в недавно опубликованной монографии, однако проблемы социальной борьбы горожан в ней не освещались [1].

Городской строй Великого княжества Литовского, которое с середины XVI до конца XVIII в. являлось одной из двух составных частей федеративной Речи Посполитой («Речи Посполитой обоих народов», т. е. шляхетского государства Польши и Великого княжества Литовского), базировался на правовых основах, свойственных феодальному обществу. Господствующим классом и сословием в Белоруссии, входившей в состав Великого княжества Литовского, были феодалы.

В. И. Ленин указывал, что «сословия предполагают деление общества на классы, будучи одной из форм классовых различий» [2], и «что в рабском и феодальном обществе различие классов фиксировалось и в *сословном* делении населения, сопровождалось установлением особого *юридического* места в государстве для каждого класса. Поэтому классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также и особыми сословиями... Деление общества на классы обще и рабскому, и феодальному, и буржуазному обществам, но в первых двух существовали классы-сословия, а в последнем классы бессословные» [3].

Феодальное общество было не только иерархично, но и корпоративно. Основная масса горожан Белоруссии выделилась в особую сословную группу мещан с присущими феодальному обществу сословной обособленностью и особыми сословными правами и привилегиями, в том числе и с правом самоуправления. Горожане, по словам Ф. Энгельса, «стали классом, который олицетворял собой дальнейшее развитие производства и торговых сношений, образования, социальных и политических учреждений» [4].

Городское население частновладельческих городов состояло из нескольких социальных групп. Привилегированное положение среди них занимали феодалы

---

[1] См.: А. П. Грицкевич. Частновладельческие города Белоруссии в XVI—XVIII вв. Минск, 1975.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 476.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 311.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 407.

(шляхта и духовенство, офицеры гарнизонов, шляхтичи — чиновники магнатской администрации). Большинство городского населения составляли мещане (купцы, средние и мелкие торговцы, цеховая старшина, зажиточные и бедные ремесленники и т. д.), значительную часть — городские низы (плебс), нищие, а также в XVII в. лёзные люди (остатки свободного крестьянства), которые переходили из города в город и жили за счет продажи своей рабочей силы. В крупных частновладельческих городах постоянно находились также военнослужилые люди магнатов (из сословных групп земян, бояр, выбранцев, из военнослужилых татар).

Мещане делились на три группы по своему имущественному положению и степени участия в городском самоуправлении: 1) патрициат — паны-мещане, «славетно урожденные паны», городская торговая и ремесленная верхушка, представители которой обладали порой значительными капиталами; 2) основная масса ремесленников и торговцев; 3) разорившиеся ремесленники, подмастерья, мелкие торговцы, наемные работники, беднота. Более резкое обособление наблюдалось между группой панов-мещан и остальными мещанами. Оно было вызвано ростом товарно-денежных отношений, что вело к обогащению одних и разорению других, а следовательно, и к обострению социальных противоречий в среде белорусских горожан.

Некоторые частновладельческие города добились самоуправления по магдебургскому или другому городскому праву. Но им пользовались только мещане. В других частновладельческих городах мещанская община самоуправления не имела, а городами управляла администрация магната, но и здесь были введены некоторые нормы магдебургского права в разной степени, что выражалось в структуре местной власти и в раскладке повинностей.

Признаком городского строя Речи Посполитой, в том числе и частновладельческих городов Белоруссии и Литвы, было то, что права и функции органов самоуправления, применение норм городского права имели почти для каждого города свои особенности. Именно об этом писал Ф. Энгельс: «Почти у каждого города было свое особое право...» [5]

---

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, с. 338.

Мещане частновладельческих городов были «вольными подданными» своих магнатов, имели ряд ограничений в праве наследства, при выдаче приданого в случае выхода замуж мещанки за пределы города, обязаны были принимать присягу на верность владельцу города и т. д. Они платили денежные налоги (подымный, «чоповый» — питейный и др.) и выполняли натуральные повинности в пользу государства и главным образом в пользу владельца города (денежный чинш с земельных участков, лавок, оброки с цехов, налог на содержание гарнизона, сборы с торгового оборота, пошлины и т. д.).

Значительную часть населения частновладельческих городов составляли евреи, которые в Белоруссии в XVI—XVIII вв. были не только национальной группой, но и являлись отдельной сословно-религиозной общиной. Правовое положение евреев в Великом княжестве Литовском основывалось на грамотах, данных Витовтом в конце XIV в. и подтвержденных в начале XVI в. Городское самоуправление на евреев не распространялось. Евреи были организованы в общины — «кагалы» — во главе со своими старшинами. По грамотам великих князей литовских евреям разрешалось заниматься торговлей, ростовщичеством, некоторыми видами ремесла. Фактически кагалами руководили олигархические верхи, которые эксплуатировали трудящихся евреев. Государственная власть Речи Посполитой поддерживала кагалы, коллективно сдававшие подати в государственную казну. Кагалы как религиозно-сословная организация в 1623 г. получили право собирать особый еврейский сейм — «ваад» — высший орган еврейской общины в Литве и Белоруссии, который издавал постановления, обязательные для всех евреев, не только по религиозным вопросам, но и по вопросам торговли и ремесла и т. д. Кагалы играли реакционную роль. Они искусственно отделяли и противопоставляли евреев остальному населению белорусских городов, отдавали трудящихся евреев в полное подчинение купеческо-ростовщической верхушке. Евреи, объединенные в кагалы, не участвовали в социальной борьбе основной массы населения городов Белоруссии.

Население частновладельческих городов находилось в разной степени зависимости от феодала, владельца

города. Часть городов добилась самоуправления по магдебургскому праву, их жители несколько ограничили вмешательство владельца города в свои дела. В городах, где не было самоуправления, власть владельца города и его администрации была большей.

Государственная власть Речи Посполитой в управление частновладельческими городами не вмешивалась. Но многие льготы и привилегии, носившие характер общеупотребительных в государстве мер, прежде всего право городского самоуправления, а также временное освобождение горожан от налогов и таможенных сборов, по соглашению или по инициативе владельца города исходили от центральных властей государства — короля или сейма.

Существовали определенные различия в степени зависимости горожан от магната в каждом городе. Хотя зависимость горожан от феодала была не такой тяжелой, как крепостных крестьян, все же горожане частновладельческих городов вели постоянную борьбу против гнета магнатов. Велась борьба и в среде самих горожан — между богатой городской верхушкой и бедными слоями.

Тема данной работы—исследование различных форм социальной борьбы жителей частновладельческих городов Белоруссии в XVI—XVIII вв.

В советской историографии до сих пор гораздо большее внимание уделялось положению и антифеодальной борьбе крестьян и значительно меньшее борьбе горожан. Большой вклад в изучение борьбы горожан России в период феодализма внесли П. П. Смирнов и С. В. Бахрушин [6]. Ценными и интересными являются исследования М. Н. Тихомирова, В. И. Буганова, Е. В. Чистяковой и других историков [7]. К. Н. Сербина рассмотрела вопрос социальной борьбы в русском частновладельческом го-

---

[6] См.: П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I—II. М.—Л., 1947—1948; С. В. Бахрушин. Научные труды, т. 2. М., 1954.

[7] См.: М. Н. Тихомиров. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969; В. И. Буганов. Московское восстание 1662 г. М., 1964; В. И. Буганов. Московские восстания конца XVII в. М., 1969; Е. В. Чистякова. Волнения служилых людей в южных городах России в середине XVII в. В кн.: Русское государство в XVII в. М., 1961; Е. В. Чистякова. Городские восстания в России в первой половине XVII в. Воронеж, 1975.

роде [8]. В последнее время изучению этой проблемы придается все большее значение.

В белорусской советской историографии нет специальных работ по рассматриваемой нами теме. Отдельные вопросы ее затрагивались в исторической литературе при освещении антифеодальной борьбы белорусского народа, прежде всего в обобщающих трудах по истории БССР (История Белорусской ССР, том 1. Минск, 1972; История Белорусской ССР. Минск, 1977).

Следует отметить монографию З. Ю. Копысского о социально-политическом развитии городов Белоруссии XVI — первой половине XVIII в. Автор рассмотрел социально-политическую борьбу жителей королевских (государственных) городов Полоцка, Витебска, Могилева, Минска и Мозыря в конце XVI — первой половине XVII в.[9] Впервые классовую борьбу крестьян и горожан Белоруссии в период феодализма в общих очерках, хотя и схематически, без должного анализа фактов, описал В. К. Щербаков [10]. В работах И. Ф. Лочмеля, Л. С. Абецедарского и А. П. Игнатенко об антифеодальной борьбе рассматриваются выступления горожан Белоруссии в плане борьбы за воссоединение с Россией [11]. Однако в книге И. Ф. Лочмеля борьба белорусских горожан и крестьян рассматривается только как борьба против польских панов, а не против феодального гнета вообще. В работах Л. С. Абецедарского и особенно А. П. Игнатенко антифеодальная борьба народных масс Белоруссии по сути идентифицируется со стремлением к присоединению к Российскому феодальному государству. Из ряда работ необходимо выделить монографию А. Н. Мальцева — первое в отечественной литературе исследование национальных и классовых отношений в Бело-

[8] См.: К. Н. Сербина. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.—Л., 1951.

[9] См.: З. Ю. Копысский. Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI—первой половине XVII в. Минск, 1975.

[10] См.: В. К. Шчарбакоў. Нарыс гісторыі Беларусі. Ч. I. Менск, 1934; В. К. Шчарбакоў. Сялянскі рух і казацтва на Беларусі ў эпоху феадалізма. Менск, 1935.

[11] См.: И. Ф. Лочмель. Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов. М., 1940; Л. С. Абецедарский. Белоруссия и Россия. Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI—XVII вв. Минск, 1978; А. П. Игнатенко. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией. Минск, 1974.

руссии середины XVII в. С классовых позиций А. Н. Мальцев рассмотрел политику царского правительства в Белоруссии, борьбу различных групп населения, в том числе и горожан, в этот период [12].

Социальная борьба жителей феодальных городов Белоруссии привлекает и внимание историков стран Восточной Европы. Так, в венгерском журнале «Саза-док» («Века») была опубликована работа о положении православной церкви в Великом княжестве Литовском и национально-религиозной борьбе в частновладельческих городах [13]. Освещение вопроса о классовой борьбе сможет содействовать выяснению общих черт развития частновладельческих городов других восточноевропейских стран.

Источниками для написания настоящей работы послужили документальные материалы, опубликованные в сборниках документов, и главным образом документы неопубликованные, хранящиеся в архивах и библиотеках БССР, Литовской ССР, Ленинграда и Польской Народной Республики. Основная часть документов взята из магнатских архивов. При изучении документов по данной теме, особенно материалов магнатских архивов, учитывалось, что документы эти составлялись феодалами или их чиновниками (тоже в большинстве феодалами) и в угоду классовым интересам феодалов; явления социально-политической действительности отражались в них тенденциозно, особенно факты классовой борьбы. Поэтому документальный материал оценивался критически, с сопоставлением для установления достоверности тех или иных фактов. Особенно это относится к документам судебных дел.

Определенные трудности при разработке темы составляло и то, что документальные источники отрывочны, неравномерны по времени. Больше всего сохранилось материалов по XVIII в., меньше — по XVII в., а по XVI в.— еще меньше, причем материалы более раннего периода наиболее фрагментарны.

---

[12] См.: А. Н. Мальцев. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974.

[13] См.: A. Grickevics. A pravoszláv egyház helyzete a Litván Nagyfejedelemségben és a nemzeti-vallási harc a magánföldesúri városokban. «Századok». Budapest, 1973, 4 szám, 942—966.

В городах Белоруссии велась антифеодальная борьба городского населения. Она не предполагала смену феодальной формации, а происходила в ее рамках. Разумеется, в частновладельческих городах она имела некоторые отличия по сравнению с королевскими. Формы ее были различными — от подачи жалоб до открытых выступлений горожан. Но существовали противоречия и также велась борьба внутри городской общины — между основной массой горожан и городской верхушкой.

Особо рассматривается участие горожан в освободительной войне белорусского народа в середине XVII в. В специальном разделе о национально-религиозной борьбе рассмотрены вопросы о роли церкви в общественно-политической жизни частновладельческих городов, о патронате магната над церковью и национально-религиозной борьбе. Выделяется роль братств в этой борьбе, а также политика магнатов и царизма в национально-религиозном вопросе.

ГЛАВА I

ФЕОДАЛЬНЫЙ ГНЕТ И ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ БОРЬБЫ ГОРОЖАН

«История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов.

Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу...» [1]

Классовая борьба, пронизывающая классово-антагонистические общества, стала движущей силой истории со времени раскола общества на классы. Она явилась выражением коренной противоположности и непримиримости классовых интересов. В. И. Ленин писал: «Что такое *классовая борьба?* Это — борьба одной части народа против другой, борьба массы бесправных, угнетенных и трудящихся против привилегированных, угнетателей и тунеядцев, борьба наемных рабочих или пролетариев против собственников или буржуазии» [2].

Господствующим эксплуататорским классом феодального общества стали светские и духовные феодалы. Крестьянство было вторым основным классом при феодализме. Классовая борьба крестьян постепенно расшатывала и подрывала устои феодального строя. Все крупные восстания при феодализме исходили из деревни, но из-за раздробленности и крайней отсталости крестьян беспощадно подавлялись феодалами. Сопротивление крепостных крестьян феодальному гнету, феодальной эксплуатации (которая являлась экономической причиной классовой борьбы) подорвало и привело к гибели феодально-крепостническую форму собственности и весь феодальный строй.

В антифеодальную борьбу включилось и население

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 424.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, с. 193—194.

средневековых городов. Все городское население в целом боролось против феодального гнета, против феодальных сеньоров, за освобождение всей массы горожан от феодальной зависимости. Но и в самом городском обществе также существовали противоречия между городским патрициатом и основной массой горожан. Цеховые мастера, зажиточные торговцы—средние слои городского общества — и городская беднота поднимали восстания против господства богачей, но эти восстания, разрозненные и редкие, не приводили к победе. Объясняется это тем, что среди цеховых ремесленников и других категорий горожан шел процесс экономической дифференциации и не было достаточно прочного и устойчивого единства. Существовали противоречия между средними слоями горожан и городскими низами. Противоречия внутри городской общины оказывали воздействие на антифеодальную борьбу горожан, что, например, ярко проявилось в Белоруссии в ходе освободительной войны в середине XVII в.

Таким образом, феодальное общество характеризуется постоянно протекавшей классовой борьбой, проявлявшейся в различных формах.

В исторической литературе почти нет сведений о социально-политической борьбе в частновладельческих городах Белоруссии в XVI—XVIII вв. В дошедших до нашего времени источниках сохранились отдельные, по большей части разрозненные, данные об антифеодальной борьбе белорусских горожан, об острых социальных противоречиях в самой городской общине, среди различных групп городского населения. Однако многие сведения, факты, свидетельствующие о социально-политической борьбе, до нас не дошли и даже не фиксировались в письменных документах.

Источниками, позволяющими рассмотреть этот вопрос, являются актовые книги замковых судов и городских магистратов, жалобы и просьбы, которые подавали магнатам жители городов, докладные записки губернаторов и чиновников магнатской администрации, рескрипты владельцев, их универсалы и привилеи и другие документы. Этот документальный материал сохранил некоторое количество свидетельств антифеодальной борьбы горожан, социальной борьбы трудящейся массы горожан против своих угнетателей.

Внутриполитическая жизнь частновладельческих городов Белоруссии, как и королевских городов, в XVI—XVIII вв. характеризовалась постоянной социальной борьбой. В одних городах она протекала острее, в других ее проявления были не так резки. Но весь период отмечен то нараставшей, то под воздействием тех или иных факторов затихавшей социальной борьбы горожан.

Общая политическая обстановка в Белоруссии, городская политика центральной власти в Речи Посполитой, политика магнатов в государстве, как по отношению к королевским городам, так и к своим, сказывались на ходе и формах социальной борьбы горожан. Специфичными для частновладельческих городов Белоруссии были социальные и экономические условия их развития. Эти особенности в той или иной степени отражались на социальной борьбе жителей городов. К числу таких особенностей можно отнести протекционистскую политику магнатов по отношению к своим городам, хотя эта политика была и непоследовательной — стремление получить большие доходы с торговли и ремесла в своем городе иногда заставляло магната забывать о своих покровительственных мерах. Как правило, в крупных магнатских городах стояли сильные гарнизоны магнатских войск, одной из задач которых было предотвращать и подавлять крестьянские восстания и выступления городского населения. Эти обстоятельства особенно сказывались на развитии социальной борьбы в городах, принадлежавших магнатам. Кроме постоянных гарнизонов, для подавления антифеодальных выступлений крестьян и горожан по первому же требованию магната собирались отряды военнослужилых людей (шляхты и привилегированных групп сельского населения), живших на земле магната и несших в его пользу военно-ленную службу.

Немаловажное значение для развития социальной борьбы горожан имела также и социальная политика магнатов. Владельцы белорусских частновладельческих городов в большей степени, чем правительство Речи Посполитой, проводили политику раскола городского общества. Магнаты в своих городах всячески поддерживали верхушечную группу городского населения—панов-мещан, предоставляя ей привилегии и льготы и привлекая таким образом на свою сторону. В периоды наиболее острого размаха антифеодальной борьбы народных масс

Внутриполитическая жизнь частновладельческих городов Белоруссии, как и королевских городов, в XVI—XVIII вв. характеризовалась постоянной социальной борьбой. В одних городах она протекала острее, в других ее проявления были не так резки. Но весь период отмечен то нараставшей, то под воздействием тех или иных факторов затихавшей социальной борьбы горожан.

Общая политическая обстановка в Белоруссии, городская политика центральной власти в Речи Посполитой, политика магнатов в государстве, как по отношению к королевским городам, так и к своим, сказывались на ходе и формах социальной борьбы горожан. Специфичными для частновладельческих городов Белоруссии были социальные и экономические условия их развития. Эти особенности в той или иной степени отражались на социальной борьбе жителей городов. К числу таких особенностей можно отнести протекционистскую политику магнатов по отношению к своим городам, хотя эта политика была и непоследовательной — стремление получить большие доходы с торговли и ремесла в своем городе иногда заставляло магната забывать о своих покровительственных мерах. Как правило, в крупных магнатских городах стояли сильные гарнизоны магнатских войск, одной из задач которых было предотвращать и подавлять крестьянские восстания и выступления городского населения. Эти обстоятельства особенно сказывались на развитии социальной борьбы в городах, принадлежавших магнатам. Кроме постоянных гарнизонов, для подавления антифеодальных выступлений крестьян и горожан по первому же требованию магната собирались отряды военнослужилых людей (шляхты и привилегированных групп сельского населения), живших на земле магната и несших в его пользу военно-ленную службу.

Немаловажное значение для развития социальной борьбы горожан имела также и социальная политика магнатов. Владельцы белорусских частновладельческих городов в большей степени, чем правительство Речи Посполитой, проводили политику раскола городского общества. Магнаты в своих городах всячески поддерживали верхушечную группу городского населения—панов-мещан, предоставляя ей привилегии и льготы и привлекая таким образом на свою сторону. В периоды наиболее острого размаха антифеодальной борьбы народных масс

Белоруссии аналогичную политику проводила и центральная власть Речи Посполитой. В результате поддержки со стороны магнатов паны-мещане становились союзниками феодалов и в свою очередь прилагали все усилия к тому, чтобы отвлечь трудящиеся массы в городах от социальных выступлений.

Социальная борьба горожан в белорусских частновладельческих городах развертывалась в различных формах и велась в двух главных направлениях:

1. Против феодального гнета и национально-религиозного угнетения выступали все мещане в целом (хотя городская верхушка выступала в этом движении непоследовательно и при первой возможности стремилась к компромиссу с феодалами за счет трудящихся).

2. Основная масса мещан, горожане-трудящиеся выступали против богатой городской верхушки.

Существовали также противоречия между средними слоями горожан и городской беднотой. Сохранившиеся до нашего времени документы, к сожалению, не дают возможности широко их осветить. Лишь отдельные документы, главным образом по истории цехового строя, указывают на наличие этих противоречий, еще не развившихся до степени широких выступлений наиболее угнетенной части мещан, городских низов против средних слоев горожан.

В специфических условиях развития частновладельческих городов социальная борьба горожан проявлялась зачастую не в открытых вооруженных выступлениях трудящихся. Такие выступления, представлявшие наиболее высшую форму борьбы горожан против феодального гнета, были сравнительно нечастыми. Это были кульминационные пункты антифеодальной борьбы.

Наиболее частыми формами борьбы горожан против феодалов были акты индивидуального или коллективного сопротивления мещан: отдельные факты протеста против политики магнатской администрации, сбора непосильных налогов, жалобы на действия чиновников магнатской администрации в городах, петиции и просьбы на имя магната или его наместника, губернатора. Горожане стремились добиться у магната или у органов центральной власти государства закрепления тех или иных льгот или привилегий отдельным лицам или в целом городу, подтверждения этих льгот и привилегий,

которые выделяли их из окружавшего бесправного населения, спасали от крепостного гнета. Эта форма сопротивления феодальному гнету была широко распространена в частновладельческих городах Белоруссии и Литвы XVI—XVIII вв. и ее успешно использовали мещане магнатских городов.

Наконец, социальный протест против феодальной эксплуатации выражался и в побегах горожан (иногда принимавших массовый характер), главным образом на Украину и в Россию, в переселении горожан с семьями в пределы Русского государства.

Социальная борьба внутри самого городского общества также проявлялась в разных формах, от отдельных протестов горожан против политики и злоупотреблений правившей в городах верхушки, протестов против действия магистрата и цеховой старшины, жалоб на действия представителей городской администрации и до вооруженных выступлений основной массы мещан против панов-мещан.

Документальные источники сохранили немало свидетельств о феодальном гнете, которому подвергались мещане магнатских городов. Помимо юридических документов, в которых определялись повинности, налоги и сборы с горожан в пользу владельца города и феодального государства, в магнатских архивах сохранились отдельные документы (составленные самими феодалами, в общем не склонными показывать чинимый ими гнет и злоупотребления), в которых ярко показано феодальное угнетение белорусских горожан и их антифеодальная борьба. Факты, свидетельствующие о феодальном гнете и злоупотреблениях администрации, содержатся (правда, обычно вскользь) во многих документах магнатов и королей.

Право на самоуправление и другие привилегии частновладельческим городам Белоруссии и Литвы не ограждали горожан от произвола феодалов, причем эти города были подвержены произволу даже больше, чем королевские, если учесть подчинение их своим владельцам, своим магнатам или их наместникам. Горожанам магнатских городов приходилось вести длительную, фактически постоянную борьбу за сохранение своих прав, против злоупотреблений со стороны властей. Актовый материал (большей частью периода второй половины XVII—

XVIII вв.) содержит многочисленные данные о феодальном произволе, злоупотреблениях и грабежах, которым подвергалось городское население.

Так, в конце XVI в. клецкие мещане жаловались князю Альбрыхту Радзивиллу на клецкого наместника Мацея Вольского, который отнял у мещан сенокосы, полученные в свое время городом во время волочной померы, и передал их в фольварочное хозяйство магната для пастьбы стада. Князь приказал (1590 г.) отвести мещанам «на вечные времена» в качестве «придатка» к городским волокам сенокосы у реки Лани. В том же документе магнат записал: «Чтобы больше нам об этом (мещане.— *А. Г.*) просьбами своими не докучали...» [3] Таким образом, даже пожалования магната городу не спасали мещан от произвольного толкования магнатских актов его наместниками или полного игнорирования мещанских привилегий. Магнат же, отменяя решение своего наместника, с раздражением писал о том, чтобы мещане его больше не беспокоили по таким делам.

Несвижские мещане жаловались королю Сигизмунду III на то, что, несмотря на освобождение от пошлин, которое было им дано королевскими привилеями и сеймовыми постановлениями, льготы эти в торговле на территории Речи Посполитой постоянно нарушались сборщиками пошлин в таможнях Польши и Великого княжества Литовского. Кроме того, вразрез с прежними королевскими грамотами воеводы и их чиновники в некоторых городах запрещали торговать мещанам Несвижа. В феврале 1605 г. королю пришлось особым универсалом подтвердить прежние льготы несвижским мещанам и напомнить королевским чиновникам о ненарушении в будущем этих льгот [4].

В уставе Слуцку, данном 5 мая 1621 г. Крыштофом Радзивиллом, магнат вынужден был отметить, что его наместник произвольно штрафовал и взыскивал деньги с мещан за разного рода провинности, а от этого «...не только город беднел, но также многие нарушения увеличивались (ибо выдумывались разные самовольные поборы с мещан)» [5]. Магнат поэтому установил определен-

[3] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1089, л. 6.
[4] Там же, д. 1361, л. 18—19.
[5] Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie, Archiwum Radziwiłłowskie (далее—AGAD, AR), dział XXIII, teka 133. Ustawa ogólna porządku dla Miasta Słucka, k. 10.

ный порядок взимания штрафов. В этом документе магнат прямо объяснял причину своей защиты мещан от своеволия и грабежей со стороны наместника: он стал получать с каждым годом все меньше доходов с города.

В том же месяце на просьбу мещан Слуцка магнат в своем ответе отмечал, что на будущее для бедных мещан должен быть уменьшен налоговый гнет и сбор налогов и податей должен производиться не сразу, а по частям в течение года. Он точно определил сумму сборов при обращении мещан в суд, выписках из документов и т. д. Князь запретил своим чиновникам использовать ремесленников для бесплатной работы на себя (что, судя по документу, имело широкое распространение): «...постановляю, чтобы на будущее ни старосте, ни капитану, ни городничему, никому из слуг моих и ни городскому ураду ремесленники не должны были изготовлять ни одной вещи бесплатно, исключая работы, где либо устное, либо письменное приказание мое будет...» [6]

Столь частое подтверждение привилеев одному и тому же городу (иногда каждым новым владельцем в начале его правления) вызывалось тем, что чиновники магнатов постоянно их нарушали, а горожане отстаивали и добивались у магнатов подтверждения данных привилегий. Владельцы городов время от времени удовлетворяли некоторые просьбы, стремясь сохранить свои доходы и снять напряженность, предотвратить выступления горожан. Нарушения прав мещан отмечались часто в подтвердительных («конфирмационных») привилеях. Так, в конфирмационном привилее Несвижу в августе 1654 г. Михаил Казимир Радзивилл констатировал: «...видя большую обремененность мещан наших, которым мосты и мельницы каменные и пороховни на Яловой запруде с фундаментом возводить приказано, чего они согласно правам и привилеям своим не должны были делать, так как доходы с этих обеих мельниц на замок наш идут, поэтому этим нашим листом эту повинность с них навечно снимаем...» [7] В этом же привилее магнат, рассмотрев жалобу магистрата на княжеского

[6] AGAD, AR, dział XXIII, teka 133. Rozmaitósci z Aktów Mieyskich Słuckich.
[7] AGAD, AR, dział XV, teka 5, № 15.

наместника, установил, что наместник в будущем не будет привлекать мещан к работам на нужды замка по своему произволу и не будет вмешиваться в дела магистрата [8].

Однако и такой привилей на деле не соблюдался в точности. В июне 1657 г. князь издает универсал, в котором обращается к своему несвижскому наместнику Самуэлю Оскерко и, ссылаясь на жалобу войта и магистрата Несвижа, предлагает ему не нарушать магдебургское право, которым пользуются мещане, наказывает, чтобы «ни одного мещанина по какой-либо причине к замковому суду не привлекали», а отсылали в магдебургский городской суд Несвижа [9].

Мещан притесняли и военные власти стоявших в городах гарнизонов. В сентябре 1660 г. на сессию слуцкого магистрата прибыли мещане («посполитство») и подали жалобу княжеским комиссарам на офицеров гарнизона, которые без ведома магистрата ставили на постой в дома горожан своих солдат и заставляли мещан платить за содержание солдат. Мещане жаловались, что сержанты, стоявшие со стражей в городских воротах, произвольно взимали сбор за ввоз и вывоз зерна от каждого воза [10].

В особом дневнике жалоб и просьб жителей радзивилловских владений на имя князя (1662—1663 гг.) многие документы кончаются просьбами мещан освободить их от солдатского постоя и платы за содержание солдат. В дневнике есть, например, такая запись: «Мещане слуцкие, вся чернь, ремесленники всякого ремесла. Просят князя, чтобы таких повинностей, которые имеют теперь на содержание солдат гарнизона слуцкого, больше не несли» [11]. Командование слуцкого гарнизона и городской магистрат умудрялись даже ставить солдат на постой «коморникам» (снимавшим комнаты и углы) и в тесные халупки городской бедноты [12], в то время как члены магистрата были освобождены от постоя.

---

[8] AGAD, AR, dział XV, teka, 5, № 15.

[9] Там же, № 16.

[10] Рукописный отдел библиотеки (далее — РОБ) АН ЛитССР, ERS—889, Lauda albo uchwały do obrony, porządku, y ozdoby miasta Słucka, s. 263.

[11] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 13, л. 92.

[12] Там же, л. 2—110.

И в Слуцке, и в Несвиже чиновники магнатской администрации и комендант крепости заставляли ремесленников выполнять бесплатно разные работы. В 1662 г. ремесленники портняжного цеха жаловались Богуславу Радзивиллу на коменданта города, который приказал им сшить для пехоты мундиры, а денег не заплатил. Аналогичную жалобу на замковую администрацию подали слуцкие каменщики. Ремесленник-седельщик жаловался на слуцкого старосту Лезницкого, который не уплатил за сделанные для него седла более пятисот злотых, из-за чего ремесленник разорился. Ремесленникам-плотникам за постройку здания в течение целой осени замковая администрация уплатила меньше положенного [13]. Зато когда ремесленник не успевал в срок выполнить заказ какого-нибудь администратора, он подвергался суровому наказанию. Так, в 1688 г. шорники Кондрат Федорович и Тимох Кондратович не успели сделать работу для писаря Слуцкого княжества Курнатовского. Он без суда приказал бросить в тюрьму ремесленников, а Тимоха Кондратовича приказал заковать в цепи [14]. В 1668 г. комендант посадил в тюрьму мастера по фортификации Иогана Бека и приказал надеть на него оковы за то, что тот выразил сомнение в правильности решения коменданта использовать заключенных в крепости на работе в огороде коменданта, а не на «валовой работе». Представителю замковой администрации комендант прямо заявил, что арестант сидит в крепости «за болтовню» [15].

Нарушая привилегии мещан, власти нередко конфисковывали принадлежавшие горожанам земельные участки. В 1662 г. слуцкий губернатор приказал передать загородные морги мещанина Покота офицерам гарнизона [16]. Когда в 1743 г. Иерониму Флориану Радзивиллу для каких-то целей потребовалось расширить участок, он приказал прогнать жителей домика, стоявшего на этом участке, а домик был снесен. Лишь в ответ на жалобу потерпевшей семьи магнат «милостиво» дал деньги мещанину [17]. В том же году слуцкий губернатор ввел в

[13] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 3, л. 7, 25, 87, 101.
[14] ЦГИА БССР, ф. 737, оп. 1, д. 1, л. 599.
[15] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 14, л. 7.
[16] Там же, д. 13, л. 23.
[17] Там же, оп. 2, д. 9782, л. 1, 2.

городе подводную повинность, которой до того не было. По просьбе всех жителей города она была отменена Радзивиллом [18].

Паны занимались и просто грабежом горожан. Так, в декабре 1687 г., устроив засаду, «городничий замка Слуцкого пан Неверский с тремя помощниками» напал на купца Саскевича, нанес ему саблей раны, отрубил два пальца и ограбил [19]. Комендант Слуцка в 1745—1758 гг. майор Пешель избивал мещан, ходил на рынок и отбирал у них продукты, самовольно сажал под арест, за деньги освобождал из-под ареста. Его злоупотребления достигли таких размеров, что вызвали недовольство среди солдат и офицеров гарнизона. Для успокоения населения Радзивилл был вынужден отстранить Пешеля от должности коменданта [20].

Слуцкие мещане жаловались часто на притеснения со стороны офицеров гарнизона, стоявших на постое в их квартирах (как это было, например, записано в магистратской книге в сентябре 1662 г.) [21]. Сохранилось немало жалоб горожан на постой солдат магнатского гарнизона.

Комендант крепости иногда вводил повинности, от которых мещане были освобождены наместником магната. Так, в ноябре 1673 г. магистрат Слуцка от имени мещан подал жалобу эконому княжества на действия коменданта, который вопреки объявленному экономом освобождению горожан от выполнения повинности по насыпке валов не позволил мещанам воспользоваться этим освобождением. Несмотря на поданную жалобу (которая, по-видимому, осталась без ответа), мещане были вынуждены подчиниться приказу коменданта и с мая 1674 г. начали исполнять эту повинность [22].

Сами экономы Слуцкого княжества нарушали права жителей города. Еще в 1621 г. горожане были освобождены магнатом от отработочной повинности в пользу магната — хождения на «гвалты» в соседний с городом господский двор Ивань для «жатвы ржи». Тем не менее

---

[18] ЦГИА БССР, ф. 1825, оп. 1, д. 1, л. 56.
[19] ЦГИА БССР, ф. 737, оп. 1, д. 1, л. 403.
[20] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1602, л. 283, 287, 288, 292, 297.
[21] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Sprawy Sessyonalistów Magdeburgii Słuckiey.
[22] Там же, teka 151, Księga Mieyska...

в июле 1678 г. один из двух экономов Слуцкого княжества Ст. Незабитовский («подчаший калишский») приказал восстановить эту повинность для «подсоседей», т. е. для жителей, проживавших в чужих домах. Магистрат подал жалобу старшему эконому (или губернатору) Казимиру Клокоцкому («стольнику плоцкому») на нарушение прав мещан. Эта жалоба осталась без последствий. В сентябре следующего года городская сессия просила уже обоих экономов освободить подсоседей от гвалтов в фольварке Ивань, заменив неделю работы на жатве, как и до того было, одним днем валовой работы. Члены магистрата объясняли, что подсоседями являются коренные слуцкие мещане, обедневшие и продавшие свои дома, а не пришлые крестьяне, поэтому на них должно распространяться освобождение всех мещан от «жнива». В августе 1681 г. городская сессия вновь просила об отмене гвалтов для подсоседей с заменой для них этой повинности ежедневной работой по починке городских укреплений. Наконец, в сентябре 1681 г. Ст. Незабитовский (в отсутствие другого эконома) согласился с просьбой членов магистрата и отменил отработочную сельскохозяйственную повинность для указанной выше группы горожан [23].

О злоупотреблениях магнатской администрации, наносивших хозяйственный ущерб населению городов, принадлежавших Людовике Каролине Радзивилл, и других городов Белоруссии, свидетельствует протест инстигатора трибунала Великого княжества Литовского (1687 г.). Обвинитель главного судебного органа Великого княжества Литовского отметил в своем документе, что паны Ян Хвалковский и Ян Регер, комиссары княгини, присланные ею из Берлина (она была замужем за сыном курфюрста Бранденбурга и герцога Пруссии), Абрагам Бекер, губернатор Слуцкий, «тоже человек заграничный», и Ст. Незабитовский (эконом владений княгини), правят ее владениями, городами и деревнями не по законам Речи Посполитой, а по прусским законам. В числе обвинений, среди которых обвинение в централизации власти в этих обширных магнатских латифундиях, указывались и насилия над шляхтой и мещанами белорусских и литовских городов, нарушения их прав, а также чеканка в

[23] AGAD, AR, dział XXIII, teka 151, Księga Mieyska...

Слуцком замке медной монеты, финансовые операции по скупке золотой и серебряной полновесной монеты и переправке ее за рубеж, в Пруссию. В результате этих операций только в 1687 г. в Пруссию к курфюрсту было вывезено более полумиллиона злотых. Искусственно была изменена цена монеты в Белоруссии, что повлияло на покупательную способность населения, в том числе и горожан [24].

В 1688 г. жители Мира, татары, занимавшиеся выделкой кож, подали жалобу комиссару княгини на старосту Мирского графства, который за выделку 70 кож дал им вместо причитавшихся 50 злотых лишь 3 злотых [25].

В 1689—1693 гг. мирским старостой был пан Яблоновский. Его злоупотребления достигли таких размеров, что мирский городничий Якуб Кисель подал жалобу Радзивиллу. В жалобе перечислялись злоупотребления старосты: покупал зерно и другие товары на рынке у мещан и крестьян по установленной им самим заниженной цене, чем вызывал «проклятия у посполитства»; взимал с мещан, кроме мыта, сборы с торговли в свою пользу, наживаясь при этом; занимался торговлей и ростовщичеством; заставлял мелких торговцев распродавать свои сельскохозяйственные продукты, принуждая выплачивать ему заранее деньги; приобрел немало земельных участков; «приводил к гибели мещан» [26].

Аналогичную, но более подробную докладную записку нейбургскому двору о положении дел в Слуцке и Слуцком княжестве составил в 1714 г. (в этот период владения Нейбургской династии в Белоруссии и Литве находились в залоге у короля Августа II) один из высших чинов администрации магната Волян. Записка изобличает деятельность генерального эконома Незабитовского. Это наиболее полный документ, отражающий хозяйничанье феодалов в частновладельческом городе. В записке говорилось:

«1. Все привилегии князя его милости подданным, земянам и мещанам в сущности не выполняются и находятся в пренебрежении.

2. Никакого в Слуцке порядка нет, ибо, вопреки справедливости, не желая, чтобы кто-нибудь еще управлял,

[24] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 5767, л. 137.
[25] AGAD, AR, dział XXIII, teka 92, Suppliki.
[26] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4466, л. 110—111.

помимо коллег и комендантов, сам (т. е. Незабитовский.— *А. Г.*) и еврей мозырский (главный арендатор.— *А. Г.*) городом управляют и мещан грабят, обирают, что ведет к большому притеснению людей и умалению чести и убыткам князю.

3. Никакой справедливости нет, а кто больше принесет, тот и выигрывает, и то за значительное подношение, это подтвердят православное духовенство, мещане, евреи, которые терпят и должны давать подкуп под большим принуждением»[27].

Далее в докладной записке Волян писал, что Незабитовский сам держит водочную аренду в Слуцке «с большим притеснением людей, водку, привозимую из своих владений, принуждает насильно покупать, а также мед и протухшую рыбу по высокой цене, так что мещане бедные сами торговать не могут этими товарами...»[28] Незабитовский «привез и осадил в городе еврея из Мозыря Шаю Ицковича, которому не только весь город отдал во власть и управление, но и поощрял чеканку им фальшивых монет, которых тот немало сделал и еще делает, и вообще его защищает и охраняет, причиняя убыток и опасность всему городу...» Незабитовский сам держал слуцкую аренду всех доходов, шедших в казну залогодержателя — короля. По контракту в королевскую казну нужно было вносить в год 120 тысяч тынфов, а Незабитовский за счет «бедных людей для собственной наживы в три раза больше берет за год...» В записке было сказано: «Ремесленникам силою навязывают работу, как, например, ткачам полотно, каменщикам, кузнецам и т. д. и очень их обижают, не соблюдая права магдебургского, палками мещан угощают»[29]. Таким образом, составленная из карьеристских соображений (Волян в 1717 г. стал экономом Слуцкого княжества[30]) докладная записка дает яркую картину угнетения жителей частновладельческого города обогащавшимся за их счет паном-экономом и его приближенными. Несомненно, при составлении записки были учтены многочисленные жалобы слуцких горожан.

---

[27] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1611, л. 10.
[28] Там же.
[29] Там же, л. 11.
[30] Минская старина. Вып. IV. Минск, 1913, № 320, с. 134.

Характерно, что, придя к управлению городами и селами так называемых нейбургских владений в Белоруссии и Литве, Волян также стремился обогатиться за счет горожан и крестьян. Сменивший его эконом в 30-х годах XVIII в. в письме новой залогодержательнице Слуцкого княжества и других нейбургских владений Анне Радзивилл писал: «Торговли солью я не веду, ибо это является притеснением подданных, все это промыслы и способы, которые применяли паны-экономы для своей наживы...» [31]

О нарушении привилегий горожан и положений магдебургского права со стороны высших чинов магнатской администрации говорилось, например, в привилее короля Августа II Слуцку от 11 июля 1715 г.: «Законы тоже с привилегиями, в течение нескольких сот лет разными князьями пожалованные, остаются в пренебрежении, доходы, принадлежащие городу, как то четвертая доля питейного и прочего, милостью вотчинных господ утвержденные и привилегиями укрепленные, к рукам шляхетного Слуцкого Магдебурга не доходят...» [32]

Аналогичное положение было и в других частновладельческих городах. В 1760 г. мещане Копыля подали жалобу магнату. В ней они писали, что в результате злоупотреблений властей горожане вынуждены платить подымный налог в увеличенном размере, что их заставляют выходить (вопреки «уставе» и инвентарю) на «толоку» с косами и топорами во двор Кокоричский, а также еще и платить за эту «толоку». Кроме того, копыльский староста пан Чудзянский ввел для мещан сторожевую повинность для охраны княжеских лесов. И этой повинности ранее копыльские мещане не выполняли. Радзивилл предложил старосте же рассмотреть эту жалобу [33].

В том же 1760 г. ремесленники портняжного цеха в Слуцке подали жалобу магнату на его администрацию, которая не заплатила им за заказанные администрацией магната и сшитые мастерами форму для солдат княжеского гарнизона (гранд-мушкетеров, гусар, янычар), ливреи придворных слуг и формы стражников. Князь предложил комиссии из его чиновников рассмотреть эту

[31] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 10751, л. 126.
[32] Там же, оп. 4, д. 1621, л. 374.
[33] Там же, оп. 3, д. 34, л. 25, 26.

жалобу и уплатить ремесленникам по определенной таксе [34].

Грабежи, вымогательства, притеснения со стороны замковой администрации вызывали большое недовольство среди жителей городов. Это учитывали магнаты и стремились предотвратить перерастание недовольства горожан в волнения и восстания. В инструкции Иеронима Флориана Радзивилла губернатору княжеств Слуцкого и Копыльского Венявскому, изданной в апреле 1745 г., говорилось:

«Комендант должен смотреть, чтобы в каждом городе не было буйства, сумятицы, шума, как от офицеров и рядовых, так и от других людей, в городе проживающих, или со стороны проезжающих, чтобы всякая безопасность в этом городе для публичного покоя сохранена была». Далее предписывалось: «Никаких незаконных поборов как их милость паны офицеры, так и унтерофицеры не должны вымогать у мещан, как, например, новогодние подарки, квартирные, за чем следить должен его милость пан губернатор» [35].

Такие инструкции, как и неоднократное подтверждение королевской властью и магнатами изданных ранее привилеев и льгот частновладельческим городам, показывают, что права мещан нарушались очень часто.

Феодальный произвол усиливался при передаче городов их владельцами во временное владение — под залог или иным путем — другим магнатам. Так, например, жители радзивилловского Койданова (в Минском повете) подали много жалоб на посессоров (временных владельцев) Койдановского графства: вдову Иеронима Флориана Радзивилла княгиню Анелю, а затем и ее второго мужа, князя Воронецкого, которые держали с 1760 по 1778 г. Койдановское графство и Биржанское княжество (их получила Анеля Радзивилл в 1760 г. в залог от своего деверя Михаила Казимира Радзивилла). Племянник ее первого мужа Кароль Радзивилл — «Пане коханку», в 1778 г. получив свои владения назад, приказал собрать жалобы мещан Койданова, чтобы все убытки, причиненные горожанам княгиней и управляющим паном Дресселем, были возвращены ею в казну князя Радзивилла.

[34] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 34, л. 19, 20.
[35] Там же, оп. 2, д. 7410, л. 30.

Мещане Койданова жаловались на увеличение податей и сборов в период временного владения городом князьями Воронецкими. Характерно, что жалобы мотивировались нарушением со стороны владелицы и ее управителя устава о повинностях горожан, записанного в предыдущих инвентарях Койданова и Койдановского графства. Документально, пункт за пунктом мещане доказывали, как нарушались инвентарные повинности, установленные и записанные в свое время магнатом, показывали, что магнаты не считались с этим юридическим документом, не рассматривали его чем-то обязательным для себя, а, наоборот, считали его (как и в других случаях другие магнаты) как бы исходным пунктом для увеличения размеров повинностей.

В пользу временной владелицы Койданова был увеличен сбор за убой скота (вместо 1 злотого 1 злотый 12 грошей от головы), а шкуры за полцены забирались во двор владельцев. Князь Воронецкий сверх «инструктажа» (установленного перечня сборов) ввел особый сбор в свою пользу — «ковшовое», по шестнадцатой части от продаваемого зерна, собрав за 10 лет (1768—1778 гг.) 500 бочек зерна стоимостью 32 тысячи злотых. Также был увеличен сбор денег за продаваемый солод, в результате чего князь Воронецкий за те же 10 лет собрал 4700 злотых дополнительно. Была введена подорожная повинность: все койдановские мещане-христиане должны были не менее 10 раз в год ездить за несколько миль или ходить пешком с письмами или перевозить товары магната [36]. За 18 лет владения Койдановом в казну Воронецких при сборе подымного налога было дополнительно собрано 54 105 злотых 10 грошей [37]. Производились и другие произвольные реквизиции [38]. Ремесленников сапожного, портняжного и ткацкого цехов управитель княгини пан Дрессель заставлял бесплатно работать на княжескую семью и на себя, о чем эти цехи подали жалобу. Такие же жалобы писали и койдановские седельщики и шорники. Всего жаловались на избиения, насилия и другие злоупотребления 195 домохозяев [39].

---

[36] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3374, л. 22.
[37] Там же, оп. 4, д. 2307, л. 8—9.
[38] Там же, л. 13, 15.
[39] Там же, оп. 2, д. 3374, л. 5 об., 6, 6 об., 22—23, 24, 25—27, 29—115.

Общая сумма претензий горожан к временным владельцам составила 1 365 149 злотых 10 грошей [40].

Феодальный произвол еще более усиливался, когда на владения магнатов в результате борьбы магнатских группировок за власть в Речи Посполитой налагался секвестр и они переходили в управление политическим противникам их владельцев. Так были секвестрованы в 1764 г. огромные владения изгнанного за границу князя Кароля Радзивилла. Они перешли в управление литовской генеральной конфедерации, против которой боролся Радзивилл. Верховными правителями радзивилловских владений, в том числе и городов, стали руководители конфедератов князь Фрыдерик Михаил Чарторыский, канцлер литовский, и Антоний Пшездецкий, подканцлер. Они прислали в города и отдельные владения комиссаров конфедерации, которые непосредственно управляли владениями. Так, Слуцком, Копылем и Слуцким княжеством управляли комиссары Мартин Олизарович и Людвик Сузин [41], Несвижем и Несвижским княжеством — паны Хмара и Вавжецкий [42]. И верховные правители, и комиссары совершали многочисленные злоупотребления властью.

По приказанию Кароля Радзивилла, вернувшегося в 1767 г. из изгнания с помощью русского посла, были составлены объемистые дела по различным его владениям о насилиях, лихоимстве, грабежах и издевательствах над населением в период управления комиссаров генеральной литовской конфедерации. В книги, поданные затем в суды, было занесено все до мельчайших подробностей, ибо, как считал Радзивилл, вред, нанесенный его подданным, был ущербом для его собственной казны и должен был быть возмещен ему. Разумеется, магнат не собирался возмещать ущерб своим подданным.

Руководители конфедератов грабили население городов, налагали на него поборы, вводили новые повинности, например подводную, вывозили в свои дворцы в городах и имения наиболее квалифицированных ремесленников с семьями. Всего за трехлетний период ущерб населению Слуцка и Слуцкого княжества составил

---

[40] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 2307, л. 315.
[41] Там же, оп. 2, д. 7431, л. 59.
[42] Там же, д. 5001, л. 28.

5 065 898 злотых 27$^1/_2$ грошей [43]. По городу и предместьям был нанесен ущерб 788 хозяевам [44]. Общий ущерб, нанесенный населению города за 3 года конфедератами, составил 960 120 злотых [45]. Было вывезено из Слуцка магнатами и руководителями конфедерации либо выехало из города 102 семьи слуцких ремесленников-христиан, кроме того, 66 еврейских семей [46], а всего 168 семей горожан. Выезд за небольшой срок значительной части ремесленно-торгового населения, притом наиболее активного, несомненно, отрицательно сказался на дальнейшем экономическом развитии города. Радзивиллы это хорошо оценили и упорно продолжали вести процесс с Чарторыскими и Пшездецкими еще в 1784 г.[47], надеясь получить с них солидную компенсацию за сокращение доходов со своего города. Аналогичный процесс они вели в 1783 г. против тех же магнатских семей, пытаясь получить компенсацию за ущерб Несвижу и Несвижскому княжеству. И в Несвиже конфедераты также стремились нажиться за счет горожан, действуя теми же методами, что и в Слуцке. В Несвиже от управления конфедератов пострадало 616 семей горожан. Общий ущерб по Несвижскому княжеству, включая и город, составил 1 019 937 злотых 7 грошей [48]. Из города магнатами-конфедератами было вывезено или выехало 16 семей христиан-ремесленников и 104 семьи евреев-ремесленников и торговцев [49], а всего 120 семей горожан, что также нанесло значительный урон экономическому развитию этого города. В Копыле на провиант для русской казачьей части, стоявшей в Тимковичах, и для проходящих казачьих и карабинерских частей управляющий конфедератов Одынец брал деньги с горожан, а, купив провиант и сдав его русскому интенданту, полученные деньги не возвращал городу, а клал в свой карман. Пан Одынец только за 1766 г. «заработал» на поставках 1165 злотых [50]. Затем

---

[43] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 7, д. 420, л. 563.
[44] Там же, л. 1—96.
[45] Там же, л. 108.
[46] Там же, оп. 2, д. 7440, л. 66—67; оп. 7, д. 420, л. 97—100.
[47] Там же, оп. 2, д. 7451, л. 1—10.
[48] Там же, д. 5001, л. 37—38.
[49] Там же, л. 28—30.
[50] Там же, л. 90, 94.

с города было взято на провиант 3986 злотых 12 грошей[51].

Одной из сторон феодального гнета можно считать усиление поборов на содержание войска Речи Посполитой (коронного и литовского) во время войн. В мирное время владения магнатов освобождались от постоя, но во время войн этот принцип не соблюдался, хотя центральная власть из внутриполитических соображений стремилась его придерживаться. Так, в декабре 1658 г. король Ян Казимир отменил распоряжение великого гетмана литовского Павла Яна Сапеги и предложил его заместителю Александру Полубинскому вывести литовское войско из владений Богуслава Радзивилла. Аналогичный универсал короля был направлен великому гетману[52]. Не только неприятельские, но и войска Речи Посполитой, и прежде всего литовское войско, грабили население городов, через которые они проходили и в которых останавливались. По сути дела, пребывание в городе войск Речи Посполитой мало чем отличалось от пребывания неприятельского войска. Единственным отличием было, пожалуй, то, что войска Речи Посполитой обычно не подвергали «свой» город осаде или штурму, хотя действия такого рода случались (особенно во времена междоусобиц).

Шляхтичи-солдаты роты ротмистра Яна Раецкого из литовского войска, занявшие Слуцк после ухода из него Наливайко в конце ноября 1595 г., совершали насилия над жителями города. Об этом вынужден был заявить в замковом суде сам ротмистр, которого «они не слухаючи», «збитии, кгвалту и шкоды немалые мещаном и инным людем над пристойности свою чынети...» Один из шляхтичей-солдат пан Петр Валян со своими товарищами и слугами ворвался в «мытницкую важницу» (т. е. весовое помещение) к пану-мещанину Богдану Омельяновичу, сыну протопопа, мытнику слуцкому. Шляхтич напал на Омельяновича, избил находившегося в «важнице» второго мещанина и насильно забрал «скрынку мытницкую» с деньгами, которую у него отбили другие слуцкие ме-

[51] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5001, л. 96.

[52] Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ГПБ). Отдел рукописей. Собрание П. П. Дубровского. Польские автографы. Автограф 65, № 9, л. 16, 17; № 10, л. 18, 19.

щане уже на улице. Другой солдат, пан Жуковецкий, выгнал из занимаемого под жилье помещения «служебника» виленского каштеляна Иеронима Ходкевича (опекуна слуцкой княгини) пана Войтеха Горчицкого и сам занял это помещение. Слуги трех солдат-шляхтичей в гостинном доме Венгриновой силой взяли напитки и нанесли ущерб хозяйке, а когда ротмистр потребовал у их господ уплатить за убыток, шляхтичи угрожали самому ротмистру, «збунтовавшы се своволне с тыми слугами своими...» Двое из этих шляхтичей, паны Кенсовский и Магнушевский, со своими слугами напали на дом пана-мещанина Михайла Омельяновича, сына протопопа. Когда и в этом случае ротмистр призвал их к порядку, шляхтичи-солдаты и их слуги снова угрожали ему [53].

Во время русско-польской войны 1654—1667 гг. потребовалось вмешательство короля, чтобы заставить отойти от Слуцка в июле 1660 г. на театр военных действий войска под командованием полковника Самуэля Оскерко, мозырского земского судьи. Король обвинил его в том, что Оскерко вместо похода «в поле» расположился обозом возле Слуцка и силой отбирал зерно и продукты у слуцких купцов, которые они привозили для продажи гарнизону Слуцкой крепости. Король потребовал, чтобы Оскерко перестал грабить и ушел «в поле» [54].

В сентябре 1663 г., направляясь к главному лагерю польско-литовских войск, гусарская хоругвь епископа виленского Ежи Бялозора под командованием поручика Крыштофа Бялозора проходила через Мирское графство Радзивиллов. Хорошо зная нравы солдат литовского войска, мещане Мира и земяне-шляхта Мирского графства заключили с хоругвью соглашение, по которому мещане и земяне доставили солдатам определенное количество провизии и напитков, а гусары обязались проследовать через территорию Мирского графства быстрым маршем, не останавливаясь на ночлег. Однако, получив продукты и напитки, гусары нарушили соглашение. Они двигались медленно, по пути грабя население, прошли через город Мир и местечко Свержень, относившееся к Мирскому графству. В Мире учинили беспорядки, ограбили мирского мещанина Федора Крыловича,

---

[53] ГПБ. Отдел рукописей. Собрание П. П. Дубровского. Польские автографы. Автограф 321/1, № 20, л. 1—2.
[54] Там же. Автограф 65, № 20, л. 38, 39; № 21, л. 40, 41.

отобрав у него коня ценою в 60 злотых. Остановившись на ночлег в Свержене, солдаты гусарской хоругви нанесли ущерб жителям местечка на 506 злотых [55].

Осенью этого же года магистрат города Себежа отправил специальную делегацию к владельцу города князю Богуславу Радзивиллу с жалобой, в которой указывал на притеснения со стороны офицеров гарнизона города. Члены делегации магистрата должны были сообщить об этом также гетману литовскому. Офицеры гарнизона распродали разным купцам провиант, собранный в крепости, а потом отнимали зерно у мещан. Они же заставляли ремесленников (кузнецов, слесарей, портных, сапожников) бесплатно работать на себя и даже запрещали им работать для кого-нибудь без особого позволения. Офицеры ввели особые сборы в свою пользу — с каждого приезжающего и выезжающего иногороднего купца и с мещанина от коня и головы скота по 1 орту (18 грошей), а также другие сборы. Комендант гарнизона переманивал ремесленников в свое имение, а на отказывающихся переехать налагал различные поборы. Солдаты-драгуны успешно конкурировали с мещанами, ремесленниками и торговцами, занимаясь «шинкарством, торговлей, перекупничеством, хлебопечением, убоем скота и другими какими-либо городскими занятиями» [56]. Наподобие стрельцов в Русском государстве солдаты гарнизона занимались ремесленной и торговой деятельностью, сокращая возможности мещан в основной для них деятельности, а вместе с вывозом ремесленников в имение коменданта и усилением гнета со стороны феодалов-офицеров эта ремесленно-торговая деятельность солдат подрывала экономическое развитие города.

В 1665 г. город Мир вновь подвергся нападению отрядов литовского войска. Две хоругви литовской кавалерии, состоявшей из шляхтичей, «Белая казацкая» и «Голубая» (названия по цвету мундира), подчиненные жмудскому старосте Ежи Каролю Глебовичу, договорились с мещанами Мира, что пройдут на места размещения мимо города. Нарушив условия соглашения, вооруженные

---

[55] ГПБ. Отдел рукописей. Собрание П. П. Дубровского. Польские автографы. Автограф 126, № 11.

[56] AGAD, AR, dział XXIII, teka 24, Akta Mieyskie. Siebież, № 5.

женные солдаты-шляхтичи («товарищи») со своими слугами-солдатами («пахоликами») напали на город, «где, взламывая амбары, лавки, и самих мещан били, сеча и раня, взятием денег, вещей, зерна и прочего... ущерба на злотых 2388 учинили, кроме того, в местечке Кореличах лошадь взяли, за которую уплачено 50 злотых...» [57] Владелец Мирского графства князь Кароль Станислав Радзивилл добился в 1691 г. в суде, специально назначенном сеймом из сенаторов, уплаты в свою казну наследниками Глебовича 9552 злотых за убытки, нанесенные солдатами в его городах и деревнях [58]. Ущерб, нанесенный мещанам, возмещался феодалу, владельцу города.

Весной 1695 г. несколько городов, принадлежавших дочери Богуслава Радзивилла, подверглись нападению регулярных и магнатских войск. 25 марта 1695 г. в Силезии умерла владелица Слуцка, Копыля, Копыси и других так называемых нейбургских владений в Белоруссии и Литве Людовика Каролина Радзивилл, по второму мужу принцесса нейбургская. 9 апреля сообщение об этом было получено в Слуцке [59] (и, видимо, несколько раньше несвижским Радзивиллом и другими магнатами Белоруссии). Сразу же разгорелась борьба за нейбургские владения. Владелец Несвижа, Мира и других городов и сел Кароль Станислав Радзивилл послал в Слуцк, Копыль и Копысь своих и государственных чиновников, которые, приехав в эти города, объявили о вводе их во владение Радзивилла как дальнего родственника Богуслава Радзивилла и его дочери [60]. В ответ на это великий гетман литовский Казимир Ян Сапега бросил против Радзивилла регулярные части войска литовского — запорожскую казацкую, драгунскую, рейтарскую хоругви и шляхтичей-солдат из других хоругвей общим числом более тысячи человек. Этот отряд литовского войска 10 апреля 1695 г. в боевом порядке ворвался на территорию Копыльского княжества и занял город и резиденцию магната. Офицеры и солдаты стали на постой в домах горожан и в результате короткой стычки в самом городе,

[57] ГПБ. Отдел рукописей. Собрание П. П. Дубровского. Польские автографы. Автограф 125, л. 219.
[58] Там же, л. 220.
[59] Biblioteka Narodowa w Warszawie, Zbiory Specjalne, Biblioteka Ordynacyi Zamoyskich (далее—BOZ), Rkps. № 911, k. 304.
[60] ГПБ. Отдел рукописей. Собрание П. П. Дубровского. Польские автографы. Автограф 127, № 42, л. 183.

«нарушая общественный порядок», выбили из Копыля людей Радзивилла, «порубив и поранив» их [61]. Если Копыль к моменту подхода литовского войска был занят людьми Радзивилла, то в Слуцке дело обстояло иначе. 10 апреля на Слутчину совершил «наезд» радзивилловский отряд и, как кратко сообщает об этом в своем дневнике эконом Слуцкого княжества Станислав Незабитовский, «было с ним немного шума...» [62] Весь следующий день прошел в переговорах, но все же Незабитовский не впустил радзивилловский отряд в Слуцк, и он отошел к Ивани. Незабитовский тут же уехал на переговоры к Сапеге [63], желая сохранить нейбургские владения в руках Нейбургской династии курфюрстов Пфальца и управлять ими. Он не хотел передавать управление одному из враждующих между собой магнатов, что ему и удалось сделать. Таким образом, он играл на противоречиях между Радзивиллом и Сапегой и опирался на отца новой княгини — принца нейбургского Карла Филиппа, вступившего во владение наследством от имени своей малолетней дочери. Князь Радзивилл обвинил Сапегу, что его люди, «поехав в город Слуцк, людей, там проживающих, взбунтовали и, грозя им смертью, строго приказали, чтобы протестующего князя за владельца не принимали, послушания не оказывали и в город Слуцк протестующего князя не впускали» [64]. Вслед за тем Радзивилл собрал более значительный вооруженный отряд, состоявший из пехоты, драгун, земян, бояр и «подданных» (т. е. набранных крестьян) — всего несколько тысяч человек, с пушками [65], и 14 мая вступил в Копыль. К его приезду разместившиеся в городе три хоругви литовского войска были приведены в готовность и выстроены на рынке в боевом порядке. Когда отряд Радзивилла появился на рыночной площади, конные хоругви регулярной армии и личный отряд Сапеги напали на отряд Радзивилла с криками, что не только людей Радзивилла, но и его самого изрубят на куски. Бой в городе продолжался более двух

[61] ГПБ. Отдел рукописей. Собрание П. П. Дубровского. Польские автографы. Автограф 127, № 42, л. 184.
[62] Biblioteka Narodowa w Warszawie, Zbiory specjalne, BOZ, Rkps. № 911, k. 304.
[63] Там же, k. 305.
[64] ГПБ. Отдел рукописей. Собрание П. П. Дубровского. Польские автографы. Автограф 127, № 42, л. 184.
[65] Там же. Автограф 150, № 25, л. 79.

часов, распространившись на другие части Копыля. Общая битва перешла в отдельные стычки небольших отрядов и закончилась отступлением литовского войска в Слуцк и в Слуцкую волость: «...немало людей шляхты и земян протестующего князя побив, порубив, поранив, а иных до смерти убив, а других в тюрьму забрав, и большие насилия и немало вреда в том княжестве Копыльском сделав, из города Копыля отступили, одни в город Слуцк, а другие в Слуцкую волость пошли и поехали, ожидая там больших подкреплений» [66]. Ст. Незабитовский 14 мая записал в своем дневнике: «Изгнанные гетманцы из Копыля отступили, с обеих сторон погибло по нескольку человек» [67]. 15 мая отряды, подчиненные Сапеге, заняли Слуцк, а отряд Радзивилла продвинулся в местечко Романов [68], а затем в фольварк Ивань, ставший резиденцией Радзивилла. Радзивилл грабил владения в Слуцком княжестве, отсылая ценности в свои замки [69]. На следующий день недалеко от Слуцка у фольварка Ивань произошел бой между двумя отрядами. Часть людей из радзивилловского отряда была перебита, часть взята в плен и посажена в тюрьму в Слуцком замке. Попытка радзивилловского отряда 17 мая занять Слуцк не удалась. Он был отбит при помощи крепостной артиллерии. Как писал в своей жалобе Радзивилл, сторонники Сапеги «людей в том городе Слуцке проживающих взбунтовали» [70]. Прибывший по поручению Сапеги в Слуцк 18 мая 1695 г. мстиславский воевода Александр Мосевич в тот же день отбил еще одну попытку Радзивилла занять город. Затем на Слутчину прибыло еще несколько хоругвей литовского войска во главе с сыном гетмана Михаилом Сапегой. 20 мая Радзивилл вынужден был отступить. Вдогонку за отступающим отрядом военнослужилых людей Радзивилла бросился отряд литовского войска численностью более тысячи человек. Сторонники Сапеги изгнали из Романова чиновников Радзивилла, нагнали его арьергард (более 30 человек),

[66] ГПБ. Отдел рукописей. Собрание П. П. Дубровского. Польские автографы. Автограф 127, № 42, л. 184—185.
[67] Biblioteka Narodowa w Warszawie, Zbiory specjalne, BOZ, Rkps. N 911, k. 308.
[68] Там же.
[69] ГПБ. Отдел рукописей. Собрание П. П. Дубровского. Польские автографы. Автограф 150, № 25, л. 79—81.
[70] Там же. Автограф 127, № 42, л. 185.

одних убили, других в реке утопили, несколько шляхтичей захватили в плен и отправили в Слуцк, а обоз Радзивилла захватили и, разграбив драгоценности на 400 тысяч злотых, отправили в Слуцк, а 21 мая вновь заняли Копыль, а также и Копысь, причем, как пишет Радзивилл, оба захваченных города были разграблены. Радзивилл оценил свои потери в этом походе в полтора миллиона польских злотых. Вслед за тем молодой Сапега ворвался на территорию радзивилловских владений и 22 мая захватил Кореличи и «там различные насилия учинил солдатским способом», закончив «наезд» 25 мая разгромом возле Кореличей отряда радзивилловских земян из имений Кореличи и Негневичи [71].

Вся эта междоусобная война между двумя крупными магнатскими семьями, «наезды» на города, местечки и деревни дорого обошлись жителям. Споры между магнатами закончились лишь через 50 лет, в 1744 г., когда Иероним Флориан Радзивилл выкупил нейбургские владения у курфюрста Пфальца и заплатил огромные суммы другим претендентам. Но все эти расходы княжеской казны пришлось восполнять горожанам и крестьянам.

В 1700 г. генерал литовской артиллерии Сеницкий ввел в Слуцк своих солдат. Солдаты чинили в городе насилия, убивали людей [72]. В марте 1706 г., кроме собственного гарнизона крепости (100 солдат и 2 выбранецкие хоругви), в городе находились 3 сотни солдат, которые стояли «для того, чтобы в Слуцке подорожала водка и юстиция умолкла» [73]. Даже шляхтичи жаловались, что солдаты бьют не только евреев и мещан, но даже шляхту и чиновников замка [74].

В феврале 1708 г. в Слуцке были расположены на зимних квартирах отряды литовского войска во главе с Князевичем, сторонники Огинского, союзники Петра I. В ночь на 5 марта к городу внезапно подошло войско сторонников короля Станислава Лещинского, состоявшее из 15 полков, во главе со старостой плунганским Крышпином. В бою войско Огинского было разбито,

---

[71] ГПБ. Отдел рукописей. Собрание П. П. Дубровского. Польские автографы. Автограф 127, № 42, л. 186.

[72] См.: W. Syrokomla. Pan Stanisław Leszyński. «Athenaeum». Tom II. Wilno, 1846, s. 120.

[73] Там же, с. 125.

[74] Там же.

одни были потоплены в реке, другие вместе с Князевичем взяты в плен. Город жестоко потерпел от военных действий кампании этого года [75].

Когда в Речи Посполитой разгорелась борьба за власть между разными группировками магнатов различной иностранной ориентации, в 1733 г. к Слуцку со стороны Сверженя подошло войско, возглавляемое стражником великим литовским Антонием Поцеем, и осадило его, заняв предместья. Город подготовился к обороне, было мобилизовано городское ополчение. Несмотря на протест мещан, губернатор крепости впускал в город офицеров и солдат-шляхтичей из осаждавшего город войска, иногда до нескольких десятков человек. В течение семи недель осады Слуцка горожане охраняли городские стены днем и ночью, а губернатор и офицеры гарнизона весело проводили время в попойках с офицерами осаждавшего город войска. Более того, губернатор распустил по домам собранных для защиты города земян. Он хотел сдать город Поцею с правом грабежа горожан, выторговав лишь уход гарнизона с пушками в Новый замок (цитадель). Но горожане во главе с магистратом не дали солдатам снять пушки с городских валов, а снятые вернули на место и сорвали попытку сдачи города. Тогда губернатор, выехав к Поцею, согласился на частичную капитуляцию за счет жителей города. Вернувшись, он приказал выдать осаждавшим 60 тысяч злотых, а комиссарам Поцея, которые вели переговоры, особо 450 червонных злотых [76] (т. е., считая по 16 злотых 20 грошей в червонном злотом, 7210 злотых 20 грошей.— *А. Г.*). Таким образом, судя по событиям, осада города частью литовского войска преследовала не столько какие-то политические или стратегические цели, сколько стремление добиться выкупа или добычи путем обычного во время войн разграбления города.

В 1734 г. жители города Копыси и волости подали жалобу временной владелице Копыси княгине Анне Радзивилл. Они жаловались, что были приведены в состояние разорения старостой оршанским паном Ёзефовичем, который совершил «наезд» на город с несколькими хоругвями солдат и находился там в течение недели. Мещане жаловались, что над ними «тиранским обра-

[75] Biblioteka PAN w Krakowie, Oddział rękopisów, № 1064, k. 30.
[76] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 4007, л. 5—6.

зом издевались, бросали их в тюрьму, мещан и евреев в кандалы и колодки сажали, страхи разные придумывали, вымогая невозможные подати с мещан, евреев и всей волости». Они вынуждены были одолжить 1000 тынфов и 80 битых талеров (т. е. 1973 злотых 10 грошей.— *А. Г.*). В связи с этим до выплаты долга княгиня разрешила отложить сбор налогов с них, за исключением арендных сборов [77].

Офицеры и солдаты литовского войска, находясь в Слуцке в 1764—1767 гг., во время управления городом и княжеством комиссарами генеральной литовской конфедерации грабили горожан, отбирая у них хлеб, муку, напитки, воруя вещи, товары, деньги, отбивали замки и забирались в лавки и амбары, требуя вещи, грозили сжечь город, реквизировали сено и т. д.[78]

Горожане белорусских частновладельческих городов всячески сопротивлялись введению чрезвычайных военных налогов, поборов и грабежам. Их борьба иногда приносила успех (особенно в тех случаях, когда в дело вмешивался владелец города, опасавшийся потерять свои доходы с разоренных горожан). В 1768 г. сейм Речи Посполитой освободил жителей Слуцка и Копыля «от экстраординарной подати под названием акцизы как временно назначенной конституцией 1659 г.» и от содержания слуцкого гарнизона, входившего до того в состав литовского войска. Проходящим через город войскам запрещалось взимать военный налог с жителей Слуцка [79]. В 1775 г. сейм освободил города Слуцк и Ляховичи, «революцией (т. е. отрядами конфедератов.— *А. Г.*) и огнем уничтоженные и не могущие выплачивать налоги Речи Посполитой и давать выплату провизии» (налог на продовольствие для армии.— *А. Г.*), на 10 лет от уплаты налогов в казну Речи Посполитой и от уплаты «провизии» [80].

Разорениям подвергались белорусские города в период войн, когда их занимали иноземные армии. Но белорусские горожане жестоко страдали и в мирное время, в XVIII в., когда иностранные державы все чаще и все настойчивее вмешивались во внутренние политические

[77] AGAD, AR, dział XXIII, teka 33, plik 6.
[78] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 7, д. 420, л. 1—107.
[79] Volumina Legum. Tom VII. Petersburg, 1860, s. 393.
[80] Там же, t. VIII, 1860, s. 414.

дела Речи Посполитой. «С начала восемнадцатого столетия Польша, по выражению самих поляков, держалась беспорядком (Polska nierzadem stoi); иностранные войска непрерывно оккупировали всю страну или проходили через нее; она служила им постоялым двором и трактиром (karczma zajezdna, как говорили поляки), при этом, однако, они, как правило, забывали об оплате»[81].

Как уже указывалось, одной из форм сопротивления (пассивного) феодальному гнету и произволу были жалобы горожан — личные и коллективные. Личные жалобы отражали частичное сопротивление отдельным (по отношению к различным лицам) нарушениям со стороны феодалов установившихся норм феодальной ренты или различным проявлениям феодального гнета. Документальные источники сохранили немало таких фактов по отдельным частновладельческим городам. Такие жалобы подавались либо непосредственно магнату, либо его наместнику, а нередко — в замковый суд или магистрат. Как правило, обращение в магистрат с жалобой на феодалов было в больших частновладельческих городах, где магистрат имел определенный вес и к слову которого прислушивался магнат и чиновники его администрации. Не всегда в условиях феодального гнета горожане подавали жалобы. Во-первых, они знали, что это связано с известной опасностью (феодалы могли жестоко мстить), поэтому подача жалобы требовала известной личной смелости. Во-вторых, горожане обычно подавали жалобы на феодалов магнату, а последний в силу классовой солидарности и общности интересов, безусловно, решал вопросы в пользу феодалов. Лишь в тех случаях, когда затрагивались политические и хозяйственные интересы магната, горожане могли рассчитывать на решение жалобы в свою пользу. Такие жалобы мещан и представителей других групп городского населения иногда обобщались администрацией магната для возмещения убытков владельцу города, причиненных чужими магнатами или шляхтичами его «подданным» мещанам и прочим горожанам. В таких случаях денежная компенсация горожанам из полученных магнатом денег не выдавалась, они могли рассчитывать лишь на некоторые льготы в налогообложении. Так было при проверке жалоб койда-

---

[81] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 18.

новских мещан в 1773 и 1779 гг. на действия временной владелицы Койданова княгини Анели Воронецкой и ее мужа [82]. Сходно было и обобщение отдельных жалоб в городе Биржи в 1785 г. на действия губернатора Адама Сержпутовского за 6 лет его правления [83]. Также составлялись книги жалоб на действия руководителей шляхетской конфедерации, управлявших в 1764—1767 гг. в Несвиже [84], Копыле [85], Слуцке [86]. В канцелярии магната записывались в особую книгу (она сохранилась за 1662—1663 гг. для городов Слуцка и Копыля [87]) жалобы горожан на чиновников магнатской администрации.

Большего мужества, чем подача личной жалобы, требовала подача коллективной жалобы мещанами частновладельческого города. Коллективная жалоба представляла собой организованную форму сопротивления горожан феодальному гнету. Она вызывалась каким-нибудь существенным проявлением феодального угнетения и произвола и выражала коллективный отпор мещан, стремление сохранить и укрепить свои права, льготы и привилегии. Коллективные жалобы также сохранились в некоторых источниках, они подавались обычно магнату.

Формой сопротивления феодальному гнету были различные просьбы горожан (магистрата или специальных делегаций) к владельцам городов с целью получить привилеи, льготы, права. Эти просьбы — «петиции», «суппликии» и т. д.— представляли собой коллективные, корпоративные выступления отдельных групп населения (например, цехов) или в целом городской общины, лиц мещанского сословия данного города и являлись средством сдерживания феодального произвола, средством охраны завоеванных в длительной борьбе определенных прав. Таких просьб городского населения сохранилось немало в архивных документах XVI—XVIII вв. и касаются они самых разных сторон городской жизни. В значительной мере это просьбы об освобождении от тех или иных налогов и податей на время или «навечно», о раз-

[82] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3374, л. 1—133; оп. 4, д. 2307, л. 1—315.
[83] Там же, оп. 2, д 471, л. 1—97 об.
[84] Там же, д. 5001, л. 1—30.
[85] Там же, л. 90, 94.
[86] Там же, д. 7451, л. 1—10; д. 7440, л. 1—78.
[87] Там же, оп. 3, д. 13, л. 1—118.

решении какой-либо деятельности горожанам в хозяйственной жизни города, о гарантии льгот и протекционизма горожанам данного города со стороны магната, а также о расширении сословных прав и привилегий, о введении самоуправления и расширении круга деятельности органа городского самоуправления. Часто просьбы о льготах в экономической жизни города были тесно связаны с просьбами о расширении сословных прав горожан.

Мещане частновладельческих городов Белоруссии и Литвы вели упорную борьбу за свои права с феодалами, представителями магната, чиновниками замковой администрации, стремившимися ограничить их права, обогащаться за счет жителей городов.

Магнат становился на сторону «шляхетных» чиновников, так как сам был первым феодалом в своем городе и латифундии и был заинтересован в эксплуатации городского населения. В то же время владелец города стремился ослабить антифеодальную борьбу горожан, так как сознавал, что эта борьба представляет опасность для господства феодалов. Магнату нужно было обеспечивать постоянный доход, который он получал от ремесленных и торговых занятий горожан, а также в виде различных налогов, податей, сборов, как обычных, так и чрезвычайных. Все это, вместе взятое, заставляло его вести осторожную политику, иногда делать уступки горожанам, отменять те или иные распоряжения как своей администрации, так и городских властей, играть роль арбитра при рассмотрении конфликтов, справедливо относящегося ко всем. В главном же владелец города всегда выступал защитником интересов феодалов. В борьбе среди самих мещан, между основной массой ремесленников, торговцев, городской бедноты и богатой городской верхушкой магнат стоял на стороне последней, поддерживая ее и таким образом ослабляя борьбу всего городского населения против феодального гнета.

Различные привилеи королевской власти, постановления сейма, привилеи магнатов городам, уставы, рескрипты, универсалы и другие магнатские документы, имевшие силу законов для частновладельческих городов и содержавшие различные льготы для мещан этих городов, не были актами милости владельца города или (по его инициативе) центральной власти Речи Посполитой.

Это были уступки, вырванные мещанами у феодалов в длительной и упорной борьбе, принимавшей разные формы.

Чаще всего перед магнатом или высшими чинами его администрации с петициями, ходатайствами, просьбами выступал магистрат частновладельческого города. В таких случаях он представлял всех мещан, которые оказывали давление на магистрат, чтобы добиться тех или иных льгот, восстановления прежних прав, уменьшения налогов, поборов и защиты от лихоимства чиновников магнатской администрации. Нередко мещане выступали с петициями всей массой (в небольших городах). Бывали случаи отправки к магнату делегаций, особенно если магнат жил вдали от принадлежавшего ему города.

Непрерывная борьба мещан в защиту своих прав и сословных интересов приносила некоторые успехи. Так, если в первоначальных привилеях Несвижу на магдебургское право не говорится о том, что мещане этого города обращались к королевской власти о пожаловании городу права на самоуправление и связанных с ним льгот, то уже в универсале короля Сигизмунда III от 16 февраля 1605 г. сказано, что несвижские мещане непосредственно обратились к королю с просьбой подтвердить данные им ранее привилегии об освобождении их от мыта и пошлин в королевских таможнях. Издание универсала понадобилось потому, что королевские чиновники в таможнях нарушали права несвижских мещан и брали с них пошлины. Король подтвердил прежнее право мещан Несвижа[88]. Борьба несвижских мещан за свои права, упорное стремление не сдавать раз уже доставшихся уступок со стороны феодалов вынуждали каждого нового короля подтверждать привилей на магдебургское право. Со ссылкой на просьбу мещан магдебургское право Несвижу было подтверждено 2 марта 1633 г. королем Владиславом IV[89] и 4 февраля 1649 г. Яном Казимиром[90]. Привилегии несвижских мещан по их просьбе утверждались также владельцем города. В августе 1654 г. князь Михаил Казимир Радзивилл по просьбе мещан Несвижа подтвердил все их права и привилегии и сверх того освободил их от сбора в свою казну с тор-

[88] AGAD, AR, dział XV, teka 5, № 11.
[89] Там же, teka 18, № 3, s. 6.
[90] Там же, teka 5, № 14.

говли спиртными напитками («капщизны»). Он определил, что торговое мыто в 60 коп литовских должно идти не в княжескую, а в городскую казну («скрынку»), а также дал ряд других льгот: передача доходов с «капщизны» от евреев, проживающих в Несвиже, в городскую казну и др. Магнат освободил мещан от вмешательства наместника в городские дела и установил, что апелляционный суд Несвижского княжества должен был собираться в Несвижском замке (чтобы мещанам не нужно было далеко ездить) и рассматривать апелляции мещан на основе магдебургского права, а не Литовского статута [91]. Этот привилей был важной уступкой со стороны магната. Однако это еще не означало, что несвижские мещане воспользовались всеми данными им правами. Уже через 3 года, 5 июня 1657 г., после военных действий в районе Несвижа, занятия и разорения города войсками враждующих сторон по просьбе городского магистрата владелец города издал универсал, обращаясь к своему наместнику с предложением не нарушать привилегии мещан, не судить мещан в замковом суде и не вводить новых налогов и поборов. Одновременно подтверждались все прежние права мещан Несвижа [92]. Этот документ показывает, что горожане белорусских частновладельческих городов вынуждены были упорно отстаивать свои права в борьбе с постоянным стремлением феодалов нарушать или отменять их.

По инициативе и просьбе быховских мещан, проживавших в только что построенном предместье города за Днепром — слободе Леоновке, в 1638 г. быховский наместник пан Гиляры Чиж, основываясь на приказе владельца Быхова Казимира Леона Сапеги (на исполнении этого приказания настаивали мещане), освободил жителей этой слободы на 10 лет от налогов и выполнения повинностей. Магнат увеличил этот срок еще на 4 года. Наместник также утвердил выбранного мещанами-слобожанами войта [93]. Впоследствии быховские мещане отстаивали свои привилегии в тяжбе с королевской администрацией. На сейме 1655 г. был утвержден королевский привилей Старому Быхову об освобождении его

---

[91] AGAD, AR, dział XV, teka 5, № 15.
[92] Там же, № 16.
[93] Biblioteka Czartoryskich w Krakowie, Rkps. № 1653, s. 36—37.

жителей от налогов и пошлин на 20 лет [94]. Затем мещане Старого Быхова получили отдельно «выпись» этого привилея от короля Яна Казимира в 1661 г.[95] Эта привилегия была подтверждена и в 1668 г. генеральной конфедерацией [96]. Наконец, в 1669 г. это же подтвердил своим привилеем король Михаил Вишневецкий [97], а затем и сейм в 1670 г., который освободил от налогов и всяких сборов жителей Быхова на 4 года [98]. Однако уже в 1671 г. в универсале администраторы таможен, ссылаясь на неясность формулировки об освобождении (в конституции сейма не говорилось о пошлинах), предложили во всех таможнях «не обращать внимания на эти вольности и взыскивать пошлины со всяких товаров по тарифу» [99]. Отмена прежних льгот вызвала поездку делегации быховских мещан в Краков на коронацию короля Яна III Собеского, который по их настоянию выдал 20 марта 1676 г. подтвердительный привилей на вольности городу Старому Быхову, данные королями Яном Казимиром и Михаилом Вишневецким [100]. Этот привилей был утвержден сеймом 1676 г., который освободил жителей города еще на 10 лет от уплаты «старой пошлины и пошлины новой увеличенной» [101]. На следующем сейме (1677 г.) жители Быхова были вновь освобождены от уплаты старой пошлины на основании постановления предыдущего сейма [102]. Такое частое подтверждение королевских привилеев и постановлений сеймов Речи Посполитой лишний раз показывает, что постановления эти и привилеи часто нарушались.

Для получения различных льгот или временного освобождения от налогов жителям белорусских городов приходилось платить королевским чиновникам и депутатам сейма большие суммы. В 1661 г. постановлением сейма Слуцк был освобожден на 4 года от воинского постоя, сдачи провианта и фуража для войска и от налогов

[94] Volumina Legum. Tom IV. Petersburg. 1859, s. 231—232.
[95] Акты Виленской археографической комиссии (АВАК), т. IV. Вильна, 1870, с. 180.
[96] Volumina Legum. Tom IV, s. 492.
[97] АВАК, т. IV, с. 46—48.
[98] Volumina Legum. Tom V. Petersburg. 1860, s. 54.
[99] АВАК, т. IV, с. 129.
[100] Там же, с. 177—181.
[101] Volumina Legum. Tom V, s. 213—214.
[102] Там же, с. 257.

Речи Посполитой (кроме чопового и пошлин) [103]. В официальных государственных и княжеских документах нигде не говорится об обстоятельствах, предшествовавших этому постановлению. В петиции же слуцких мещан, внесенной в протоколы магистрата в декабре 1661 г., есть сообщение о том, что освобождение от подымного налога стоило городу около 3 тысяч злотых [104]. Кроме того, из декларации Богуслава Радзивилла от 17 марта 1661 г. на просьбу магистрата явствует, что мещане действовали и через своего магната на депутатов сеймиков и государственных чиновников с тем, чтобы освободить город от государственных налогов [105]. И в дальнейшем законодательные акты сейма об освобождении горожан от налогов также готовились по инициативе мещан через магната и его наместников в городе. В октябре 1678 г. магистрат направил к экономам делегацию из 4 человек просить через депутатов сейма об освобождении Слуцка от налогов, о чем особо была выслана просьба и отправлен в Варшаву член магистрата Олайкевич, который повез различным чиновникам и депутатам деньги и соболиные меха, а в мае 1679 г., вернувшись и отчитавшись, сдал в городскую казну остаток суммы—1228 злотых [106]. Сейм в 1678 г. подтвердил постановление сейма 1677 г. об освобождении Слуцка на 12 лет от всех пошлин и мыт (кроме старой пошлины) [107]. В декабре 1680 г. в Вильно на трибунал защищать права слуцких купцов ездила делегация магистрата и после вручения денег каштеляну новогрудскому пану Пшездецкому уполномочила его вести дело. В январе 1681 г. слуцкая городская сессия составила просьбу к будущему сейму об освобождении города от налогов и направила делегацию на сейм, чтобы действовать там через пана Пшездецкого. Для этого была назначена разверстка для сбора денег среди мещан [108].

Часто мещане и магистрат частновладельческих городов Великого княжества Литовского выступали единым фронтом за укрепление своих сословных и корпора-

---

[103] Volumina Legum. Tom IV, s. 386.
[104] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Sprawy Sessyonalistów Magdeburgii Słuckiey.
[105] Там же, teka 132, Copie przywileiow y Listow..., k. 9.
[106] Там же, teka 151, Księga Mieyska...
[107] Volumina Legum. Tom V, s. 257.
[108] AGAD, AR, dział XXIII, teka 151, Księga Mieyska...

тивных прав, сдерживая и подавляя экономическую конкуренцию других групп городского населения. Так, в апреле 1652 г. по просьбе магистрата и всех мещан города Кейданы владелец города Януш Радзивилл ограничил права евреев, которые с этого времени подлежали с разрешения замкового суда суду магистрата, а также обязаны были платить городские налоги и входить в ремесленные цехи [109]. С аналогичной просьбой в 70-х годах XVII в. обратились к экономам владений княгини Радзивилл мещане Койданова [110]. В апреле 1636 г. жители города Биржи просили Крыштофа Радзивилла об освобождении их от старой пошлины, о введении двух ярмарок, об аренде мещанами торгового сбора и других льготах. На некоторые из этих просьб магнат дал положительный ответ (освобождение от пошлины, введение ярмарок) [111]. Он рассчитывал, что зажиточные и богатые горожане принесут ему больше доходов. В мае 1636 г. тот же магнат после совещания с мещанами Биржи (и, видимо, учтя их пожелания) принял «пункты городского порядка», в которых детализировал права и льготы, данные ранее мещанам [112]. По просьбе биржанских мещан Януш Радзивилл в сентябре 1645 г. освободил погорельцев от поземельной подати на 3 года, а также разрешил старосте содействовать им в строительстве домов [113]. С различными просьбами («супликами») обращались к своему магнату биржанские мещане в 1651, 1653 и 1660 гг.[114] При этом краткие ответы магната («реплики») по каждому пункту или более полные ответы («декларации») имели законодательную силу как для чиновников замковой магнатской администрации, так и для мещан.

Сохранившиеся документы по отдельным белорусским городам показывают, что мещане часто обращались не только к магнату, но и к его чиновникам. Так, в марте 1627 г. присланный Яном Станиславом Сапегой в Иказненское имение ревизор Максимилиан Хоцимовский выдал мещанам Освеи лист, в котором сообщал, «что приходили ко мне все мещане освейские, прося меня,

[109] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1195, л. 20.
[10] Там же, д. 1150, л. 28.
[111] Там же, д. 693-2, л. 6.
[112] Там же, л. 8—11.
[113] Там же, л. 21.
[114] Там же, л. 22—23, 24, 25.

чтобы я дал им на разработку заросшую пущу Старина Большая за Добрыником над рекой Добрыней» для расчистки ее под пашню, обещая платить чинш с этих волок. Ревизор выделил мещанам эту пущу с освобождением от чинша за нее на 3 года. В документе ревизора содержалась гарантия, что эта земля никогда не будет отнята у мещан [115]. Мещане принадлежавшего Сапегам местечка Белыничи в 1630 г. обратились с просьбой к Льву Сапеге об определении их повинностей, ибо «урядники» Сапеги брали (как это видно из устава о повинностях, утвержденного Сапегой) с мещан поборы по своему произволу. Сапега удовлетворил просьбу белыничских мещан и уточнил повинности, издав устав о повинностях в ноябре 1630 г.[116] Через 6 лет наследник Льва Сапеги по просьбе мещан подтвердил этот устав [117].

Жители Копыля после пожара в 1700 г., во время которого сгорело более 60 домов, подали главе местной магнатской администрации просьбу об освобождении их от повинностей в связи с разорением [118]. Мещане Мира в январе 1619 г. обратились к владельцу города с просьбой подтвердить привилей, данный мирским мещанам его предшественником в 1579 г., что и было сделано [119]. В марте 1695 г. в ответ на суплику мещан-ремесленников города Мира об утверждении цехового устава князь Кароль Станислав Радзивилл утвердил этот устав [120].

Сохранилось немало документов об обращениях к магнату и его наместникам, к центральной власти Речи Посполитой мещан и магистрата Слуцка. В 1565 г. «за прозьбою и чолобитием» слуцких мещан-слобожан им было дано князем Юрием Олельковичем 27 волок урочища Греда («грунту среднего») для пользования с уплатой чинша в княжескую казну по 30 коп грошей ежегодно [121]. В 1587 г. слуцкие мещане просили князя Яна Симеона Олельковича подтвердить привилей его отца о разрешении мещанам вывозить деревья из боров и лесов на три мили в окружности от Слуцка для строительства домов, мостов, заготовки дров и лучин. Князь

[115] Biblioteka Czartoryskich w Krakowie, Rkps. 1653, s. 175.
[116] Там же, с. 238—240.
[117] Там же.
[118] AGAD, AR, dział XXIII, teka 149, Kopyl, Rozmaitości.
[119] Там же, teka 150, Mieyskie, Przywileje i Ustawy.
[120] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1305-а, л. 61—62.
[121] AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, Miasto Słuck.

подтвердил этот привилей с запрещением порубки бортных деревьев[122]. Видимо, это разрешение не всегда выполнялось княжескими чиновниками, так как уже в 1612 г. слуцкий князь Януш Радзивилл вновь подтвердил по просьбе мещан это разрешение[123]. Слуцкие мещане в ноябре и декабре 1612 г. дважды побудили Януша Радзивилла дать протекционистские по отношению к ним привилеи, по которым приезжим на торги и на ярмарки в город купцам из других королевских и частновладельческих городов запрещалось продавать свои товары в розницу[124], что сдерживало конкуренцию иногородних купцов с местными. После смерти в 1620 г. Януша Радзивилла слуцкие мещане подали опекуну его сына Крыштофу Радзивиллу петицию, в которой просили сохранить прежние повинности, давая согласие на выплату чинша, тогда как наместник князя и его чиновники увеличивали поборы и подати с населения. Опекун князя определил размеры податей и повинностей в мае 1621 г.[125], а кроме того, издал устав для горожан, где детально регламентировались повинности горожан и оговаривались их привилегии[126]. По просьбе слуцких рыбаков комиссарами опекуна было дано разрешение на ловлю рыбы на реке Случи от города вниз до устья и на реке Морочи[127].

Особую группу петиций к магнату составляли просьбы мещан-ремесленников об утверждении цехов и цеховых уставов. Исследованные документы почти в одних и тех же выражениях указывают на то, что инициатива в таких случаях всегда исходила от мещан-ремесленников.

За XVIII век сохранилось меньше петиций и суплик горожан. Это объясняется не столько отсутствием такого рода документальных материалов в архивах, сколько уже устоявшимися отношениями между владельцами и горожанами, частыми войнами и нападениями на город, его неоднократным разорением, уменьшением числа жителей в целом и удельного веса мещан (за счет посте-

---

[122] AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, Miasto Słuck.
[123] Там же.
[124] Там же. Księga różnych postanowień, k. 2.
[125] Там же, teka 133, Rozmaitości z Aktów Mieyskich Słuckich.
[126] Там же. Ustawa ogólna porządku dla Miasta Słucka, k. 2—13.
[127] Там же, teka 158, Słuckie Rozmaitości.

пенного роста еврейского населения, объединенного в кагальную организацию, непосредственно подчиненную замковым властям), а отсюда и ослаблением позиций сословия мещан в городе. Тем не менее горожане и в XVIII в. сопротивлялись усилению феодального гнета.

Рассматривая в целом борьбу мещан белорусских частновладельческих городов за привилегии, права и льготы, следует отметить, что она протекала в своеобразных формах и сопровождалась определенными уступками со стороны магнатов мещанскому сословию, известным противопоставлением мещан основной массе подданных — угнетенному крестьянству, стремлением с экономической и политической точки зрения сконцентрировать в своих городах наиболее квалифицированных ремесленников, богатую группу торговцев, подвергая их в то же время феодальной эксплуатации. Привилегии, дававшиеся жителям частновладельческих городов, одновременно были направлены на то, чтобы закрепить, задержать городское население в подчиненных магнатам городах, предотвратить его уход, бегство в другие города или за границу.

Несомненно, к одной из форм социального протеста следует отнести уход или бегство горожан из частновладельческих городов в другие города, принадлежавшие магнатам, или в королевские города Великого княжества Литовского, часто за его пределы. Уход частновладельческих горожан (нередко вместе с семьями) представлял собой полный разрыв с владельцем города, поиски лучших условий жизни в другом городе, прекращение подданства по отношению к магнату, а поскольку это нарушало законы феодальной Речи Посполитой, то его следует считать и проявлением классовой борьбы. Уход и бегство усиливались с развитием феодальной эксплуатации, были связаны с войнами, принимали массовый характер в период открытых выступлений народных масс, крестьянских восстаний, во время национально-освободительной войны белорусского народа в середине XVII в.

В XVIII в. в условиях усилившейся анархии в политической жизни Речи Посполитой из частновладельческих городов произошел отток большой части городского населения. Этому способствовала яростная борьба между магнатскими группировками за власть, сопро-

вождавшаяся захватом частновладельческих городов различными шляхетскими конфедерациями и иноземными войсками во время войны и в мирное время. Частое разорение магнатских городов ухудшало экономическую конъюнктуру, а снижение уровня хозяйственной жизни приводило к уходу ремесленного и торгового населения в королевские города или другие местности. Кроме того, враждовавшие между собой магнаты при занятии городов насильственно вывозили наиболее квалифицированных ремесленников в свои имения и дворцы столичных городов Речи Посполитой или не препятствовали ремесленникам покидать частновладельческие города.

Горожане частновладельческих городов Белоруссии подвергались тяжелому феодальному гнету. Даже привилегии и льготы, которые давали мещанам магнаты, заинтересованные в увеличении доходов с городов и создании опорных пунктов в своих латифундиях, не могли защитить их от угнетения феодалами и грабежа со стороны войск. Одной из форм социального протеста горожан были и коллективные жалобы владельцу. Так же выражала свой протест и другая, непривилегированная группа населения магнатских вотчин — крестьяне. Но в отличие от них мещане магнатских городов постоянно добивались получения льгот и привилеев, закрепления их в законодательном порядке королем или сеймом Речи Посполитой. Более развитой формой социального протеста горожан были побеги из частновладельческих городов в другие города (иногда и частновладельческие) и местности Белоруссии, в Литву, чаще на Украину и в пределы Русского государства. Это означало либо полный разрыв со своим феодальным сеньором, либо некоторое облегчение положения мещан-беглецов. Уход из частновладельческих городов был постоянной, широко распространенной и особенно усилившейся в XVIII в. (в период борьбы магнатских группировок за власть в государстве) формой социального протеста жителей городов.

ГЛАВА II

АНТИФЕОДАЛЬНАЯ БОРЬБА НАСЕЛЕНИЯ ЧАСТНОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ГОРОДОВ. ВОССТАНИЯ

Высшей формой борьбы населения частновладельческих городов Белоруссии против феодального гнета были массовые выступления горожан, их восстания против феодалов, участие городских низов в крестьянских восстаниях, национально-освободительной войне белорусского народа в середине XVII в.

Усиление феодально-крепостнического и национально-религиозного гнета в Белоруссии (чему способствовала Брестская церковная уния) в XVI в. привело к обострению классовых противоречий. На территории Белоруссии участились антифеодальные выступления белорусских крестьян и городских низов. Борьба трудящихся масс городов сливалась с борьбой крестьянства, принимая все более активные формы.

В отличие от антифеодальных выступлений в королевских городах Белоруссии, где не было владельца города в каждом конкретном случае, эта борьба в частновладельческих белорусских городах была направлена не только против класса феодалов в целом, но также (и в основном) против феодального владельца города, против гнета со стороны его чиновников, была проявлением постоянных классовых конфликтов. Программой борьбы мещан частновладельческих городов было не свержение власти владельца (такого требования не содержится ни в одном документе), а ограничение его власти либо власти его чиновников, сохранение и закрепление завоеванных в длительной борьбе прав. К антифеодальному выступлению мещане приходили уже тогда, когда все другие формы классовой борьбы были исчерпаны. Но основная ремесленно-плебейская масса городского населения магнатских городов стихийно боролась против ликвидации феодальной власти сеньора, за полное самоуправление, как это было и в городских коммунах Западной Европы.

Большим побудительным мотивом для прямых выступлений горожан против феодалов были крестьянские восстания. Именно в период крестьянских восстаний беднейшая часть горожан выступала как резерв восставших крестьян, активно примыкала к повстанцам, участвовала в восстаниях. Этому способствовали растущие экономические, рыночные связи городов с близлежащими сельскими округами.

Всем городским движениям феодальной эпохи присущ значительный элемент стихийности, который был свойствен в еще большей мере и крестьянским выступлениям. В этом сказывалась политическая незрелость угнетенных классов феодальной формации. Как правило, выступления горожан характеризовались локальной ограниченностью и разновременностью. На антифеодальной борьбе мещан лежала печать корпоративности, сословного отграничения от крестьянства. С одной стороны, корпоративность способствовала большему сплочению мещан в классовой борьбе, с другой же, она вела к отделению их от крестьян в этой борьбе, так как требования у горожан и крестьян были разные. Разобщение повстанцев особенно ярко проявилось в период национально-освободительной войны середины XVII в. в Белоруссии.

Характерной особенностью классовой борьбы трудящихся масс Белоруссии является то, что она велась в тесном союзе с украинским крестьянством и казачеством, известную часть которого составляли выходцы из Белоруссии, в том числе и беглецы из белорусских частновладельческих городов или магнатских латифундий. Белорусские крестьяне и горожане присоединялись к отрядам казаков, прибывших в Белоруссию, и совместно вели борьбу против магнатов и шляхты. Классовая борьба переплеталась с национально-религиозной борьбой.

Факты участия в антифеодальной борьбе жителей частновладельческих городов Белоруссии освещаются нами на основе литературных и архивных данных, причем детализируются уже известные и приводятся новые материалы. Данные о выступлениях горожан нескольких наиболее крупных городов сохранились в архивах. Однако не сохранилось или не найдено еще в архивах фактов и свидетельств вооруженной борьбы мещан многих

городов и местечек Белоруссии. При этом необходимо отметить, что феодалы, в руках которых было делопроизводство того времени, не всегда фиксировали в документах такие факты. Кроме того, более или менее постоянная документация велась только в крупных городах с магдебургским правом. В небольших частновладельческих городах и местечках документы составлялись от случая к случаю и не могли, естественно, отобразить общественную жизнь во всех ее проявлениях. Неполные сведения невольно искажают общую картину, выделяя выступления горожан отдельных белорусских городов и как бы затушевывая выступления мещан других городов и местечек.

Горожане частновладельческих городов принимали участие в крупном антифеодальном восстании 1595—1596 гг., которое возглавил Семерин (Северин) Наливайко. О восстании говорится в украинских хрониках XVII в., в частности «Кратком описании Малороссии»: «И за тую ж унею взявшись потом против ляхов, гетман запорожский Наливайко с казаками Слуцк и Могилев спалил и ляхов многих побил»[1]. Летописец, безусловно, преувеличил действия казаков, приписав им сожжение двух белорусских городов. А в «Собрании историческом» также говорится, что «гетман казацкий Наливайко с казаками воевал венгров, и пришел на Украину, ненавидя новоявишойся унии, собрал еще из низовых казаков большее войско, с коими ходил в Литву; там по многой войне, городи Слуцк и Могилев спалил, ляхов немало побил и с добичею в Украину возвратился»[2]. И в этой хронике повторяется та же неточность о сожжении Слуцка и Могилева, подчеркивается борьба Наливайко и его повстанцев против унии, решение о которой было принято иерархами православной церкви на Украине и в Белоруссии еще в 1594 г.

Это восстание началось на Украине, а затем охватило значительную территорию Белоруссии, главным образом южную и юго-восточную ее части. Очагом восстания были Волынь и Подолия. В октябре 1595 г. отряд Нали-

---

[1] Летопись самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник: Хмельницкой, «Краткого описания Малороссии» и «Собрания исторического». Киев, 1878, с. 215.
[2] Там же, с. 370.

вайко направился с Волыни через Полесье в пределы Белоруссии. Переход отряда Наливайко в Белоруссию из Правобережной Украины, где ширилось антифеодальное движение, был связан с тем, что феодалы Речи Посполитой бросили против повстанцев семитысячное реестровое казацкое войско во главе с гетманом Лободой. Казачья старшина относилась враждебно к Наливайко и его отряду, так как состояла из крепостников-землевладельцев и представляла собой класс феодалов [3]. В состав отряда Наливайко к моменту его прихода в Белоруссию входили нереестровые казаки, беглые крестьяне, мещане и мелкая шляхта [4]. Отряд насчитывал тысячу человек [5].

Первым крупным населенным пунктом в Белоруссии, который был занят повстанцами Наливайко, было местечко Петриков (на территории Слуцкого княжества). Находясь здесь, Наливайко рассылал письма в ближайшие города, требуя финансовой поддержки. Новогрудский подсудок Федор Евлашевский отмечал в своем дневнике, что Наливайко во время нахождения в Петрикове (Петриковичах) писал письма магистратам белорусских городов, «подарки собе давати заказуючи; якож и давано, одно з Слуцка помешкано было...» [6] 24 октября 1595 г. Наливайко направил из Петрикова такое письмо войту и бурмистрам слуцким [7]. В письме он просил, чтобы они не препятствовали «постою» казаков в городе и дали возможность некоторое время отдохнуть в Слуцке его отряду [8].

Наливайко не случайно добивался постоя в Слуцке. Он стремился избежать возможного столкновения с войском реестровых казаков во главе с гетманом Лободой, который враждебно относился к Наливайко. Войско Лободы продвигалось к границе Белоруссии. Кроме того,

---

[3] История Белорусской ССР, т. 1. Минск, 1961, с. 123.
[4] См.: Т. Н. Копреева. К истории движения Наливайко.— «Исторический архив», 1956, № 2, с. 146.
[5] См.: С. Соловьев. История России с древнейших времен, т. X. Спб., 1860, с. 69.
[6] Дневник новгородского подсудка Федора Евлашевского (1564—1604 года).— «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси». Вып. II (первая половина XVII ст.). Киев, 1896, с. 32.
[7] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1610, л. 109; д. 5810, л. 1.
[8] Там же, д. 1610, л. 109; д. 5810, л. 1; История Белорусской ССР, т. 1, с. 123.

Наливайко понимал, что феодалы Великого княжества Литовского при первой возможности бросят против его отряда свои войска. И действительно, как только стало известно о занятии повстанцами Петрикова, многие магнаты и шляхтичи, владельцы имений в южной и центральной частях Белоруссии, съехались в Клецк, чтобы договориться о совместных действиях против повстанческого отряда Наливайко [9].

Слуцк в то время был одним из крупнейших городов Белоруссии. Принадлежал он малолетней княжне Софье Юрьевне Олелькович, последней представительнице своего рода. Опекуном ее был родственник, магнат Иероним Ходкевич, каштелян виленский. Город по своему экономическому значению и по количеству населения превосходил Минск. Московский дьяк Трифон Коробейников, проезжая через Слуцк в Константинополь в 1593 г. во главе посольства, записал в своем дневнике: «...а посадом и городом и торги тот город Слуцк города Менска болши и лутчи» [10]. Слуцкий замок был хорошо укреплен. В крепости было много пушек, другого огнестрельного оружия и большое количество боеприпасов. Наливайко считал, что Слуцк сможет стать опорным пунктом повстанцев. Ответ слуцких бурмистров и рады о «постое» казаков в городе был отрицательным [11]. Тогда отряд Наливайко 6 ноября 1595 г. захватил город и замок: «...и прудкож убег в Слуцк новембра 6 дня и был там немало» [12].

Стремительный захват Слуцка был настолько неожиданным, что Иероним Ходкевич не успел принять мер к обороне города, а гарнизон замка не оказал сопротивления. В плену у казаков оказались два сына Ходкевича, учившиеся в Слуцке [13].

Съехавшиеся в Клецк феодалы, в том числе новогрудский воевода и виленский каштелян, стали спешно собирать войско. Узнав о захвате Слуцка, феодалы оказались в полной растерянности. Они «не ведили, што по-

---

[9] История Белорусской ССР, т. 1, с. 123—124.
[10] Хождение дьяка Трифона Коробейникова.— «Православный палестинский сборник». 27-й выпуск. Спб., 1889, с. 75.
[11] История Белорусской ССР, т. 1, с. 124.
[12] Дневник новгородского подсудка Федора Евлашевского (1564—1604 года), с. 32.
[13] Kronika Marcina Bielskiego. Tom III. Sanok, 1856, s. 1743.

чать, услышавши, же се у замок слуцкий добыли юж» [14]. Великий гетман литовский и виленский воевода Крыштоф Радзивилл вынужден был взять на себя руководство военными действиями против повстанцев. Он разослал по поветам Литвы и Белоруссии универсалы с призывом к шляхте собраться для военных действий против повстанцев. Крыштоф Радзивилл готовил к бою свои отряды [15].

В составе отряда Наливайко было немало выходцев из Белоруссии — крестьян, городской бедноты, бежавших на Украину и вступивших там в ряды казачества [16]. После захвата Слуцка они вместе с другими казаками громили имения магнатов и шляхтичей [17]. Как отмечено в письме Яна Замойского Крыштофу Радзивиллу, «Наливайко вошел в Слуцк и обиды там и в околице совершает... письма рассылает...» [18] Крестьяне, городская беднота, мелкие служилые люди присоединялись к повстанцам [19].

П. А. Кулиш, ссылаясь на письмо Наливайко к королю Сигизмунду III из Речицы, пишет, что «литовские паны с гайдуками своими и множеством всякого народу напали на них (отряд Наливайко.— *А. Г.*) сперва в Слуцке, а потом в Копыле» [20]. Однако другие источники и литература не приводят сведений о первоначальной битве в Слуцке.

В числе других экспедиций в районе Слуцка, высланных Наливайко, была экспедиция, направленная к Копылю. Видимо, сам Наливайко придавал ей большое значение, так как выслал с ней пятьсот казаков (значительную часть своего отряда) во главе с полковником Мартинко, который пользовался у него большим доверием. Можно предполагать, что отряд Мартинка был

---

[14] Дневник новгородского подсудка Федора Евлашевского (1564—1604 года), с. 32.

[15] Kronika Marcina Bielskiego. Tom III, s. 1743.

[16] См.: П. А. Кулиш. История воссоединения Руси, т. II. Спб., 1874, с. 107; История Белорусской ССР, т. 1, с. 124.

[17] Там же.

[18] Scriptores Rerum Polonicarum. Tomus VIII. Archiwum domu Radziwiłłów. Kraków, 1885, s. 114.

[19] См.: Н. И. Костомаров. Исторические монографии и исследования, т. III. Изд. 2-е. Спб., 1880, с. 280; История Белорусской ССР, т. 1, с. 124.

[20] П. А. Кулиш. История воссоединения Руси, т. II, с. 107.

выслан для разгрома имений на запад от Слуцка и занятия Копыля. Но в этом направлении уже стягивалась служебная пехота Крыштофа Радзивилла. Повстанцам же это не было известно. 25 ноября 1595 г. отряд Мартинка попал в засаду под самым Копылем. Здесь у мельницы и пруда им преградили дорогу пехотинцы гетмана («гайдуки»). Произошел ожесточенный бой. Мартинко и многие казаки были убиты. Понеся тяжелые потери, отряд отступил к Слуцку. По свидетельству современника, белорусского феодала Федора Евлашевского, занимавшего должность новогрудского подсудка, раненые казаки, не желая сдаваться врагу, предпочитали гибель в огне: «...а инши, постреленными юж будучи, в огонь скакали и згорели, бо были стайню дворовую, у того млынка будучую, запалили, же се барзо их мало до Слуцка воротило» [21].

Наливайко не стал дожидаться подхода противника и, понимая, что войско феодалов, собранное в Белоруссии и Литве, вот-вот подойдет к Слуцку из Клецка, «новембра 27, з вечора, выбравши се з Слуцка, до Омгович знову ку Полесю вытегнул и потом кгрудня 13 Могилева моцю добыл...» [22] Уходя из Слуцка, повстанцы забрали в Слуцком замке и увезли с собой 12 лучших пушек, 80 пищалей, 700 рушниц (ружей), много боеприпасов. Кроме того, они заставили зажиточных мещан выплатить им 5 тысяч коп грошей литовских в виде «стации» [23]. Когда отряд Наливайко выходил из Слуцка, на него напала пехота гетмана Крыштофа Радзивилла и военнослужилые люди виленского каштеляна Иеронима Ходкевича. Было убито несколько десятков повстанцев [24].

Несомненно, многие горожане Слуцка примкнули к отряду Наливайко, так как при вступлении в Могилев он насчитывал уже 2 тысячи казаков [25]. Несмотря на понесенные в боях потери, отряд за несколько недель увеличился вдвое с момента прихода в Белоруссию.

---

[21] Дневник новгородского подсудка Федора Евлашевского (1564—1604 года), с. 32—33.

[22] Там же, с. 33.

[23] Kronika Marcina Bielskiego. Tom III, s. 1743; П. А. Кулиш. История воссоединения Руси, т. II, с. 108—109.

[24] Kronika Marcina Bielskiego. Tom III, s. 1743.

[25] См.: С. Соловьев. История России с древнейших времен, т. X, с. 69.

После ухода Наливайко из Могилева в южном направлении (на Быхов — Рогачев — Речицу и далее на Полесье) шляхетское войско, которое шло от Могилева за отрядом Наливайко, повернуло от Рогачева на Минск, не зная направления следующего удара повстанцев. К этому времени и реестровые казаки присоединились к антифеодальной борьбе народных масс Украины и Белоруссии. Магнаты опасались нового нападения казаков на Могилев, Слуцк или Пинск. На территорию юго-восточной части Белоруссии вступил и двигался по левобережью Днепра отряд реестровых казаков Шаулы, отделившийся от войска реестровых казаков гетмана Лободы и перешедший на сторону народных масс. Отряд Наливайко от Речицы пошел на Петриков, а оттуда вдоль Припяти. К отряду и после его ухода из Могилева присоединялись крестьяне и городская беднота. Отряд Наливайко последовательно занял Туров, Лахву, Давид-Городок, Пинск и в окрестностях их «почали творити шкоду великую замкам и панам»[26]. Несомненно, в действиях отряда казаков принимали участие и жители частновладельческих городов Турова, Давид-Городка и Лахвы. Об этом свидетельствует увеличение численности отряда Наливайко во время военных действий в Белоруссии.

Владелец Несвижа и Лахвы Николай Крыштоф Радзивилл («Сиротка») писал 2 февраля 1596 г. великому гетману Крыштофу Радзивиллу, что «Наливайко со всем своим войском уже в Лахве и пушки через Припять там же переправляет». Он ожидал дальнейшего наступления Наливайко на Клецк или Пинск[27]. К весне 1596 г. отряд Наливайко ушел на Волынь. Однако магнаты Белоруссии еще ждали его нападения. Радзивилл «Сиротка» 27 марта 1596 г. писал гетману, что ожидает нового нападения Наливайко «на Слуцк или скорее на всю Литву...» Он подчеркивал, что «Наливайко ушел целым с пушками и с возами, потеряв более 500, но не лучших, людей...»[28] Отряд Шаулы ушел из Пропойска через Быхов на Черниговщину. На Украине Наливайко объединился с отрядами восставших реестровых казаков. После боев с польским войском под Белой Церковью и в урочище

[26] История Белорусской ССР, т. 1, с. 127.
[27] Scriptores Rerum Polonicarum. Tomus VIII, s. 42.
[28] Там же, с. 43.

Острый Камень повстанцы переправились через Днепр и построили на реке Солонице (возле города Лубны) укрепленный лагерь. После двухнедельной осады верхушка реестровых казаков выдала Наливайко и других руководителей восстания и они были казнены. В 1596 г. восстание казаков и крестьян, в котором принимали участие белорусские крестьяне и горожане, было подавлено.

Казацкие отряды не раз приходили в Белоруссию в начале XVII в. Так, например, в постановлении Варшавского сейма 1616 г. говорилось, что «казаки своевольные неоднократно через это место (Слуцк и Слуцкая волость.— *А. Г.*) проходили» [29]. В 1618 г. казацкие полки вновь подходили к Слуцку [30].

В освободительной войне белорусского народа середины XVII в. против феодально-крепостнического и национально-религиозного угнетения вместе с широкими массами белорусского крестьянства принимали участие и горожане, в том числе и мещане частновладельческих городов.

Движущей силой освободительной войны, начавшейся летом 1648 г., было белорусское крестьянство, которое выступило совместно с городскими низами и прибывшими в Белоруссию казацкими загонами. Толчком к массовому народному движению на территории Белоруссии явилось начало освободительной борьбы украинского народа [31]. Так, руководитель восстания запорожского казачества Богдан Хмельницкий выслал вначале в Белоруссию своих агентов, которые активизировали волнения в Белоруссии. Затем сюда были направлены небольшие казацкие отряды, которые быстро росли (до нескольких тысяч человек) за счет белорусских крестьян и горожан. Среди казаков было немало выходцев из Белоруссии, хорошо знавших местности, дороги, обстановку и, видимо, сохранявших связи в родных местах.

Летом 1648 г. в Белоруссии уже действовали казацкие отряды Головацкого, Небабы, Кривошапки, Горкуши, Михненко, Микулицкого, Поддубского и др. Действия казацких отрядов, приход которых явился сигналом к восстанию, охватили территорию южной и восточной

[29] Volumina Legum. Tom III. Petersburg, 1859, s. 150.
[30] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 10729, л. 4.
[31] История Белорусской ССР, т. 1, с. 165.

Белоруссии — Минского, Брестского и Мстиславского воеводств, а также центра — Новогрудского воеводства. Вскоре крестьянские восстания вспыхнули почти на всей территории Белоруссии.

Горожане Белоруссии, включая и ремесленников, присоединялись к казацко-крестьянским отрядам [32]. В условиях мощного подъема освободительной борьбы на ее первом этапе к народным массам примкнула и белорусская мелкая православная шляхта, богатые купцы и ремесленники, православное духовенство. Однако эти социальные группы в своих действиях были нерешительны, непоследовательны, часто шли на соглашение с крупными феодалами, а в ряде случаев прямо предавали интересы народных масс [33]. Мелкие белорусские феодалы, православное духовенство, городская верхушка и средние слои горожан нередко использовали народную борьбу в своих классовых и сословных интересах, вырывая уступки со стороны центральной власти и крупных феодалов.

Повстанцам удалось занять ряд белорусских городов и местечек — Туров, Пинск, Мозырь, Брагин, Лоев, Гомель, Горволь, Чечерск, Кричев, Бобруйск и т. д. Они действовали в районах Речицы, Слуцка, Быхова, Новогрудка, Несвижа, Слонима, Бреста, Кобрина, Черикова, Могилева, Орши, Борисова, Смолевич, Минска [34].

Отряды восставших разоряли и жгли панские усадьбы, костелы, монастыри, убивали феодалов, католическое духовенство. Крестьяне забирали панское имущество. Огню предавались привилеи, грамоты, векселя, долговые расписки и другие документы, взятые в панских усадьбах [35].

Вспыхнув одновременно в разных местах, восстание в Белоруссии застигло врасплох магнатов и шляхту. Старый и больной великий гетман литовский Януш Кишка не успел собрать литовское войско, а разрозненные

[32] История Белорусской ССР, т. 1, с. 167.

[33] Там же; Л. С. Абецедарский. Борьба белорусского народа за соединение с Россией (вторая половина XVI—XVII вв.). Автореф. докт. дис. Минск, 1965. с. 27.

[34] См.: Л. С. Абецедарский. Борьба белорусского народа за воссоединение Белоруссии с Россией в середине XVII в. В кн.: Воссоединение Украины с Россией. 1654—1954. Сборник статей. М., 1954, с. 182—183.

[35] История Белорусской ССР, т. 1, с. 166.

отряды отдельных магнатов и шляхты не могли противостоять повстанцам.

Как уже говорилось, жители частновладельческих городов Белоруссии принимали непосредственное участие в народном восстании. Выступления их были связаны с крестьянскими восстаниями в прилегающих к городам местностях. Так горожане Слуцка поддержали волнения крестьян близлежащих деревень [36]. Эти волнения не переросли в открытое восстание из-за присутствия здесь гарнизона [37].

Большой казацко-крестьянский отряд в конце лета 1648 г. попытался овладеть Слуцком. Руководители восстания, видимо, надеялись использовать этот важный стратегический пункт для дальнейших военных операций, для расширения сферы действий повстанцев. Не последнюю роль в этом, несомненно, играли те же соображения, которыми руководствовался в свое время и Наливайко,— пополнение отряда оружием, боеприпасами, деньгами и людьми. Кроме того, взятие одной из наиболее укрепленных крепостей Белоруссии входило в общий стратегический план Богдана Хмельницкого: закрепиться в Белоруссии и отвлечь вооруженные силы литовского войска и магнатов Великого княжества Литовского с тем, чтобы защитить фланг и тыл казацко-крестьянской армии на Украине, наносившей сокрушительные удары коронному (польскому) войску. План этот благодаря широко развернувшемуся народному восстанию в Белоруссии был выполнен. Белорусский народ оказал помощь украинскому народу в его борьбе против польских магнатов и шляхты.

Казацко-крестьянские отряды на территории Белоруссии наносили удары наспех собранным отрядам наемников и шляхты. У местечка Горволь Горкуша разгромил отряды наемников и шляхты под командованием Мирского, стражника литовского, после чего восстание в южной части Белоруссии расширилось [38]. Захватив Мозырь, отряд казаков и крестьян двинулся к Слуцку. Об

---

[36] См.: П. П. Семенов. Живописная Россия, т. III. Спб., 1882, с. 308.

[37] Theatri Europaei. Sechster und Letzter Theil. Franckfurt am Mayn. Anno MDCLXIII, S. 374.

[38] Albertus Wiiuk Kojałowicz. De rebus anno 1648 et 1649 contra zaporovios cosacos. Wilnae, 1651, pag. 9.

этом писал литовскому подканцлеру Казимиру Леону Сапеге слуцкий наместник Ян Сосновский 15 августа 1648 г., настойчиво прося подкрепления. Казаки и крестьяне, сообщал он, «... в Мозыре недолго побыв, двинулись из него и уже находятся только в шестнадцати милях от Слуцка»[39]. Он «униженно» просил немедленной присылки подкрепления (что свидетельствовало о растерянности Сосновского), хотя в его распоряжении был гарнизон и «небольшая горстка» шляхтичей, бежавших из Мозыря[40]. Всего под командованием Сосновского было несколько сот человек (как он сообщал в письме от 23 августа)[41], что было достаточно для обороны города. Просьба о присылке подкрепления аргументировалась также и тем, что задуманный Сапегой поход из Быхова в районы по Днепру уже не нужен, ибо все они уже заняты казаками и повстанцами, а спасать необходимо Слуцк. На крайний случай Сосновский просил подкрепления из Ляховичской крепости[42].

Сапега обещал прислать подкрепление. Однако Сосновский торопил его. В письме от 21 августа он писал: «... только если нескоро придут подкрепления вашей милости моего милостивого пана, то все будет кончено, ибо эти изменники (так он называл казаков.— *А. Г.*) пообещали прибыть к Слуцку на день пречистой, который на этот вторник приходится»[43]. Сосновский сообщал, что казаки и крестьяне, по его данным, намерены подойти к Слуцку с трех сторон — «от Мозыря, от Петрикова и от Турова, и хотят мои силы на трое разорвать и выманить меня в поле»[44]. Он писал, что отряд казаков дошел до Ленина (в 12 милях от Слуцка) и отошел назад, а руководители отряда обещали крестьянам вернуться с большими силами[45]. Повстанческое движение в районе Слуцка ширилось.

23 августа 1648 г. казацко-крестьянский отряд подошел к городу и пытался его взять. Артиллерийским огнем

---

39 Рукописный отдел Львовской библиотеки АН УССР (далее — РО ЛБАН УССР). Архив Сапег, X-135.
40 Там же.
41 Там же. Архив Оссолинских, 225-II, л. 138.
42 Там же. Архив Сапег, X-135.
43 Там же. X-138.
44 Там же.
45 Там же.

атаки были отбиты [46]. Тогда казаки и восставшие крестьяне расположились «кошем» в полутора милях от города [47]. Отряд повстанцев, составлявший часть отряда Горкуши, был усилен крестьянами из прилегающих к Слуцку местностей и приступил к осаде города.

Есть сведения, что в Слуцк, как и в другие белорусские города, для связи с жителями города и для помощи им в подготовке восстания тайно проникли представители Богдана Хмельницкого [48]. Обстановка в городе была напряженной, широкие массы горожан ожидали сигнала, чтобы открыто выступить на стороне повстанцев.

Сосновский продолжал просить подкрепления и сообщил, что в городе неспокойно. Еще в письме Сапеге 21 августа он писал: «Мещанам не до конца верю» [49]. В связи с этим он считал необходимым в бою за стенами города разбить казацко-крестьянский отряд (для чего нужны были подкрепления), так как даже с гарнизоном в несколько сот человек он не без оснований опасался удара с тыла, со стороны готовых восстать в любой момент горожан. Он писал: «В городе затвориться и оставаться долго не могу из-за измены, о которой не только предостережения от самой Руси (т. е. белорусского населения Слуцка.— *А. Г.*) светских и духовных имел, но и сами мои уши слышали, что скоро казаки придут, тогда меня связав выдадут...» (письмо от 23 августа) [50]. В другом письме, датированном тем же числом, сообщалось: «Был подслушан тайный сговор мещан слуцких, которые поклялись, что во время штурма будут стрелять вверх. Предупредило и духовенство пана подстолия (т. е. Сосновского.— *А. Г.*)» [51]. Современник освободительной войны, литовский историк XVII в. А. В. Коялович отмечает, что паны ожидали восстания в самом городе: «Верность

---

[46] Theatri Europaei. Sechster und Letzter Theil. Franckfurt am Mayn. Anno MDCLXIII, S. 374; Д. Н. Бантыш-Каменский. История Малой России. Изд. 4-е. Киев, 1903, с. 156.
[47] РО ЛБАН УССР. Архив Оссолинских, 225-II, л. 137 об.
[48] О бунте города Пинска и об усмирении оного в 1648 г. Издание императорского общества истории и древностей российских. М., 1847, с. 38.
[49] РО ЛБАН УССР. Архив Сапег, X-138.
[50] Там же. Архив Оссолинских, 225-II, л. 137 об.
[51] Там же, л. 138.

у горожан схизматиков (т. е. православных.— *А. Г.*)... подозрительная была» [52].

Таким образом, не только широкие массы крестьянства в Слуцком княжестве, но и городская беднота и средние слои мещан города готовились к выступлению. Судя по упоминаниям о предостережениях, полученных слуцким наместником от «светских и духовных» лиц, православное духовенство и паны-мещане, очевидно, занимали колеблющуюся, выжидательную позицию, хотя в какой-то степени участвовали в заговоре, о котором и сообщали Сосновскому.

Сосновский привлек к обороне города мещанское ополчение, но считал его ненадежным и опасался его действий во время штурма города казаками и крестьянами. Это чувствовалось по актам диверсий во время первой попытки повстанцев взять город. Так, в письме Сосновского от 23 августа 1648 г. отмечалось: «...когда я услышал, что неприятель наступает, то приказал выстрелить из пушек, но ядра не шли дальше шести саженей, хотя пушкари у меня очень хорошие и порох лучший, а каждый мушкет, из которого стреляют, распадается» [53]. В другом письме из Слуцка, датированном тоже 23 августа, сообщалось: «Пушки с той стороны, откуда стали казаки, когда пан подстолий приказал выстрелить, первый раз только через три дома ядра переносили, а на крыши четвертого дома падали, а после второго выстрела через шесть крыш переносили... Мушкеты и ружья обычные, когда набивают, разрываются. Двум драгунам руки поотрывало» [54]. В полдень 23 августа в Слуцк прибыли три казака-парламентера с письмом от руководителя казацко-крестьянского отряда, осаждавшего город, Ивана Соколовского. Он предлагал слуцкому наместнику добровольно впустить казацко-крестьянский отряд в Слуцк [55]. Письмо было написано на смеси польского,

[52] См.: Albertus Wiiuk Kojałowicz. De rebus anno 1648 et 1649 contra zaporovios cosacos. Wilnae, 1651, pag. 10.

[53] РО ЛБАН УССР. Архив Оссолинских, 225-II, л. 138.

[54] Там же.

[55] Приводим полный текст письма: «Милостывы Пане Сосновский, звыклост наша Хрестианска на розказане Короля Пана Нашого Милостывого на каждым месту повинни услуховаты, так тэш у за розказанем его Милосты Пана Богдана Хмельницкого Гетмана Войска Запорожского ы Браты Нашей милоей кола Рыцерского, жычемо собе тако упжейме наведыт доброго здровя каждого такового, которы пры собе уварност мает, для гонору своего, а

украинского и белорусского языков и свидетельствует, что в казацко-крестьянском отряде (видимо, в руководстве) были выходцы из Белоруссии, а возможно, и из Слуцка или прилегающей к нему местности. Характерно, что руководитель отряда, носивший титул гетмана костэрского (или гетмана коштырского, как писал виленский воевода Крыштоф Ходкевич [56]), выступал от имени запорожского войска, подчиненного королю (как и Богдан Хмельницкий). Ссылаясь на свою лояльность к королевской власти, Иван Соколовский требовал от слуцкого наместника размещения его отряда в городе под предлогом празднования церковного праздника успения богородицы по православному календарю, а также снабжения казаков продовольствием («хлебом и сольюс»). Руководители повстанцев, по-видимому, имели основания рассчитывать на поддержку городского населения, особенно средних слоев и беднейшей части горожан, потому и обращались с «покорной просьбой» к «панам мещанам» собраться вместе с «громадою» и решить вопрос о приеме казацкого войска. Наконец, казаки могли рассчитывать и на торжественную встречу своего от-

---

хлеба, соли, небронит, для Войска Запорожского, и для кождого Стану Рыцерского, так тэш розумем ы по Вашмосты, что ВМст улишыш со ы будэш рад прыходу нашому, гдыш ВМст ест стары жолнер, а ВМст так тэш втое мошеш потрафиты, абы ы Мы утэшыли се патрайней на добже здрове Ваше панске. А то ненаменшая есть похвала под таковы час Церкев Божы наведыт, звлаща мнемо Празник урочысты успление пирвшое Богародыцы которая нам ест во скорбех ы во всяких мейсцах скорая помощница. Такеш ы Панове месчане Места Слуцкого покорне просемы, абы Панове Месчане зобравшы се з громадою мейскою ы з Свесценниками тамочными пораду взёнвшы межы собою ы нас яко ест звычай Хрестыанский з процессиён на предместу, потыкали, а мы тэш дознавшы по Вашу таковую ласку, обачывшы се з собою можемы в тэш потрафиты, также хлеб за хлеб аддаты, а в Мсты яко державцы тамочных добр по дознаною ласце таким же способэм повинни завзденчаты, ы оддаты. В Селе Бранчыцах дня 13 августа 1648.
ВМст во вшэм жычливы Ян Соколовский Гетман Костэрский з товажыствэм своим.

Пану Александрови Сосновскому Подстолему Виленскому, державцы Слуцкому, до власных рук его оддаты належы, а в небытносци Пана Сосновского Паном Месчаном Слуцкого м. оддаты». (РО ЛБАН УССР. Архив Оссолинских, 225-II, л. 138 об.— 139.)

[56] Jakuba Michałowskiego wojskiego Lubelskiego a później kasztelana Bieckiego Księga pamiętnicza z dawnego rękopisma będącego własnością Ludwika Hr. Morsztyna wydana. W Krakowie. 1864, № 75, s. 179.

ряда, как это было во многих городах на Украине и в Белоруссии. За это они недвусмысленно обещали отплатить лаской, «хлеб за хлеб оддаты». Иван Соколовский хотел избежать потерь во время штурма города. Письмо было составлено за 10 дней до подхода к Слуцку, еще во время первого наступления отряда.

Казаки-парламентеры, отдав Сосновскому письмо, объяснили, что войско их прибыло к городу, чтобы отпраздновать в городе день успения и прослушать богослужение. Они просили также сообщить им о прибывших в Слуцк из украинских городов евреях, которые обещали гетману внести деньги на содержание войска запорожского. Казаки передали жалобу крестьян на то, что паны запрещают им исповедовать православие. Затем парламентеры отпросились в церковь. Один из казаков, встретив слуцкого протопопа, передал ему письмо к архимандриту (главе православной церкви в Слуцком княжестве), второй пошел на рынок и попытался встретиться с кем-то из мещан [57]. Письмо неизвестного шляхтича из Слуцка от 23 августа 1648 г. свидетельствует о напряженной атмосфере в городе. Паны опасались, что при очередном штурме город будет взят.

В такой обстановке Сосновский, ожидавший подкрепления, вступил в переговоры с осаждавшими, которые насчитывали 2 тысячи человек [58]. Современник событий Богуслав Казимир Маскевич отмечал в своем дневнике, что Слуцк осаждало казацкое войско в несколько тысяч человек [59]. Военные действия были приостановлены на несколько дней [60]. «Посполитое рушение» медленно продвигалось к Слуцку и стало на несколько недель на реке Лани в 8 милях от Слуцка [61]. Ежедневно в Слуцк на переговоры приезжало по 10—20 казаков. Дав понять руководителям казаков и восставших крестьян, что он собирается капитулировать, Сосновский предложил им «не опустошать волости» и за это обещал выплатить повстанцам требуемые ими 10 тысяч чер-

---

[57] РО ЛБАН УССР. Архив Оссолинских, 225-II, л. 138—138 об.
[58] Там же, л. 153.
[59] Pamiętniki Samuela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów (Wiek XVII). Wrocław, 1961, s. 258.
[60] См.: E. Kotłubaj. Życie Janusza Radziwiłła. Wilno i Witebsk, 1859, s. 115.
[61] Pamiętniki Samuela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów..., s. 258.

вонных злотых, выдать 6 тысяч локтей голландского сукна («фалендыша») и впустить в город [62]. Кроме этого казаки требовали, чтобы Сосновский дал лошадей гетману (Ивану Соколовскому.— *А. Г.*), сотнику и есаулам. В переговорах прошло несколько дней. Литовский гетман польный Януш Радзивилл послал на помощь осажденному гарнизону Слуцка четыре эскадрона во главе с Юшкевичем [63]. По данным виленского воеводы Крыштофа Ходкевича, кроме этого прибыло еще 6 эскадронов конницы [64]. Эти подкрепления вошли в город ночью тайком, так что казаки и восставшие крестьяне не знали об их прибытии, а сочувствовавшие горожане не успели сообщить им об этом.

Наутро Сосновский прервал перемирие и отказался вести дальнейшие переговоры. Тогда казацкие руководители бросили свой отряд на штурм городских укреплений [65]. Первая атака осаждавших, надеявшихся на успех, была отбита с большими потерями для них: было убито 600 человек. Вторая атака также не принесла успеха. В третий раз казаки и крестьяне атаковали город, прячась за выдвигавшимися вперед возами, но и эта атака была отбита гарнизоном [66]. Казаки и крестьяне понесли большие потери за время трех штурмов, погибло более тысячи повстанцев [67]. Затем Сосновский бросил на вылазку 600 человек, которые нанесли значительный урон осаждавшим и вынудили их отступить. Преследование казацко-крестьянского отряда, терпящего новые потери, продолжалось на протяжении трех миль. Наконец, у Погоста (в 36 километрах к югу от Слуцка) казацкий отряд был прижат к реке Случь и был вынужден принять бой в неблагоприятных условиях [68]. В бою под Погостом, который произошел 3 сентября, как утверждает Б. К. Маскевич [69] (эта дата вызывает сомнение, так как о битве как о свершившемся факте сообщает канцлеру Кры-

---

[62] РО ЛБАН УССР. Архив Оссолинских, 225-II, л. 153.
[63] См.: E. Kotłubaj. Życie Janusza Radziwiłła, s. 115.
[64] Jakuba Michałowskiego... Księga pamiętnicza..., s. 178.
[65] Theatri Europaei. Sechster und Letzter Theil, s. 374; E. Kotłubaj. Życie Janusza Radziwiłła, s. 115.
[66] Jakuba Michałowskiego... Księga pamiętnicza..., s. 178.
[67] См.: E. Kotłubaj. Życie Janusza Radziwiłła, s. 115.
[68] Jakuba Michałowskiego... Księga pamiętnicza..., s. 178—179.
[69] Pamiętniki Samuela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów..., s. 258.

штоф Ходкевич в своем письме от 2 сентября 1648 г.[70]), погиб руководитель казацко-крестьянского отряда Иван Соколовский[71] (по сведениям К. Ходкевича, он, возможно, был тяжело ранен[72]), был убит казацкий писарь войсковый Турчинович. В бою было убито более 2 тысяч казаков и крестьян и взято немало пленных. Шестеро пленных, занимавших командные посты, были отправлены в Вильно. Шляхетские хоругви преследовали повстанцев до Турова[73]. Снятие осады Слуцка дало возможность засевшим в нем шляхтичам выслать отряды для подавления крестьянских восстаний в окрестностях города[74].

Паны боялись новых ударов со стороны соединенных сил украинских казаков и белорусских крестьян, поэтому они в 1649 г. приняли меры по усилению укреплений Слуцка и его замка[75]. Здесь же концентрировались войска для дальнейших боев с казаками и восставшими крестьянами[76]. Перейдя в наступление, Януш Радзивилл оставил часть войска в Слуцке, так как опасался, что повстанцы подойдут к городу и будут штурмовать его[77]. Городская верхушка и духовенство Слуцка с усилением гарнизона перестали занимать выжидательную позицию и стали активно сотрудничать с панами. Это проявилось и в последующие годы. Примером могут служить активные действия на стороне магнатов в период восстания 1648 г. и в первые годы русско-польской войны 1654—1667 гг. слуцкого архимандрита Федосия Василевича, находившегося в обозе Януша Радзивилла. Во время осады Могилева в феврале — марте 1655 г. Василевич вместе с перешедшим на сторону Радзивилла белорусским шляхтичем Константином Поклонским рассылал могилевчанам «прелестные» письма, убеждая жителей Могилева сдать город королевским войскам[78]. Такие же

[70] Jakuba Michałowskiego... Księga pamiętnicza..., s. 178.
[71] Theatri Europaei. Sechster und Letzter Theil, S. 374.
[72] Jakuba Michałowskiego... Księga pamiętnicza..., s. 179.
[73] Там же.
[74] См.: Л. С. Абецедарский. Борьба белорусского народа за воссоединение Белоруссии с Россией в середине XVII в., с. 194.
[75] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 5815, л. 14.
[76] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. III. Спб., с. 299—300.
[77] См.: E. Kotłubaj. Życie Janusza Radziwiłła, s. 138.
[78] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. XIV. Спб., 1889, с. 577; С. Соловьев. История России с древнейших времен, т. X, с. 379—380.

письма Василевич и Поклонский рассылали и в мае 1655 г.[79].

Соглашательская деятельность верхушки и православного духовенства ряда частновладельческих городов Белоруссии в период освободительной борьбы отразилась и в официальных документах. Варшавский сейм 1649 г. отмечал «верность в нынешнем замешательстве нам и Речи Посполитой», которую проявили города Слуцк, Старый Быхов и Петриков. За это жители этих магнатских городов освобождались на 6 лет от «подымного» и других налогов (кроме пошлин) в государственную казну[80].

И все же большая часть мещан, а также некоторая часть панов-мещан Слуцка и в дальнейшем выступала за освобождение Белоруссии от магнатско-шляхетского ига. В начале 50-х годов XVII в. в Москву была тайно направлена делегация слуцких мещан во главе с купцами братьями Мелентовичами, известными своими торговыми связями с Москвой. Эта делегация отвезла царю жалобу жителей Слуцка на панов и просьбу о присоединении Белоруссии к России. Делегация просила царя начать военные действия против Речи Посполитой[81].

В связи с борьбой украинского и белорусского народов за присоединение к России власть Речи Посполитой проводила политику маневрирования, идя на соглашение с купечеством и богатыми мещанами белорусских городов. Так, она пошла на некоторые уступки жителям Слуцка и Копыля, желая привлечь их на свою сторону. 27 августа 1652 г. король Ян Казимир двумя привилеями утвердил магдебургское право на вечные времена этим городам[82]. Эти привилеи были утверждены сеймом весной 1653 г. с формулировкой «о поощрении тамошних мещан за верность Речи Посполитой, которую сохранили в течение всего времени казацкого мятежа»[83]. Тем не менее во время двукратной осады Слуцка в сентябре

---

[79] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. XIV, с. 578—580.

[80] Volumina Legum. Tom IV, s. 149.

[81] Wspomnienia o Słucku. Wydał B. J. K. W Gnieznie, 1905, s. 68.

[82] См.: А. Грицкевич. Слуцк. Историко-экономический очерк. Минск, 1970, с. 16; M. Baliński. Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym opisana. Tom III. Warszawa, 1846, s. 677.

[83] Volumina Legum. Tom IV, s. 194.

1655 г. войском Трубецкого и казаками Золотаренко паны не доверяли основной массе населения и ввели чрезвычайное положение, угрожая смертной казнью всякому, кто не выполнит приказов коменданта [84].

В отличие от Слуцка, где восстание в 1648 г. по ряду обстоятельств не смогло начаться, в других частновладельческих городах восстания проходили при активном участии горожан.

На город Туров обрушился первый удар литовского войска, возглавляемого Янушем Радзивиллом. В январе 1649 г. город был окружен, но восставшие мещане, главным образом ремесленники, отказались сложить оружие и вступили в неравную борьбу с регулярными войсками. Несмотря на мужество и героизм восставших, наемники и шляхта после ожесточенного боя ворвались в город. По приказу Радзивилла почти все население Турова было уничтожено. Разграбленный город предан огню [85].

В течение нескольких месяцев действовал в 1648 г. на территории Пинского повета отряд повстанцев, состоявших из земян, мещан Давид-Городка и крестьян Давидгородокского имения, принадлежавшего князю Яну Владиславу Радзивиллу. Он организовался в конце лета — начале осени 1648 г. Значительную часть отряда составляли мещане Давид-Городка, общая численность его была несколько тысяч человек. Повстанцы избрали «казацким способом» полковников и сотников, что указывает на связь их с казацкими отрядами с Украины. Повстанческий отряд, таким образом, делился на полки и сотни. Вооружены повстанцы были ружьями, саблями и рогатинами. [86]. Руководителем отряда считался полковник Иван Богдашевич, войт Давид-Городка [87]. Судебный документ 1650 г. перечисляет подлинное руководство давидгородокского повстанческого отряда: княжеских земян панов Иеронима Шоломицкого, Николая Ахмата, Николая Дутого, Яна Сущевича, мещан Ивана Богдашевича, давидгородокского войта, Грица Чепугу, Ивана

[84] Przyczynki do dziejów Słucka (1654—1660). «Przegląd Bibliograficzno-Archeologiczny». Tom II. Warszawa, 1881, s. 137—138.

[85] См.: Л. С. Абэцэдарскі. Барацьба ўкраінскага і беларускага народаў за ўз'яднанне з Расіяй у сярэдзіне XVII века. Мінск, 1954, с. 37.

[86] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 906, л. 52.

[87] Там же, л. 53.

Дедашка, Филона Максимовича и крестьян из Старого Села Яна Поповича, Мартина Войтовича, Ваську Муху и Ваську Поповича [88].

Этот отряд активно действовал на территории Пинского повета с начала октября до конца декабря 1648 г., нападая на шляхетские имения и громя их. Более десятка раз повстанцы нападали на имение князей Святополк-Четвертинских Воронье, в состав которого входили деревни Воронье, Вороничи, Бухличи, Струки, Векаровичи, Будымль. В имении они избили и убили управляющего шляхтича Казимира Деляшинского, забрали и уничтожили разные документы, касающиеся этого имения,— пограничные листы, реестры, инвентари, квитанции. Повстанцы забрали деньги, собранные арендатором, золото, серебро, медь, одежду, лошадей, крупный рогатый скот, овец, шерсть, свиней, гусей, кур, а также 13 бочек меда, масло, сыры, обмолоченное и необмолоченное зерно. В деревне Струки повстанцы избили и утопили в реке княжеского слугу шляхтича Яна Мокрицкого, а княжеский двор разграбили. Захваченное имущество повстанцы увезли в свои дома и разделили между собой. 17 января 1649 г. часть отряда во главе с земянами панами Стефаном Олешей, Яном Ольшевским, Павлом и Николаем Дубенецкими, Яном, Александром и Лаврентием Карповичами, с несколькими сотнями людей, включая и крестьян из деревни Березно, принадлежавшей Олеше и Ольшевскому, напала на деревню Струки. Повстанцы забрали имущество священника Иосифа Грегоровича, а его самого, связав, увезли в Давид-Городок и посадили в тюрьму, где он просидел неделю. Они захватили с собой церковные документы, различные долговые расписки, а также золото, серебро, медь. Ответственным за эти действия Святополк-Четвертинский объявил полковника Ивана Богдашевича [89]. Из этого (разумеется, не совсем объективного) документа, составленного феодалом, видно, что давидгородокский повстанческий отряд был организованной силой с центром в Давид-Городке. Состав отряда, как и в других местностях Белоруссии в период освободительной войны, был довольно пестрым: это и значительное количество мещан («мно-

[88] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 906, л. 52.
[89] Там же, л. 52—53.

гие мещане», как сказано в документе [90]), и крепостные крестьяне, и даже мелкие феодалы, земяне. Антифеодальный характер выступлений проявился в разгроме магнатских и шляхетских имений, уничтожении юридических и финансовых документов, фиксировавших нормы крепостного гнета или долги, убийстве наиболее ненавистных представителей класса феодалов.

Интересен тот факт, что при продвижении литовского войска через Пинский повет в начале 1649 г. население Давидгородокской волости и жители самого Давид-Городка не пострадали в такой степени, как другие города и местности, через которые проходило войско Радзивилла. Об этом свидетельствует письмо Януша Радзивилла, посланное им из Давид-Городка 8 февраля 1649 г. сановникам и чиновникам «и всей шляхте» Великого княжества Литовского. Януш Радзивилл писал, что, наказывая бунтовщиков в имении Давид-Городок, он приказал казнить 16 человек, включая земянина Шоломицкого, крестьян и мещан. Одни из них были посажены на кол, другим срубили головы, а третьих расстреляли. Все остальные жители города и волости были объявлены невиновными. Януш Радзивилл в этом письме объявил невиновным и Ивана Богдашевича, а также его некоторых помощников. И это должны были иметь в виду в будущем все судебные инстанции и чиновники [91]. Характерно, что сам войт Давид-Городка бывший повстанческий полковник Иван Богдашевич не только остался жив, но и продолжал исполнять свои функции еще в 1653 г. [92] Это можно объяснить личными связями, поддержкой, которую, как это было обычно в частновладельческих городах, оказывал войту княжеский наместник (о чем в одном документе есть косвенное упоминание [93]). Такое доверие к городскому войту со стороны жестокого угнетателя и душителя восстания белорусского народа Януша Радзивилла объясняется и тем, что, как это было часто среди белорусских феодалов и городских верхов, он перешел на сторону Речи Посполитой и по-прежнему служил магнату. Характерно также, что давидгородокский повстанческий отряд не жег и не грабил радзивил-

[90] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 906, л. 52.
[91] Там же, д. 899, л. 7.
[92] Там же, оп. 2, д. 1913, л. 5, 9, 13 об.
[93] Там же, л. 53.

ловских владений в окрестностях Давид-Городка и что руководящую роль в нем играли главным образом земяне Давидгородокского княжества и представители мещанской верхушки Давид-Городка, а не крепостные крестьяне, хотя последние составляли основную массу повстанцев. И хотя действия отряда имели ясно выраженный антифеодальный характер, они были непоследовательны, стихийны и имели ограниченный масштаб. Нет указаний в источниках, что они были связаны с действиями других отрядов в соседних поветах.

Усиление феодально-крепостнической эксплуатации во второй половине XVII и в XVIII в. встречало сопротивление широких народных масс, в том числе и мещан частновладельческих городов. Однако ни крестьянское движение, ни выступления мещан не были такими массовыми, как в середине XVII в.

Одним из политических факторов, сдерживавших прямые выступления городских низов и широких кругов мещанства, было постоянное присутствие в городах, принадлежавших магнатам, сильных гарнизонов, выступавших при первых же признаках народных волнений. Это помогало магнатам вести наступательную социальную политику по отношению к своим городам.

Несмотря на это, антифеодальная борьба в частновладельческих городах Белоруссии достигала в отдельные периоды большого размаха, иногда в связи с крестьянскими выступлениями. В 1661 г. в Слуцке происходили волнения горожан, начавшиеся после введения магнатом в городе нового налога с торгового оборота («лиценты»). Князь Богуслав Радзивилл, находившийся в это время в Бранденбурге, в письме наместнику от 24 октября 1661 г. приказал «подавить непослушание города, строго взыскать указанный новый налог лиценту», а относительно взымания других податей дал дополнительные предписания [94].

В 1667 г. произошел бунт жителей города Глубокое, а точнее, мещан его северной части (за рекой Березвицей), которая принадлежала местному монастырю монашеского ордена босых кармелитов (южная часть Глубокого принадлежала Радзивиллам). Вызван он был, по всей вероятности, грабежами и насилиями про-

[94] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1618, л. 5.

ходивших через город солдат-пехотинцев так называемой венгерской хоругви (роты) литовского польного гетмана Владислава Воловича [95]. Имена и фамилии говорили о том, что рота состояла из белорусских шляхтичей и выходцев из других сословий. 24 июля 1667 г. на расположившихся в городе солдат напало несколько сот мещан, вооруженных ружьями, бердышами и палками. Судя по жалобе командовавшего ротой поручика Станислава Корытко, руководил мещанами урядник кармелитского монастыря Кухминский, который, «взбунтовав всех мещан глубоцких», повел их против находившихся на ночлеге солдат. В результате недолгой, но ожесточенной схватки, во время которой мещане, «выгнав самих (солдат.— *А. Г.*), кто чем мог, палками били, бердышами секли, стреляли» [96], несколько солдат было ранено, покалечено или избито. Троих солдат мещане убили и утопили в озере. «И немало мушкетов, сабель, денег и вещей у той пехоты при таком насилии и замешательстве забрали» [97]. Рота вынуждена была уйти из города, а поручик, так и не добившись рассмотрения дела у ксендза-президента Глубокского кармелитского монастыря, подал жалобу в Полоцкий гродский суд [98]. Поражает боеспособность мещан, сумевших одержать верх в схватке с солдатами регулярного войска.

Антифеодальные выступления в Слуцке в конце XVII в. происходили одновременно с антифеодальным восстанием крестьян в Слуцком княжестве. Этим событиям предшествовала междоусобная борьба феодалов за право владения Слуцким княжеством. Население жестоко терпело от междоусобной борьбы магнатов, грабежей и вымогательств, злоупотреблений со стороны экономов Слуцкого княжества. На территории княжества, за которое боролись Радзивиллы и Сапеги, в 1695 г. происходили военные действия между отрядами этих магнатов. Много бедствий испытали жители при прохождении через территорию княжества войск Речи Посполитой. Только в 1693 г., например (в мирный период), ущерб от

---

[95] Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Вып. 26. Витебск, 1895, с. 170.
[96] Там же, с. 171.
[97] Там же.
[98] Там же, с. 169—172.

проходивших хоругвей составил 100 тысяч злотых [99]. К этому прибавились стихийные бедствия. В 1695 г. в Слуцком княжестве был большой неурожай. Пришлось просить гетмана Мазепу разрешить везти хлеб из Украины в Слуцк.

Все эти обстоятельства наряду с непосильным гнетом вызвали восстание крестьян в районе Слуцка, которое встретило сочувственный отклик в городских низах. Краткие и отрывочные данные не позволяют полностью восстановить картину этого восстания. Из перечня писем слуцкого коменданта д'Ашардта (1695 г.), составленного княжеским архивариусом в 1736 г. (сами письма не сохранились), видно, что восстание охватило волости «около города». По приказу слуцкого коменданта были закрыты городские ворота и в город никого «из чужих» не впускали. Между повстанцами и войсками произошли столкновения. Было взято в плен много повстанцев и заточено в Слуцкую крепость. Повстанцы также взяли в плен нескольких солдат, в том числе одного вахмистра. По этому поводу комендант Слуцка писал, что «голь за одного вахмистра всех заключенных, в Слуцке сидящих, требует» [100]. В самом городе, как отмечал комендант, также было неспокойно. Опасаясь восстания, комендант настойчиво (в трех письмах) просил начальство обменять пленных, причем не только заключенных в Слуцке, но и в Несвиже. Эту просьбу он мотивировал тем, что «болезни от них в городе распространяются» [101]. Магнаты забеспокоились. Были забыты прежние раздоры. Великий гетман литовский Сапега прислал в июне 1695 г. эконому Слуцкого княжества Ст. Незабитовскому письмо, в котором писал, чтобы тот «сборища дерзкие разгромил», для чего передавал ему командование над присланными для подавления восстания хоругвями рейтарской, казацкой, запорожской и татарской [102]. Крестьянское восстание было подавлено войсками феодалов [103].

Летом 1700 г. в Слуцке вновь происходили волнения. Из-за отрывочности сведений причины их и размах оста-

---

[99] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 5821, л. 63.
[100] Там же, л. 70.
[101] Там же.
[102] Там же, д. 1610, л. 10.
[103] См.: А. Грицкевич. Слуцк. Историко-экономический очерк, с. 23.

ются невыясненными. Гетман Сапега прислал Незабитовскому 3 драгунские хоругви «для подавления бунтов в Слуцке» [104].

Через несколько лет, уже во время Северной войны в Слуцке произошло вооруженное выступление мещан. Этому предшествовали следующие события. В ходе военных действий в Слуцкое княжество в декабре 1704 г. пришли 6 хоругвей драгунского полка генерала артиллерии литовской Сеницкого. Представители литовского войска во главе с майором Минстером приехали в Слуцк и договорились с комендантом крепости майором д'Ашардтом, что город им выдаст 600 порций (денежный и продовольственно-фуражный сбор) на содержание драгун. Через несколько дней эти требования возросли до 1000 порций. По сообщению д'Ашардта, под предлогом покупки в городе у ремесленников обмундирования подполковник Бернович и майор Минстер в первой декаде января 1705 г. ввели в город более 40 драгун, часть из которых была переодета крестьянами. Драгуны тайно привезли с собой в санях запрятанные кремневые ружья. Офицеры литовского войска, считая, что теперь они имеют достаточно сил в городе, 12 января предъявили коменданту и войту Яну Христиничу и «райцам» городским приказ великого гетмана литовского Михаила Сервация Вишневецкого о выплате горожанами немедленно 13 тысяч злотых на жалованье солдатам и о расквартировании литовского войска в городе до тех пор, пока не будет уплачена требуемая сумма. 30 драгун подступили к дому войта с пистолетами и ружьями и, разбивая ворота, окна и стреляя, требовали денег. Комендант уговорил разбушевавшихся офицеров подождать, пока соберется городская сессия для решения этого вопроса.

На следующий день, 13 января 1705 г., майор Минстер потребовал выплаты денег. Ему было предложено подождать две недели, пока комиссар съездит к гетману и выяснит дело. Комендант предупредил Минстера, что еще 12 января, когда горожане узнали о требованиях литовского войска, возмущение их было настолько сильным, что офицеры слуцкого гарнизона еле удержали их от немедленного выступления против литовского войска. Пока велись эти переговоры, на рынке капрал драгун-

[104] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1610, л. 26.

ского полка ударил мещанина и выстрелил в него из пистолета, ранив его. Другие драгуны, находившиеся на рынке, напали на горожан, стали избивать их, стрелять из пистолетов и ружей и колоть рапирами. По сигналу набата на рыночную площадь собрались вооруженные мушкетами и саблями жители города и в течение двух часов вели бой с солдатами литовского войска. Под яростным натиском горожан несколько десятков солдат отступили в один из домов и, осажденные мещанами, защищались. Комендант крепости выслал для прекращения боя шесть рот местного гарнизона, которым с трудом удалось разделить враждующие стороны. Слуцкие горожане были настолько возмущены нападением солдат литовской армии, что оказали сопротивление и княжеским войскам. В результате столкновения 1 горожанин был убит и 19 ранено. Отряд литовского войска также понес значительные потери. Было ранено несколько солдат и поручик, убито около полутора десятков солдат, а их оружие и снаряжение горожане забрали в качестве трофеев. Остальные драгуны во главе с офицерами покинули город, так и не получив ни денег, ни продовольствия. После этого литовское войско подвергло Слуцк блокаде. Городу были предъявлены новые требования: выплата войску 60 тысяч злотых, возврат оружия и мундиров, захваченных мещанами в качестве трофеев, уплата потерпевшим — раненым солдатам и поручику. Однако ввиду военных действий и по соглашению между великим гетманом литовским князем Вишневецким и экономом княжества Ст. Незабитовским литовское войско вынуждено было отступить [105].

В 1744 г. среди горожан Слуцка происходили волнения, о которых имеется упоминание в универсале князя Иеронима Флориана Радзивилла от 2 октября 1744 г. Магнат отмечал, что «во время отсутствия моего в городе моем Слуцке наделало истории неслыханное своеволие некоторых мещан, подданных моих». Поэтому, «желая предотвратить на будущее время подобные несогласия», магнат предложил своим комиссарам вместе с ксендзом-ректором и ксендзом-министром иезуитской коллегии выяснить причины волнений, а коменданту крепости впредь предотвращать «подобные бунты».

[105] AGAD, AR, dział VII, № 30.

Коменданту, судебному старосте Слуцкого и Копыльского княжеств, ротмистру ординатских хоругвей и еще одному чиновнику князя было предложено провести судебный процесс, а «бунтовщиков-уголовников» посадить в тюрьму [106]. Таким образом, князь предопределил меры наказания бунтовавшим мещанам.

Борьба горожан частновладельческих городов Великого княжества Литовского, и прежде всего белорусских, в течение XVI—XVIII вв. носила ярко выраженный антифеодальный характер. Эта борьба выражалась в различных формах — от пассивного сопротивления, легальных жалоб и петиций до вооруженной борьбы. Наибольшего размаха она достигла в период освободительной войны белорусского народа в середине XVII в. Вместе с тем в частновладельческих городах проявлялась в большей мере, чем в королевских, свойственная движениям эпохи феодализма вера в «доброго» царя, короля, господина, магната. Отсюда очень распространенная форма борьбы — жалобы магнату на его чиновников, просьбы о сохранении или введении льгот. Вооруженные восстания были сравнительно редки в частновладельческих городах. Помимо присутствия сильных гарнизонов магнатских войск, это объясняется тем, что городское сословие не имело такой силы в государстве, как в ряде развитых стран Западной Европы, и мещане отдельных городов в своих политических требованиях, в своей борьбе против феодалов были слабо связаны друг с другом, с широкими массами крестьянства. Все это суживало размах городских движений, приводило к их локализации и, в конечном счете, к поражению.

Характерной особенностью антифеодальной борьбы горожан частновладельческих городов Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в. является отсутствие фактов вооруженных выступлений горожан против феодалов, фактов хоть сколько-нибудь широкого выступления с определенными требованиями, коллективных действий. Актовый материал не содержит упоминаний об открытом сопротивлении мещан феодальному угнетению. Историки, правда, не приводят таких фактов и по королевским городам Белоруссии.

Во второй половине XVIII в. социальная борьба в

---

[106] AGAD, AR, dział XXIII, teka 158.

городе, разумеется, не прекращалась. Однако она не выходила за рамки легальных форм. Снижение накала антифеодальной борьбы городского населения может быть объяснено следующими причинами. Владельцы городов проводили политику маневрирования, стремясь по возможности не доводить гнет до крайней степени, давали различные льготы мещанам и поддерживали при этом панов-мещан в противовес основной массе горожан, срывая тем самым единство всех мещан и подчиняя одну группу другой. Кроме того, в условиях ожесточенной борьбы за власть между различными группировками и консолидации всех магнатов вокруг двух основных группировок во второй половине XVIII в. силы магнатов, их вес и влияние в государстве увеличились. Магнаты во второй половине XVIII в. обладали и большими вооруженными силами, которые были предназначены прежде всего для подавления борьбы угнетенного класса. Наконец, вторая половина XVIII в.— это время организованного наступления магнатов, всего класса феодалов на города Великого княжества Литовского, на их вольности и самоуправление, это время подчинения городов центральным властям государства и магнатам.

ГЛАВА III

БОРЬБА ВНУТРИ ГОРОДСКОЙ ОБЩИНЫ

Внутри самой городской общины в феодальном белорусском городе существовали социальные противоречия. Это было обусловлено неоднородным составом городского населения. Подавляющее большинство жителей городов в XVI—XVIII вв. составляли мещане, которые в городах Великого княжества Литовского представляли городскую общину, тогда как другие группы городского населения (феодалы, татары, евреи и др.) составляли в городах меньшинство и имели особые привилегии, выделявшие их по сути дела из состава горожан. В связи с этим «городская община» признается многими дореволюционными и советскими историками Белоруссии почти равнозначным или близким по значению понятию «мещанство», правда, с известными оговорками.

Сама мещанская община в городах Белоруссии также не была однородна. В этом города Великого княжества Литовского не отличались от городов близлежащих стран — Польши, Венгрии, Чехии, Германии. Ф. Энгельс писал в работе «Крестьянская война в Германии»: «Из первоначального посадского населения средневековых *городов* с расцветом торговли и ремесла развивались три резко обособленные группы.

Верхушку городского общества составляли *патрицианские роды*, так называемые *«благородные»*. Это были наиболее богатые семьи. Они одни заседали в городском совете и занимали все городские должности. Поэтому они не только ведали доходами города, но и растранжиривали их... Насколько легко было тогда немногочисленной, присвоившей себе всевозможные привилегии, тесно сплоченной узами родства и общностью интересов касте безгранично обогащать себя за счет городских доходов...

Городская оппозиция патрициату делилась на две фракции, которые весьма четко определились во время Крестьянской войны.

Бюргерская оппозиция, предшественница наших нынешних либералов, охватывала богатых горожан и горожан среднего достатка, а также бо́льшую или меньшую часть — в зависимости от местных условий — мелких бюргеров. Ее требования носили чисто конституционный характер. Она требовала контроля над городским управлением и участия в законодательной власти, через посредство собрания самой общины или через ее представителей...

Плебейская оппозиция состояла из разорившихся горожан и массы городских жителей, не обладавших правами гражданства: ремесленных подмастерьев, поденщиков и многочисленных представителей возникающего люмпен-пролетариата, которые встречаются уже на низших ступенях развития городов... городская плебейская оппозиция того времени состояла из весьма смешанных элементов... С одной стороны, это были обедневшие цеховые бюргеры, все еще связанные своими привилегиями с существующим городским строем, с другой — выброшенные из своих насиженных мест крестьяне и уволенные слуги, которые еще не могли стать пролетариями. Промежуточное положение между теми и другими занимали подмастерья»[1].

Это классическое определение социальных сил и противоречий в городском обществе, характерное для Германии первой половины XVI в., можно в целом отнести к городскому обществу Великого княжества Литовского, в том числе и белорусских городов. Однако неравномерности социального и экономического развития Белоруссии по сравнению с рядом стран Западной Европы, замедленный хозяйственный прогресс на территориях к востоку от Эльбы в силу ряда обстоятельств и главным образом в связи с установлением фольварочно-барщинной системы и закрепощением крестьянства в ряде стран Восточной Европы («второе издание крепостничества»)[2] задерживали рост городов на этих терри-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 352—355.

[2] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 339—342; т. 35, с. 105—107; С. Д. Сказкин. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе.— «Вопросы истории», 1958, № 2, с. 96—119; С. Д. Сказкин. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968, с. 278—280, 288—290, 327—349.

ториях и уменьшали их роль в политической, общественной жизни стран этой части Европы.

Все это сказалось и на расслоении городской общины, образовании трех социальных групп в ней и развитии социальных противоречий между ними. Данный процесс в целом запаздывал в белорусских городах, социальные противоречия в них не всегда проявлялись столь резко, как и не всегда четко выделялись из среды городского населения указанные Ф. Энгельсом три основные социальные группы. В течение XVI—XVIII вв. в Белоруссии еще продолжали возникать городские поселения (в значительной мере частновладельческие), а вместе с ними формировалось мещанское сословие, которое не сразу и не везде разделялось на данные группы. Кроме того, наличие многих, в основном небольших, городов и местечек, не имевших самоуправления по магдебургскому праву, существенно меняло структуру этих поселений.

В королевских городах Белоруссии в XVI—XVIII вв., как это показали в своих работах Л. С. Абецедарский, З. Ю. Копысский, С. А. Щербаков, В. И. Мелешко и А. М. Карпачев [3], приведя целый ряд примеров, происходила социальная борьба внутри городской общины, причем в этой борьбе участвовали различные слои городского населения — патрициат, бюргерство и плебейство.

Немногочисленные архивные документальные данные дают возможность в известной мере воссоздать картину социальной борьбы в частновладельческих городах Великого княжества Литовского и определить ее закономерности и специфику. Правда, не всегда дошедшие до нас документы позволяют выявить существенные факты социальных противоречий и борьбы в городах, ибо документов городских магистратов сохранилось меньше, чем

---

[3] История Белорусской ССР, т. 1, с. 122—134, 211—213; Гісторыя Мінска, с. 41—42, 47—49, 64—66; З. Ю. Копысский. Из истории общественно-политической жизни городов Белоруссии в XVI — первой половине XVII в.— «Труды Института истории Академии наук БССР». Вып. 3. Сборник статей. Досоветский период. Минск, 1958, с. 27—32; С. А. Щербаков. Города Западной Белоруссии в составе Речи Посполитой в первой половине XVII в. Автореф. канд. дис. Львов, 1958, с. 18—19; В. И. Мелешко. Социально-экономическое развитие и политическая жизнь Могилева во второй половине XVI — первой половине XVII в. Автореф. канд. дис. Минск, 1960, с. 17—19.

документов, связанных с управлением городами со стороны магнатов, или юридических документов замковых (ординатских) судов, а в последней группе документов в меньшей степени отражена борьба внутри городской общины.

Острой и напряженной была борьба трудящейся массы горожан (низших и средних слоев мещан) против богатой городской верхушки и выразителя интересов последней — городского магистрата. Сильные социальные противоречия существовали в цехах. Это вызывалось тем, что цеховые уставы служили интересам привилегированной верхушки — цеховых мастеров и избираемых ими цеховых старшин. Мастера эксплуатировали бедных ремесленников — подмастерьев и учеников. Борьба горожан против богатой купеческой и цеховой верхушки, против магистрата носила также разнообразные формы — это жалобы на непосильный налоговый гнет, на беззаконие при раскладке и сборе налогов, на злоупотребление властью войта и членов магистрата, сопротивление должностным лицам магистрата, цеховой старшине и т. д. Высшей формой выступления горожан против городской верхушки, панов-мещан были волнения, вооруженные выступления.

Актовый материал замковых судов, городских магистратов и другие документы содержат немало свидетельств насилий и злоупотреблений городских магистратов, городских властей и панов-мещан. В 1646 г., например, злоупотребления несвижского магистрата вызвали широкое недовольство мещан. Магнат вынужден был направить уполномоченных им комиссаров для встречи с горожанами и принятия от них жалоб, в большей части по городским налогам. Такая встреча состоялась в здании несвижской ратуши, где княжеские комиссары выслушали жалобы «люда посполитого». Прежде всего мещане пожаловались, что городские власти не предупредили их заранее об этой встрече, а поэтому не была выработана петиция, в которой можно было бы свести воедино жалобы горожан и их требования. Они выдвинули предложение о дополнительной встрече их представителей с княжескими комиссарами для вручения такой петиции. Для этого было выбрано по 10 мещан от каждой из трех частей города (Старого Города, Нового Города, Казимира). Затем согласованные пункты петиции

и решения по ним комиссаров князя должны были быть утверждены «громадой», общим собранием мещан. Мещане просили, чтобы последующий универсал князя Радзивилла был опубликован во всех трех частях города. Мещане жаловались также на городскую раду, что она бесконтрольно расходует деньги из доходов городской казны, а члены городской рады не объявляли горожанам привилеи и универсалы магната с различными льготами мещанам. Представители горожан просили, чтобы все распоряжения магната, поскольку не все жители города были грамотными, читались им внятно по пунктам, чтобы их можно было запомнить. Они потребовали, чтобы члены рады и сборщики налогов отчитались перед мещанами во всех доходах и расходах за все годы правления умершего незадолго перед этим войта, чтобы войт, бурмистры, члены рады и лавники произносили при вступлении в должность присягу (таким образом мещане могли бы проследить, что от кого требовать по их обязанностям). Горожане требовали проверки взимания городскими властями различных налогов в городскую казну: пляцового, волочного мыта, «подарков на въезд князя в город», «подсоседчизны», торговых сборов, сборов на строительство и др., ибо неизвестно было, куда эти деньги пошли. Настаивали они также на том, чтобы сборщики городских налогов («бирчие») представили им отчеты и была установлена такса за различные обращения в городскую канцелярию, а также чтобы в городском суде были отменены произвольные штрафы, шедшие в пользу членов городской рады. Мещане жаловались на членов рады, «урадников» неграмотных, а к тому же и «куфлевых» (т. е. решающих дела за взятки куфлями спиртных напитков), ибо «как тот может себе присваивать власть над жизнью и смертью, кто читать не умеет и права не понимает» [4].

Коллективное выступление мещан Несвижа против городской рады свидетельствовало об обострившихся противоречиях между городской верхушкой и основной трудящейся массой городского населения, «убогих» мещан, как говорит этот документ. Кроме того, «посполитый люд» Несвижа жаловался на притеснения в связи с

---

[4] AGAD, AR, dział VX, teka 7, Petitia Ludu pospolitego Miasta Xcia JMci Nieswieskiego...

привилегиями еврейской части населения города [5]. Это затрудняло нормальную деятельность мещан, которая была им гарантирована еще в XVI в. привилеем на магдебургское право.

Выступление несвижских горожан имело определенный успех. Основываясь на сообщении комиссаров, которые навели известный порядок в деятельности несвижского магистрата, владелец города князь Александр Людвик Радзивилл 22 июня 1648 г. особым актом передал право на аренду городских доходов мещанину пану Яну Гановичу, «райце города Несвижа», отняв это право у войта. Эти действия магната были вызваны злоупотреблениями со стороны несвижского магистрата, как отмечал сам князь в документе: «...узнав из реляции панов комиссаров наших, которые для того, чтобы умерить известные злоупотребления, в несвижский магистрат съехались по нашему приказанию, какие большие дела беспорядка в городе Несвиже происходили..., а особенно городские доходы в порядке не собирали и ими пользовались» [6]. Поэтому князь объявил, что у войта Несвижа остается только юрисдикция главы органа городского самоуправления и суд войтовский, а сбор городских податей и распоряжение ими, равно как и аренда и торговые сборы, передаются «славетному пану» Гановичу с обязательством представить через год отчет князю [7]. В указанном документе характерны следующие положения. Магнат признал значительные злоупотребления властью со стороны членов несвижского магистрата, городской верхушки и принял некоторые меры, чтобы успокоить волнения горожан. Вместе с тем сбор городских доходов и распоряжение ими он отнял у войта, передал в руки другого представителя городской знати, не доверяя контроль комиссии горожан, оставил его за собой. Кроме того, осуществление этих мер совпало с началом народной, освободительной войны на Украине и в Белоруссии, что, разумеется, не могло не повлиять на решение магната несколько ослабить остроту социальных противоречий в принадлежавшем ему городе.

Характеристика власть имущих и их злоупотреблений

---

[5] AGAD, AR, dział XV, teka 7, Petitia Ludu pospolitego Miasta Xcia JMci Nieswieskiego...

[6] Там же, Wypis z Xiąg JXMci Zamku Nieswiskiego, 1649. VI. 29.

[7] Там же.

дана в записке несвижского войта, написанной в 1712 г. (дата установлена нами на основании отдельных фактов, упоминаемых в документе и смежных документов этой связки.— *А. Г.*). Записка была составлена в связи с разгоревшейся борьбой за власть в среде самих панов-мещан, когда группа членов магистрата интриговала против войта, добиваясь его смещения. В свою очередь войт упорно цеплялся за власть, за свою должность, приносившую ему немалый доход, доказывая, что он избран пожизненно и не щадил противников в своих характеристиках. Беспринципная борьба за власть кучки богатых горожан породила любопытный документ. Об одном из членов несвижского магистрата бурмистре Пашковском войт писал, что тот, «будучи лавником, захватил себе должность главного городского распорядителя в Несвиже, и его нужно спросить о том: 1) кто молотил в гумнах с зерном, оставшихся после вышедших из города людей, и куда все это подевалось, 2) кто их вещи забирал, 3) не было в то время такой халупы, в которой не нашлось бы вещей на 10 злотых, а куда это все делось, надо спросить, 4) каким способом этот же его милость пан Пашковский присвоил себе земельные участки, оставшиеся после умерших от чумы людей, где и перед кем признанные» [8].

О другом члене магистрата, бурмистре Ежи Бурко войт писал, что он совершил уголовное преступление: «... убил тут собственной своей рукой паробка, ибо кинжалом, ткнул, так что у того кишки выплыли, и таким образом тот должен был со светом расстаться, а сам пан Бурко скрывался в бернардинском монастыре в течение немалого времени. А пришлось мне слышать, что тот же его милость витинников (лодочников, плававших на барках по Неману.— *А. Г.*) двоих собственной своей рукой убил, однако этому не верю, ибо я не видел, но разве такой человек может быть бурмистром?» [9] И еще о Бурко: «Этот же его милость, в прежнее время очень бедно живший, ибо никогда собственности своей на 100 злотых не имел, солью только торговал, когда я взял его милость на витины господские (принадлежавшие магнату.— *А. Г.*) для моих услуг, то понемногу за это время он под-

[8] AGAD, AR, dział XV, teka 7, Rozmaite dokumenta ścigające się do Miasta Nieświeża.
[9] Там же.

рос, и уже в обычные дни в атлас одевается... Мне же, руководителю своему, за этот хлеб вместо хлеба камнем и неблагодарностью платит»[10].

Столь же убийственна характеристика третьего члена магистрата райцы Домбровского: «Его милость пан Домбровский едва подписаться может, но из-за заключенной с его милостью паном Пашковским сделки является здесь городским чиновником, райцей. Ни ума, ни разума, идиот, права не знает, в суде не сведущ, а однако из-за сговора с е. м. п. Пашковским — райца. Как такой может печься об интересах города? Он же не знает ничего о городских правах и вольностях, и когда козу гонят, то даже в ее след не попадет»[11].

Основываясь на документах, войт писал, что Пашковский должен был городской казне 4418 злотых 16 грошей, Ежи Бурко — 1188 злотых 16 грошей, а Домбровский — 374 злотых 7 грошей. В общем эти три члена несвижского магистрата должны были городской казне 5981 злотый 11 грошей[12].

Кстати, борьба за власть в городской общине кончилась тем, что магнат отстранил от должности всех боровшихся, как войта, так и троих членов магистрата. В 1712 г. в Несвиже прошли выборы нового войта, причем в списке членов магистрата не были упомянуты противники прежнего войта. Войтом был избран писарь комиссарский княжества Несвижского и писарь несвижского магистрата Михаил Даргеман[13]. Злоупотребления властью обеих сторон были настолько велики и очевидны и приобрели скандальный характер, что магнату оставалось только заменить одиозные фигуры другими.

В дневнике жалоб и просьб жителей владений, принадлежавших Богуславу Радзивиллу, за 1662—1663 гг. записана жалоба копыльских мещан: «На войта своего жалуются и перечисляют большие обиды, которые он им причинил, прося, чтобы его сбросили»[14].

Такая же картина наблюдалась и в других городах. Так, в 1728 г. в актах Друйского магистрата записано

[10] AGAD, AR, dział XV, teka 7, Rozmaite dokumenta scigające się do Miasta Nieświeża.
[11] Там же.
[12] Там же.
[13] Там же, teka 7, 1712. Electia na Woytowstwo Mieszczan Nieświezkich.
[14] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 13, л. 109.

обвинение мещанкой Анной Богандовичовой, шинкаркой, члена магистрата Юзефа Строконовича, райцы города Друи, и Теодора Улашонка, лавника, которые производили ревизию шинков в городе. Вдова-шинкарка обвинила членов магистрата и арендатора в грабежах и назвала их «злодеями», «грабителями» и «погибелью целого города» [15]. В 1731 г. уже член магистрата лавник Теодор Улашонок [16] в свою очередь обвинил ландвойта и бурмистра Кароля Михаила Сущевича в крупных злоупотреблениях по делу о наследстве [17].

В это же время в принадлежавшем Радзивиллам городе Невеле произошел конфликт между горожанами и быстро возвысившимся мещанином Андреем Крыцким, назначенным в 1736 г. приказом невельского губернатора по воле княгини Анны Радзивилл на вновь созданную должность замкового бурмистра [18], практически представителя магната внутри городского магистрата.

Пользуясь доверием магната и его губернатора, Крыцкий захватил распорядительную власть в городе, используя ее в своих корыстных целях. Уже в следующем году члены магистрата от имени горожан передали обвинительный акт о его злоупотреблениях княгине Радзивилл. Его обвинили в том, что во время распределения податей он произвольно, не разрешая высказываться избираемым горожанами особым представителям, сам, вопреки обычаям, распределил размеры податей: «...на кого имеет злобу, записывает, а фаворитам своим делает облегчение, и уже после определения податей освобождает их от уплаты, убогих людей угнетает, а сам платить не хочет» [19]. Своими преследованиями, увеличениями размеров податей и штрафами он вынудил мещанина Тимофея Подосиновика бежать из этого частновладельческого города в имение другого владельца. Городского писаря, старика-шляхтича, будучи пьяным Крыцкий посадил в тюрьму и продержал несколько дней. Как писали члены магистрата, он, «получив должность бурмист-

[15] ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1348, оп. 1, д. 1, л. 49.
[16] Там же, л. 296.
[17] Там же; O. Hedemann. Dzisna i Druja magdeburskie miasta. Wilno, 1934, s. 391.
[18] AGAD, AR, dział XXIII, teka 24, Tranzakta Processowe.
[19] Там же, Punkta przeciwko Panu Andrzeiowi Kryckiemu Burmistrzowi Zamkowemu...

ра, никогда в ратушу трезвым не приходит, не для решений, а только для насмешек и угроз, ни во что не считая всех членов магистрата и посполитых людей, что противоречит праву и приказанию, данному княгиней ее милостью» [20].

В свою очередь Андрей Крыцкий обвинял членов магистрата в том, что при назначении его на должность губернатора по приказанию княгини Радзивилл мещане во главе с членами магистрата воспротивились этому, а во время раскладки государственных налогов между мещанами «господа члены магистрата своих сажают для этой функции и распределяют налоги, как хотят, делая себе и своим родственникам облегчения, а убогих людей угнетая...» [21]

Сохранилось немало фактов злоупотреблений и насилий городских властей над мещанами Слуцка. Некоторые из этих фактов признаются в документах магната, другие отмечены в актовом материале. В «реплике» князя Богуслава Радзивилла от 25 января 1662 г. на «суплику» членов магистрата отмечено, что «...из городской казны деньги, предназначенные на валовую работу, временами бывают обращаемы на другие городские нужды, да и сами некоторые из старшины вашей признали, что временами так делалось и что откуда-то вновь эти деньги вносились в казну» [22]. Князь, отмечая, что «это еще не такое большое преступление», обращал внимание членов магистрата, что такая практика приведет к нарушению установленного порядка и злоупотреблениям [23].

В изданном 25 января 1662 г. «Уставе для города Слуцка» Богуслав Радзивилл отмечал, что городские старшины вымогают у ремесленников даровую работу для себя и потребовал от них прекращения этих злоупотреблений [24]. Магнат писал в этом документе, что большие злоупотребления со стороны членов магистрата и магистратских чиновников совершались во время рас-

---

[20] AGAD, AR, dział XXIII, teka 24, Tranzakta Processowe, Punkta przeciwko Panu Andrzeiowi Kryckiemu Burmistrzowi Zamkowemu...

[21] Там же, Replika na podane punkta...

[22] Там же, teka 132, Copie przywileiow y Listow tak też repliki..., k. 10.

[23] Там же.

[24] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1618, л. 6; AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, Ustaw dla Miasta Słucka...

пределения и сбора городских податей и сборов на различные нужды («складок»), «на которые много людей жалуются, что из-за неопределенной таксы большие тяготы терпят, и часто беднейший за более богатого, который утаиться умеет, платить должен...» [25] В магистратской книге за 1661—1665 гг. часто встречаются заметки о жалобах мещан на тяжелые подати, налагавшиеся на них и несправедливо распределявшиеся городским магистратом [26]. Аналогичные жалобы отмечены и в магистратской книге 1672—1683 гг.[27] Так, в протоколе сессии слуцкого магистрата 24 мая 1672 г. было записано, что «люди приходили, прося уменьшения для них подымного налога, и это отложено до большого собрания панов коллег». Была собрана сессия в более полном составе в присутствии войта и некоторым мещанам сделана скидка [28]. Однако войт доктор Винклер принял решение, «чтобы о подымном (налоге) люди больше не докучали ему», с нежелающих платить взимать его насильно, а «таких сопротивляющихся отправлять на валовую работу» (строительство городских укреплений). В протоколах упоминаются и случаи взяточничества. 14 февраля 1675 г. сессия магистрата рассматривала отчет о ревизии Новомейского полка мещан. Было обнаружено, что сотники и подсотники за взятки освобождают людей от повинностей. Из каждых 20 человек 10 освобождались от несения сторожевой повинности. Сессия сняла с должности подсотника Радивона, который перещеголял по взяткам своих коллег: он освобождал по 15 человек из каждых 20. Аналогичную жалобу подали в магистрат в июле 1676 г. городские выбранцы на своего поручика Казимира, который брал взятки с них за освобождение от несения военной службы и вымогал взятки под угрозой увеличения размеров повинности и наказания. Магистрат ограничился только рассмотрением вопроса, а поручик обещал больше этого не делать [29]. 3 августа 1680 г. в протоколах заседаний слуцкого магистрата записано предложение сессии магистрата о том, что-

---

[25] AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, Ustaw dla Miasta Słucka...
[26] Там же, teka 134, Sprawy Sessyonalistów Magdeburgii Słuckiey...
[27] AGAD, AR, dział XXIII, teka 151, Księga Mieyska...
[28] Там же.
[29] Там же.

бы войт Михаил Лапицкий «единолично ни город, ни сессию не притеснял» [30].

Однако конфликтовать с войтом могли лишь самые богатые и пользовавшиеся влиянием паны-мещане. Так, 20 января 1682 г. слуцкие купцы Павловичи, ведшие иноземную торговлю мехами, на сессии магистрата оспаривали решение войта о раскладке налога на «гонорариум» княгине (сбор на единовременную выплату владелице города.— *А. Г.*). На сессии по просьбе Павловичей присутствовали оба эконома радзивилловских владений в Белоруссии и Литве. По их предложению сессия снизила ставку налога с Павловичей и распределила недостающую сумму сбора среди других богатых мещан [31]. Однако такие случаи были редкими.

Когда же городская верхушка особенно беззастенчиво перекладывала налоговое бремя на рядовых горожан и в городе начинались волнения, в дело вмешивался наместник магната, стремившийся выступать в роли посредника и справедливого судьи. В марте 1685 г. горожане («поспольство») Слуцка возбудили перед судом эконома княжества дело против войта и сессионалистов (членов магистрата) о несправедливой раскладке налогов. Это дело суд эконома рассматривал несколько раз. Некоторым мещанам были снижены ставки налога [32].

В актовом материале и других документах приведено немало фактов насилий представителей городских властей и панов-мещан над трудящимися города. В актах слуцкого замкового суда за 1686 г. отмечено, что наместник войта Филипп Олайкевич приказал городским гайдукам схватить горожанина и посадить его «в тюрьму в Копыльских воротах» без суда [33], а арендатор «лиценты» Ян Христинич, член магистрата, избил ремесленника [34] и т. д.

На злоупотребления городских властей и предотвращение связанных с этим волнений горожан указывает инструкция магната губернатору Слуцкого и Копыльского княжеств Венявскому, данная 9 апреля 1745 г. Радзи-

[30] AGAD, AR, dział XXIII, teka 151, Księga Mieyska...
[31] Там же.
[32] Biblioteka Narodowa w Warszawie, Zbiory Specjalne, BOZ, № 911, k. 87.
[33] ЦГИА БССР, ф. 737, оп. 1, д. 1, л. 83.
[34] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 111, л. 16.

вилл предупреждал губернатора о сохранении порядка в Слуцке «во всем, не позволяя ни в каком месте злоупотреблений, волнений, скандалов, как со стороны офицеров и солдат, так и со стороны других людей, в городе проживающих, или со стороны проезжающих, чтобы всякая безопасность в этом городе для общественного спокойствия сохраняема была»[35]. Губернатору предлагалось следить за действиями магистрата, «чтобы беднейших не притесняли»[36]. Магнат далее писал: «Настоящим для лучшего порядка устанавливается, чтобы войт для себя никаких податей в городе, как от проживающих, так и от проезжающих не придумывал и не собирал, также, чтобы никакого суда по обычным делам, относящимся к замковой юрисдикции, не судил, кроме магдебургских. Что отдается под надзор пана губернатора»[37].

Несмотря на различные указания, предостережения, инструкции, которые писал магнат, стремясь не допустить перерастания недовольства горожан в волнения, социальная природа городского строя постоянно давала возможность городской верхушке не только эксплуатировать горожан, но и совершать многочисленные злоупотребления и насилия.

В этом отношении представляет интерес довольно обширная «Инструкция шляхетному магистрату слуцкому», данная 29 января 1777 г. комиссаром владений князя Радзивилла полковником Радзишевским. В этом документе глава княжеской администрации прямо указывает на нарушение законов и непорядок в действиях городских властей. Он признает, что даже выборы в магистрат не проводились должным образом, а суд не осуществлялся войтом и магистратом, а передоверялся ими частным лицам (без протокольных записей писарем) со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая отсутствие необходимого следствия по уголовным делам, что открывало дорогу безудержному произволу[38].

Комиссар указал на беспорядки в распределении повинностей: «Рассмотрев и увидя в городе Слуцке наи-

[35] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 7408, л. 30.
[36] Там же.
[37] Там же.
[38] AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, Instrukcya Szlachetnemu Magistratowi Słuckiemu...

больший непорядок, обиды и притеснение бедных людей из-за отбывания до сего времени поочередной сторожевой повинности, ибо как те, которые на нескольких пляцах проживают, так и те бедные, которые на четверти или восьмой части пляца построились и не имеют совсем пахотных участков, одинаково сторожевую повинность по очереди отбывали, и, более того, некоторые из жителей, заслоняясь княжеской службой, а другие, охраняемые частной протекцией, а некоторые из-за связей с пахолками (магистратскими служителями, выполнявшими главным образом полицейские функции.— *А. Г.*) от этой сторожевой службы неправильно были освобождены, поэтому, склоняясь в этой мере к урегулированию порядка, сторожевую службу, до сих пор поочередно жителями города Слуцка отбываемую, упраздняю»[39]. Вместо этой повинности горожан магистрату предписывалось увеличить штат городских пахолков до 12, которые и должны были исполнять эту повинность[40]. Таким образом, беззакония при распределении повинности и вызванное ими недовольство горожан привели к тому, что наместник магната отменил эту повинность горожан.

Борьба внутри цехов отражена в документах относительно слабее, так как цеховые документы не сохранились, а в документах другого рода упоминания о внутрицеховых конфликтах редки. Но и они свидетельствуют о неутихавшей борьбе в самих ремесленных корпорациях. При этом борьба между подмастерьями и мастерами имела специфический характер. Отмечая неоднородный характер плебейской оппозиции в средневековых городах, Ф. Энгельс указывал, что в составе этой оппозиции подмастерья занимали промежуточное положение между обедневшими цеховыми бюргерами и выброшенными со своих мест крестьянами и уволенными слугами. Ф. Энгельс писал о подмастерьях: «...временно они стояли вне официального общества и по условиям жизни настолько приближались к пролетариату, насколько это было возможно при тогдашнем состоянии промышленности и господстве цеховых привилегий; однако в то же самое время, в силу тех же цеховых привилегий, почти

---

[39] AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, Instrukcya Szlachetnemu Magistratowi Słuckiemu...
[40] Там же.

все они были будущими бюргерами и цеховыми мастерами» [41].

Ввиду постоянных социальных противоречий внутри цехов цеховые уставы не исключали возникновения стычек на цеховых сходках. Поэтому в тексты цеховых уставов была включена формула о рассмотрении конфликтов между мастерами и их подмастерьями («челядью») на цеховых судах [42], т. е. самими мастерами. Учитывая возможность вооруженных выступлений ремесленников на цеховых сходках, устав ремесленного цеха, как правило, запрещал приходить им на собрания вооруженными. Так, в уставе слуцкого цеха сапожников сафьянницкого ремесла, данном Богуславом Радзивиллом 1 января 1662 г., говорилось: «На сходку сойдясь, братья старшие и младшие ни один при себе не должен иметь сабли, кинжала, ножа, ни другого для боя приспособленного оружия, которым бы брат брата ранить мог бы...» [43] Аналогичное правило было введено в уставы других цехов.

Цеховая старшина расправлялась с непокорными мастерами. В июне 1682 г. цехмистры скорняцкого цеха вопреки декрету замковой администрации послали своих подмастерьев на дом к мастеру-скорняку Петру Никончикову и велели увести его подмастерья и ученика. Цехмистры отомстили мастеру за то, что он пожаловался на другого мастера не им, а замковым властям. Они лишили мастера права держать у себя подмастерья и ученика [44].

В марте 1683 г. цехмистры кузнецкого цеха по такой же причине пришли домой к мастеру Тимоху Соломаховичу, забрали молоты, а мехи и другие орудия попортили [45].

В документальном материале встречаются коллективные жалобы мастеров-ремесленников на цеховую старшину. 17 февраля 1680 г. суд экономов рассматривал жалобу мещан-ремесленников цехов Слуцка и Копыля: скорняцкого, портняжного, кожевенного, ткацкого, са-

---

[41] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 355.
[42] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Przywileje i Nadania Książąt Radziwiłłow..., s. 10; teka 154, № 18, s. 12, 53.
[43] Там же, teka 154, № 18, s. 54.
[44] ЦГИА БССР, ф. 1833, оп. 1, д. 1, л. 377, 379, 390.
[45] Там же, л. 609.

пожного, кузнецкого, слесарного, чулочного, суконщиков, «магерников» (выделывавших особой формы шапки), мясников, гончарского и др. Эта жалоба была подана на действия цехмистров, которые нарушали цеховые уставы и притесняли ремесленников. Суд экономов рассмотрел ее лишь потому, что из-за нарушения положений цеховых уставов терпела убытки княжеская казна. В числе обвинений были и такие: цехмистры бесконтрольно и безотчетно пользовались цеховой казной; штрафы мастеров и подмастерьев шли вместо цеховой казны в карманы цехмистров; в цехе ткачей третью часть материала присваивала себе цеховая старшина. В казне цеха скорняков было найдено только 17 грошей, хотя цехмистры собрали большую сумму на покупку земельного участка и строительство дома для цеховых сходок и т. д.[46] В данном случае инициаторами выступления с жалобой были ремесленники наиболее влиятельных цехов.

Суд экономов Слуцкого княжества в тот же день рассматривал аналогичную жалобу мещан-ремесленников портняжного, ткацкого и гончарного цехов Копыля на цехмистров. Так же, как и в предшествующем судебном деле, прокурором экономического суда была доказана вина цехмистров в нарушении положений цеховых уставов, из-за чего княжеская казна несла убытки. И в Копыле цеховая старшина бесконтрольно и без ежегодных отчетов пользовалась деньгами из цеховой казны. И здесь в цехе ткачей цехмистры забирали себе третью часть нитей, «обращая ее в свой доход». Были отмечены и другие нарушения [47].

В январе 1683 г. сессия магистрата рассматривала жалобу цеха скорняков на цехмистра Яна Бутолича, который грабил и разорял мастеров, избивал их и сажал в тюрьму без суда. Магистрат признал обвинение правильным, записал в протоколе, что Бутолича следовало бы снять с должности цехмистра, как того добивались ремесленники, но все же оставил его на месте, ограничившись обсуждением [48].

Судя по приведенным фактам, такие злоупотребления цеховой старшины носили общий характер в частновладельческих городах Белоруссии.

[46] AGAD, AR, dział XXIII, teka 154, № 18, s. 112—116.
[47] Там же, s. 122—125.
[48] Там же, teka 151, Księga Mieyska...

Противоречия существовали между цеховой старшиной и мастерами, с одной стороны, и подмастерьями и учениками, с другой. В январе 1679 г. в актовой книге замкового суда была записана жалоба мастера-ткача Яна Мацкевича, от которого ушел его подмастерье, не дослужив до конца годичного срока [49]. В актовой книге за 1686 г. записана жалоба Ларивона Уласевича, что его подмастерье Роман сбежал от него [50]. Для предотвращения подобных случаев цеховая старшина прибегала к мерам предупреждения. Так, в июле 1679 г. перед замковым судом предстали мастер-сапожник Самуил Яскевич и его подмастерье Иван Дешкевич. Последний должен был по решению цехмистров поклясться, «что с этого времени он никогда не будет ни господина своего, ни любого цехмистра и старшину ругать, срамить и ничего на них не наговаривать под угрозой наказания плетью» [51].

Однако угрозами наказаний нельзя было заглушить протеста подмастерьев и учеников против эксплуатировавших их труд мастеров.

В феврале 1661 г. записана жалоба мастера-мечника Греса, которого избил подмастерье Евхим за сделанное замечание [52]. В ноябре 1682 г. была внесена жалоба цехмистра слесарного цеха Грышки Сазановича, которого избил подмастерье Гараська [53]. В октябре 1683 г. ученик-сафьянник Иван Скопцевич избил мастера Григория Хилькевича, незаконно оштрафовавшего ученика. Скопцевич ушел от мастера, пообещав сжечь его дом, а самого Хилькевича убить [54].

Несколько сохранившихся магистратских книг XVIII в., безусловно, не могли отразить борьбу массы горожан против эксплуататорской верхушки городского населения (особенно борьбу внутри цехов).

Горожане частновладельческих городов Великого княжества Литовского оказывали сопротивление насилиям и беззакониям мастеров и панов-мещан. Так, на сессии слуцкого магистрата 2 марта 1655 г. войт жаловался, что жители города при сборе налогов «денег не

---

[49] ЦГИА БССР, ф. 1833, оп. 1, д. 1, л. 7.
[50] ЦГИА БССР, ф. 737, п. 1, д. 1, л. 9.
[51] ЦГИА БССР, ф. 1833, оп. 1, д. 1, л. 106.
[52] ЦГИА БССР, ф. 1739, оп. 1, д. 1, л. 51.
[53] ЦГИА БССР, ф. 1833, оп. 1, д. 1, л. 466.
[54] Там же, л. 768.

выдают, и бирчих (сборщиков налогов.— *А. Г.*) оскорбляют». 1 марта мясник Левон Наумович посреди Рыночной площади гайдука, который пришел к нему за получением чиншевых денег, «избил и бороду у него вырвал» [55]. В декабре 1683 г. на сходке портняжного цеха в Слуцке портной Якуб Шлыкович оказал сопротивление представителям цеховой старшины, избив их, когда цехмистр приказал отвести Шлыковича в тюрьму [56].

Несмотря на поддержку городской верхушки представителями магнатской администрации, сопротивление городским властям временами перерастало в широкие волнения, а иногда принимало характер восстания.

В октябре 1684 г. в Слуцке произошло выступление ремесленников разных цехов и мещан против городских властей. 20 октября 1684 г. приехавшим в город комиссарам слуцкой княгини двое мещан подали жалобу на магистрат от имени горожан — «поспольства мещан города Слуцка». Члены магистрата были обвинены в том, что будучи богатыми освобождаются от налогов и несения повинностей и перекладывают налоговое бремя на бедных мещан и притесняют их. В жалобе отмечалось, что в магистрате царят семейственность и приятельские отношения, способствующие угнетению бедных: «...ибо они только братья, родственники и друзья, будучи между собой в полном согласии, бедных людей губят, а сами вольность имеют» [57]. 24 октября комиссарам была подана еще одна жалоба цехмистрами скорняцкого, портняжного, кожемяцкого и сафьянницкого цехов от имени ремесленников этих и других цехов. В ней мещане Слуцка обвиняли войта Михаила Лапицкого в превышении власти. Они перечисляли его незаконные действия: избиения мещан и мещанок, наказания по два и три раза за один проступок, несоразмерные кары (более 100 ударов розгами), после чего люди умирали, бесконтрольное хозяйничанье в городской казне, многократные поборы под видом налогов, обогащение за счет аренды с городских доходов и т. д. Горожане требовали смещения Лапицкого с должности войта. Характерно, что, как выяснилось

---

[55] РОБ АН ЛитССР, ERS — 889. Lauda albo uchwały..., s. 20.
[56] ЦГИА БССР, ф. 1833, оп. 1, д. 1, л. 795.
[57] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Copie, Puncta Cechow Słuckich y respons Commissarski na nie.

при расследовании, зачинщиками волнений были цехмистры портняжного, скорняцкого и слесарного цехов и ремесленники этих цехов [58].

28 октября перед комиссарским судом предстали обвиняемые войт и члены магистрата, которым были зачитаны жалобы поспольства. Они полностью отрицали какую-либо свою вину, обвинив горожан в бунте против городских властей. В это время перед зданием, где происходило расследование жалоб, собралась большая толпа мещан. В протоколе суда комиссары слуцкой княгини Ян Хвалковской и Ян Рейер с раздражением записали: «Мы, комиссары, увидя большую толпу («громаду») мещан, когда только мы цехмистрам назначили быть в восемь часов, выслали мы к этой толпе, чтобы, выделив от себя цехмистров, которым только приказано было быть, а чтобы другие мещане по домам разошлись» [59]. Выяснилось, что и накануне мещане собирались большой группой, когда узнали о предстоящем вызове их представителей к комиссарам, так как не были уверены в положительном решении. Цехмистры заявили, что мещан «трудно им успокоить» [60]. Вместо расследования злоупотреблений войта и магистрата комиссарский суд занялся расследованием бунта. Слуцкие цехи и цехмистры были обвинены в глубоком «оскорблении» владелицы города, ее представителей и городской сессии «как своих старших» тем, что «необычайным образом собирались на сходки и там суплики announcement писывали» [61]. Комиссарский суд квалифицировал эти действия как проступок, нарушение спокойствия и бунт. На будущее цехам и поспольству были запрещены подобные сходки и подача жалоб на войта и магистрат. В противном случае мещан ожидала суровая кара. Жаловавшиеся мещане обязаны были извиниться перед местными представителями замковой администрации, войтом и членами магистрата. Одновременно представители княгини помогли войту и «сессионалистам» расправиться с недовольными в самом магистрате как «сеятелями слухов и смут». Городской писарь Ярошевич был снят со своей должно-

[58] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Copie, Puncta Cechow Słuckich y respons Commissarski na nie.
[59] Там же.
[60] Там же.
[61] Там же.

сти и удален из магистрата. Двоих членов магистрата Маркса и Петровича временно, на 12 недель, вывели из состава магистрата и запретили им «сноситься ни с цехами, ни с другим поспольством или подавать им какие-либо советы» [62]. Таким образом, магнатская администрация полностью поддержала городскую верхушку и усмирила волнения горожан, главной силой которых были ремесленники.

В конце 1699 г. произошло выступление слуцких мещан против богатой городской верхушки. Возмущенные грабежами и насилиями, которые совершали войт и члены магистрата, слуцкие мещане во главе с Буйминовичем, названным в современном документе «бунтовщиком», напали на дом войта. Как сказано в документе, представленном в суд, Буйминович «как явный в городе Слуцке бунтовщик с другими своими единомышленниками, главарем которых и зачинщиком волнений в городе будучи, с собравшейся толпой до нескольких сот поспольства городского напал на дом его милости пана Кучарского, войта в то время слуцкого, намереваясь его убить и остальную городскую старшину вырезать» [63]. Войт и члены городского магистрата спрятались в церквах. Они были спасены благодаря вмешательству гарнизона крепости. Восстание было подавлено, «самих бунтовщиков этих захватили, среди которых и Буйминович находился. Приказано было публично их на рынке плетьми наказать, а потом в тюрьму посадить» [64]. Вначале в замковой, а затем в городской тюрьме Буйминович просидел в оковах около 6 недель без суда [65]. Судя по документам, в дальнейшем он был выпущен из тюрьмы. Вероятно, власти не хотели нагнетать и без того напряженную обстановку в Слуцке, где перед этим происходили волнения (1695 г.) в связи с крестьянским восстанием в окрестностях города. По имеющимся данным Ян Буйминович был купцом. В книге регистрации заявлений в замковый суд Слуцкого княжества в октябре 1705 г. он назван «паном Яном Буйминовичем, жителем и купцом города Слуцка», который выезжал по торговым делам в

[62] AGAD, AR, dział XXIII, teka 134, Copie, Puncta Cechow Słuckich y respons Conmissarski na nie.
[63] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1603, л. 75.
[64] Там же.
[65] Там же.

Пруссию[66]. Он имел дом и лавку, которые войт и магистрат при помощи замкового суда отняли у него в октябре 1699 г.[67] Видимо, это и явилось предлогом для выступления горожан против магистрата и войта.

Таким образом, в данном случае выступление слуцких горожан возглавлялось представителем богатой верхушки населения, купцом, однако это не меняло направленности движения против городского патрициата.

В июне 1736 г. по приказу княгини Анны Радзивилл в городе Невеле была введена должность замкового бурмистра, на которую был назначен губернатором (а затем утвержден княгиней) местный мещанин Андрей Крыцкий. Ему было поручено решать все вопросы в магистрате, и решения магистрата в его отсутствии не были правомочными. Фактически все городские дела решались этим ставленником губернатора и магната. Мещане Невеля, выражая возмущение ущемлением своих прав и зная честолюбивые и корыстолюбивые замыслы Крыцкого и его характер, выступили против новоназначенного замкового бурмистра. Во время приведения Крыцкого к присяге они ворвались в ратушу и хотели его вывести, выгнать оттуда. Спас его невельский губернатор пан Гинтовт, бросившийся с саблей на мещан[68].

Приведенные выше факты борьбы внутри городской общины между основной массой горожан и городской верхушкой позволяют сделать следующие выводы.

В частновладельческих городах Великого княжества Литовского, как и в городах соседних стран, в течение рассматриваемого периода существовали постоянные социальные противоречия между городским патрициатом (панами-мещанами) и основной массой мещанского населения городов, выступавшего против засилья городской верхушки. Эти противоречия занимали главное место в социальной борьбе в городах. Проявлялись и противоречия между низами городской общины (плебейской массой) и зажиточной группой горожан (мастерами-ремесленниками и торговцами).

Основное направление борьбы горожан было антифеодальным, а борьба внутри городской общины носила

---

[66] ЦГИА БССР, ф. 1833, оп. 1, д. 2, л. 684.
[67] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1603, л. 1, 2, 75.
[68] AGAD, AR, dział XXIII, teka 24, Tranzakta Processowe, Replika na podanę punkta Sławetnych Panow Magistratowych Newelskich.

по сравнению с борьбой всех горожан против феодального гнета скорее второстепенный характер. В этом, пожалуй, больше проявлялась специфика социальной борьбы горожан в частновладельческих городах, чем в королевских.

Лагерь городской оппозиции временами был очень большим и распространялся от купца до самого бедного плебея. Но этот лагерь из-за пестроты составлявших его элементов не был единым в случаях наиболее острых вспышек социальной борьбы. Это обстоятельство в значительной степени сказывалось на ее результатах. Иной раз социальная борьба была сужена в рамках небольшой социальной группы, включая и отдельных представителей панов-мещан, боровшихся с засильем двух-трех семейств в магистрате. Различные требования, которые выдвигали представители групп городской оппозиции, разные цели ослабляли эту борьбу против патрициата. Попытки городских низов изменить существующий «городской порядок» были безуспешными.

В целом городские движения не были направлены к свержению городского строя и его организации, уничтожению форм самоуправления, а только против отдельных лиц или небольшой группы людей, за более полное осуществление права на самоуправление (магдебургское право), ликвидацию насилий и злоупотреблений, освобождение от тягот налогового гнета. И хотя эти движения были прогрессивными, они имели ограниченный характер. Практически горожане выступали против нормативных актов, навязанных городской общине патрициатом. Их борьба не имела широкой программы. В Белоруссии мещанство как третье сословие не было организованным (как, например, во Франции) до второй половины XVIII в. включительно. Сказывалась и разобщенность городских движений в различных городах.

Городским движениям в частновладельческих городах Великого княжества Литовского присуща и следующая особенность. В течение XVI—XVIII вв. бунтовавшие горожане сохраняли веру в «доброго» господина, магната, владельца города. Поэтому жалобы, петиции направляли ему или его наместнику. В связи с этим и политика магната была довольно гибкой.

Борьбу горожан, как против феодального гнета, так и против городского патрициата, ослабляло отсутствие

поддержки со стороны еврейской части городского населения. Евреи были объединены в особую группу, имели привилегии, свою организацию. Их интересы в силу этого редко совпадали с интересами мещанского населения.

Сохранившиеся документы позволяют отметить особую форму борьбы горожан против олигархии — борьбу цехов против магистрата (как это было в Слуцке в 1680 и 1684 гг. и в Копыле в 1680 г.). При этом следует отметить, что в борьбе активнее были более сильные и многочисленные цехи. Факты показывают, что движения цеховых ремесленников против патрициата сопровождались выступлением и других групп мещан, в том числе и плебейской массы.

Выступления представителей плебейской части городского населения против зажиточных горожан (бюргеров) зафиксированы лишь в нескольких документах. Это единичные и разрозненные выступления подмастерьев и учеников против своих мастеров. Сохранившийся до нашего времени документальный материал не позволяет говорить о сколько-нибудь широком движении плебеев против зажиточных горожан. Эта борьба отмечена лишь в крупных частновладельческих городах.

Социальная борьба внутри городской общины проявлялась в меньшей степени в небольших частновладельческих городах, где мещане не имели такой имущественной и социальной дифференциации, а часто и права на самоуправление и в повинностном отношении подчинялись управляющим фольварками.

ГЛАВА IV

НАЦИОНАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНАЯ БОРЬБА В ЧАСТНОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ГОРОДАХ

Немалое значение в истории Белоруссии XVI—XVIII вв. имела национально-религиозная борьба народных масс, которая часто переплеталась с антифеодальной борьбой. Вопросы о борьбе белорусского народа против экспансии католицизма в этот период и проведения церковной унии еще недостаточно разработаны, несмотря на то, что по этой проблеме имеется довольно обширная историческая литература (главным образом дореволюционная дворянская и клерикальная). Отдельные вопросы этой проблемы были рассмотрены в работах Л. С. Абецедарского и Я. Н. Мараша.

В Белоруссии в рассматриваемый период господствовала одна из мировых религий, внутренне не связанных с национально-государственными рамками,— христианство. Христианские церкви, распространенные на территории Белоруссии в XVI—XVIII вв.,—католическая, православная и униатская — являлись орудиями в руках феодалов в одинаковой мере. Каждая из этих церквей насаждала низкопоклонство и угодничество перед феодалами, светской властью, королем польским (он же великий князь литовский).

Церковь была одним из оплотов феодализма, ревностно отстаивала крепостное право, так же, как и другие устои феодального строя, выступала против науки и передовой мысли. Централизованное устройство церкви (римско-католической, униатской и православной) использовалось классом-сословием феодалов для подавления сопротивления народных масс. Для этой же цели феодалы использовали и протестантские церкви (кальвинистскую и лютеранскую).

Христианская церковь с ее иерархическим устройством занимала определенное место в феодальном обществе. Священнослужители составляли отдельное приви-

легированное сословие в феодальном государстве. Они не платили многих налогов, у них был свой суд, распространявшийся в ряде вопросов и на другие сословия, своя администрация. Церковь имела большие богатства, в том числе и земельные, и крепостных крестьян. Земли и имущество монастырей и церквей в отличие от владений светских феодалов не дробились. Путем пожалований великих князей, королей и феодалов владения церкви расширялись.

Государственная политика и политика магнатов в отношении церкви в Белоруссии в XVI—XVIII вв. была не столь прямолинейна и однобока, как это описывалось в дореволюционной дворянской и буржуазной историографии, а нередко упрощенно показывалось и в отдельных трудах советских историков.

Многочисленные факты свидетельствуют, что до Брестской церковной унии 1596 г. наряду с католической церковью, которой великие князья литовские и польские короли оказывали решительную поддержку, на территории Белоруссии немалыми правами пользовалась и православная церковь, также (хотя и не в такой степени, как католическая) получавшая поддержку от феодального государства и значительной группы феодалов Великого княжества Литовского.

Проявлением социальной борьбы в городах Великого княжества Литовского, и прежде всего социально-политической борьбы в городах, было реформационное движение в Белоруссии и Литве в середине XVI в. При этом часть магнатов, представителей умеренного реформационного движения, участвовала в реформационном движении, рассматривая реформацию как оппозицию по отношению к центральной власти, религиозную форму, в которой выражался их политический сепаратизм, противодействие государственной унии с Польшей, средство для увеличения своих земельных владений за счет секуляризации земель католической и православной церкви. Городские низы и средние слои горожан, участвовавшие в реформационном движении, выступали как выразители антифеодальной оппозиции [1].

---

[1] См.: С. А. Подокшин. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы (вторая половина XVI — начало XVII в.). Минск, 1970, с. 17—21.

Значительное влияние на распространение реформации в белорусских и литовских городах оказало то, что многие литовские и белорусские магнаты, примкнувшие в середине XVI в. к реформации, помогали распространению реформационного движения в принадлежавших им городах, приглашая в свои замки и города проповедников, строя кальвинистские сборы и способствуя созданию общин. Радзивиллы стояли во главе кальвинистов в XVI и XVII вв.

Правом патроната (покровительства, официальной поддержки) церкви широко пользовались магнаты для укрепления религии, идеологически поддерживавшей и оправдывавшей феодальный строй. Патрон церкви — магнат на территории своего владения осуществлял высшую власть над церквами различных вероисповеданий, давал им богатые денежные вклады, привилегии и льготы, земельные угодья, нередко с крестьянами. При этом он являлся покровителем всех церквей в своих владениях — католической, униатской, православной, кальвинистской, а также иудейской религии. Так, в 1745 г. на территории Слуцкого и Копыльского княжеств (владение Радзивиллов) православная церковь владела 227 «дымами», католическая — 74 «дымами»[2]. Привилеи с льготами на владение землей давали Сапеги православной церкви и в своих городах (Дубровно в 1699, 1709, 1719, 1750 гг.; Горах и Горках в 1683 г.), Ходкевичи и Сенявские в Шклове (1611, 1682, 1693, 1749 гг.)[3]. Одним из проявлений патроната магнатов над церковью было так называемое колляторское право — право назначать священников в своих владениях. Это право использовалось феодалом для того, чтобы священники всех христианских церквей в его владении прививали населению чувство покорности своему господину, владельцу города и деревни. В 1689 г. наместник магната в Слуцке Ст. Не-

---

[2] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4339, л. 92. Приведены «абъюратовые дымы», сведения о которых были даны под присягой властям повета (для сбора налогов). На деле дымов было больше.

[3] ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 372, л. 4—5 об., 10 об.; Архив Ленинградского отделения Института истории (далее — ЛОИИ СССР АН СССР, коллекция 114, № III, 73; Русская секция, коллекция 52, опись 2, картон 12, ед. хр. № 6; Biblioteka Czartoryskich w Krakowie, Rkps. 4475, k. 21; Rkps. 4493, k. 4, 8, 10.

забитовский назначил двух священников в Юрьевскую и Воскресенскую церкви [4].

В XVI—XVII вв. в Европе широко развивалась контрреформация, являвшаяся религиозно-политическим движением католицизма во главе с папством против реформации. На территории Белоруссии и Литвы контрреформация проходила в специфических условиях. Здесь она была направлена не только против протестантов, но и против православных, что придавало католической реакции совершенно новую окраску. Во главе контрреформации шли иезуиты.

Католическая церковь направила свои усилия прежде всего к окатоличиванию феодалов Белоруссии и Литвы, рассчитывая, что затем легче будет окатоличить и народные массы. В католицизм перешли магнатские семьи Сапег, Радзивиллов (несвижской линии), Тышкевичей, Ходкевичей, Соломерецких, Огинских, Друцких, Горских, Острожских, Олельковичей и др. Окатоличивание литовских и белорусских магнатов и шляхты способствовало быстрому восприятию ими польской культуры. Многие феодалы Великого княжества Литовского переходили в католицизм, надеясь достичь одинакового в политическом отношении положения с польскими феодалами в Речи Посполитой, сплотиться с ними идеологически для борьбы против народных движений. В. И. Ленин в 1906 г. писал: «История учит, что господствующие классы всегда жертвовали всем, решительно всем: религией, свободой, родиной, если дело шло о подавлении революционного движения угнетенных классов» [5].

К концу XVI в. среди руководящих кругов католической церкви, разработавших планы экспансии католицизма на востоке, возникла идея об унии католической и православной церквей под главенством папы римского. Церковная уния была поддержана значительной частью иерархов православной церкви в Белоруссии и на Украине, а также определенными кругами православных белорусских и украинских феодалов. Стремление к унии было вызвано желанием высшего православного духовенства укрепить свое привилегированное положение, а

---

[4] Biblioteka Narodowa w Warszawie, Zbiory specjalne, BOZ, Rkps. 911, k. 169.

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, с. 302—303.

также боязнью со стороны господствующего класса усиления антифеодальной борьбы народных масс.

В то же время церковная уния отвечала интересам королевской власти (и лично короля Сигизмунда III), проводившей политику централизации государства, интересам феодалов Речи Посполитой, и в первую очередь польских, стремившихся к идеологическому единству феодалов, а также к закреплению и расширению своих позиций на Украине. Наконец, для феодалов-католиков Белоруссии, Украины и Литвы церковная уния была еще одним идеологическим орудием для укрепления господства над православным крестьянством.

Церковная уния была оформлена 6 октября 1596 г. в Бресте на соборе с участием духовенства, магнатов, шляхты и представителей городов, как православных, так и католиков. В условиях обострявшейся классовой и национальной борьбы влиятельнейший украинский магнат К. К. Острожский не решился поддержать унию. К противникам унии, ушедшим с собора и протестовавшим против нее, присоединились и некоторые церковные сановники. Но король Сигизмунд III утвердил решение униатского собора и признал официально только униатскую церковь. Однако борьба народных масс — горожан, крестьян, украинских казаков, а также части православной белорусской и украинской шляхты, низшего духовенства, некоторых крупных феодалов — сорвала попытку католической церкви, короля и основной массы феодалов Речи Посполитой ликвидировать православную церковь в государстве. В результате острой и напряженной борьбы в 1633 г. было разрешено легальное существование православной церкви в Речи Посполитой (православная митрополия в Киеве, подчиненная константинопольскому патриарху, была восстановлена в 1620 г.).

Согласно Брестской унии, православная церковь в Белоруссии и на Украине признавала основные догматы католической церкви, а своим главой папу римского. Связь с константинопольским патриархом была ликвидирована. Униаты сохранили богослужение на церковнославянском, белорусском и украинском языках и обряды православной церкви. Брестская уния допускала брак белого (немонастырского) духовенства. Королевская грамота от 2 августа 1595 г. закрепляла за высшим униатским духовенством его землевладельческие права, пра-

во занятия высших церковных должностей только украинцами и белорусами. Запрещалось передавать униатские церкви и монастыри католической церкви в королевских владениях (этот запрет не распространялся на магнатские и шляхетские владения) [6]. Униатская церковь имела внутреннее автономное устройство со своим «митрополитом киевским, галицким и всея Руси» с резиденцией в Киеве, а в 1632 г. в Вильно, Новогрудке, Минске или в центрах епархий, где он до митрополии был епископом. Вначале было образовано 8 униатских епархий: митрополичья (территория Виленского, Трокского, Новогрудского, Минского и Киевского воеводств и Жмуди с центром в Вильно), Полоцкая, Пинская, Луцкая, Владимиро-Брестская, Холмская, Львовская и Перемышльская, а в 1625 г. и Смоленская. В 1617 г. был учрежден базилианский монашеский орден униатской церкви [7]. Униатская церковь, детище Ватикана, пользовалась поддержкой католической церкви. В связи с тем что некоторые из униатов переходили в католицизм, папской курией по жалобе иерархов униатской церкви были предприняты шаги по укреплению позиций униатской церкви. Папа Урбан VIII в 1624 г. издал декрет о запрещении перехода из унии в католицизм [8]. Двумя декретами римской конгрегации пропаганды веры в 1724 и 1727 гг. и двумя конституциями папы Бенедикта XIV в 1743 и 1744 гг. было запрещено переходить из унии в католицизм, в то же время католикам разрешалось переходить в униатскую церковь [9]. Однако на деле эти постановления не выполнялись, да и сами папы их затем отменяли. Лишь в 1774 г. был восстановлен декрет Урбана VIII [10]. Митрополит и епископы униатской церкви так и не смогли добиться в течение двух столетий уравнения их политических прав с правами епископов католической церкви в Речи Посполитой. Униатскую церковь здесь в

---

[6] Акты, относящиеся к истории Западной России, т. IV. Спб., 1851, с. 111—113.

[7] См.: И. Чистович. Очерк истории западно-русской церкви. Ч. II. Спб., 1884, с. 388, 390, 391.

[8] Там же, с. 382.

[9] См.: Н. Бантыш-Каменский. Историческое известие о возникшей в Польше унии. М., 1805, с. 49.

[10] См.: И. Чистович. Очерк истории западно-русской церкви. Ч. II, с. 385.

политическом отношении феодалы рассматривали все же как второстепенную. Еще во время приема в 1595 г. в Риме папой римским Климентом VIII епископов Поцея и Терлецкого им было обещано, что униатские епископы будут заседать в сенате Речи Посполитой на равных основаниях с католическими епископами. Папа даже написал об этом Сигизмунду III [11]. Король же в грамоте митрополиту Рагозе уклонился от решения этого вопроса, ссылаясь на то, что это компетенция сейма [12]. И впоследствии высшее униатское духовенство неоднократно ставило этот вопрос на сеймах, но всегда безуспешно [13]. Лишь на Четырехлетнем сейме был сделан шаг к политическому равноправию иерархов униатской церкви с католическими прелатами. Конституцией от 29 июля 1790 г. униатскому «архиепископу киевскому, митрополиту всея Руси» Феодосию Ростоцкому было дано место в сенате Речи Посполитой. Однако это место было ему дано не за архиепископом гнезненским (главой католической церкви в Польше), а за всеми католическими епископами [14], что лишний раз подчеркивало второстепенное значение униатской церкви в Речи Посполитой.

Униатское духовенство получало образование в тех же школах, что и католическое. Оно подчинялось тем же церковным распоряжениям. С течением времени оно было вынуждено взамен прежних православных принять целый ряд католических обрядов и обычаев. Униатский поп материально целиком зависел от помещика, почти всегда католика. Помещик представлял епископу кандидата в священники местной церкви, от помещика униатский поп получал содержание и пособия, помощь при воспитании детей, содействие в карьере. Вышколенное по иезуитской системе и хорошо для своего положения образованное униатское духовенство стояло в одном ряду с ксендзами в качестве оплота эксплуатации крестьян со стороны феодала [15].

---

[11] См.: Н. Бантыш-Каменский. Историческое известие о возникшей в Польше унии, с. 48.

[12] Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов, т. 1. Минск, 1959, с. 370.

[13] См.: Н. Бантыш-Каменский. Историческое известие о возникшей в Польше унии, с. 48—49.

[14] Volumina Legum. Tom IX. Kraków, 1889, s. 175—176.

[15] См.: Н. М. Никольский. История русской церкви. Изд. 2-е. М.—Л., 1931, с. 208.

Характерно, что широкие круги белорусской шляхты в унию не переходили, а принимали католичество. Это можно объяснить политическими мотивами. Белорусская шляхта стремилась уравнять свои права с шляхтой Польши, которая в основной своей массе была католической. В известной мере белорусская шляхта видела в католической церкви определенный политический фактор с централизаторскими тенденциями, что можно было использовать в борьбе с магнатами. Кроме того, белорусская шляхта с некоторым пренебрежением относилась к униатской церкви как к церкви крестьян и горожан и даже в этом видела свое превосходство над ними.

Ф. Энгельс отмечал, что белорусское и украинское дворянство в результате более высокого уровня цивилизации Польши подверглось полонизации, а позже при господстве иезуитов в Речи Посполитой православных подданных силой заставляли присоединяться к римско-католической церкви [16]. Говоря о жителях Белоруссии и Украины, Ф. Энгельс писал: «Значительная часть этих православных в XVI столетии была вынуждена признать верховенство папы, и они стали называться униатами, но многие из них сохранили во всех отношениях верность своей прежней православной религии. Это были главным образом крепостные, в то время как их благородные господа почти все были католиками...» [17]

В XVII и XVIII вв. католическая и униатская церкви добились успехов в ходе католической экспансии на территории Белоруссии и Литвы. Они, несмотря на оказанное населением Белоруссии сопротивление, смогли закрепиться во многих районах Белоруссии, особенно на западе и в центре. При этом униатская церковь действовала при помощи католической церкви, королевской власти, шляхетской администрации в поветах и при поддержке католической шляхты и магнатов.

За период с 1653 по 1790 г. число католических плебаний в Белоруссии увеличилось в два раза. В течение XVI—XVIII вв. в пределах Белоруссии было основано 19 мужских и 7 женских католических монашеских орденов. Самую густую сеть своих учреждений в Белоруссии создали иезуиты. Из 153 опорных пунктов (коллегий,

---

[16] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 19.
[17] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, с. 165.

миссий и резиденций), созданных иезуитами в XVII—XVIII вв. на территории Речи Посполитой, более половины (79) находилось в пределах Белоруссии. Францисканский орден построил в Белоруссии 26 монастырей, доминиканский — 42, кармелитский — 23. Кроме того, было построено много костелов. В 1744 г. в Виленском диоцезе было 26 католических деканатов с 428 костелами. Из этого числа на белорусские земли (без Брестского повета) приходилось 16 деканатов и 301 костел. К началу XIX в. в Виленском диоцезе имелось 694 костела, а Могилевский архидиоцез насчитывал 514 костелов (215 приходских, 68 филиалов, 21 алтария и 210 часовен)[18].

Однако к концу XVIII в. первое место в Белоруссии по количеству церквей занимала униатская, а не католическая церковь. О размерах организованного укрепления униатства свидетельствовала люстрация подымного налога за 1790 г. в белорусских поветах Великого княжества Литовского (без восточной части Белоруссии, уже присоединенной к России), где число униатских плебаний достигло 1199, католических — 283, православных — 143[19], т. е. соответственно 73,8%, 17,4 и 8,8%. В 1777 г., по данным «Атласа Могилевской губернии», составленного русскими офицерами, в Могилевской губернии насчитывалось «греческих (т. е. православных.— *А. Г.*) монастырей 10, церквей 124, католицких костелов и кляшторов 62, униятских монастырей 4, церквей 419, простонародие большей частью все унияты...»[20] Таким образом, православных церквей и монастырей здесь было 21,6%, католических — 10, униатских — 68,4%.

Т. Корзон приблизительно насчитывал в 1771 г. на всей территории Речи Посполитой 11420 тысяч человек, из них 550 тысяч православных и 3790 тысяч униатов[21]. Это составляло православных — 9%, униатов — 33% от всего населения государства. Так же приблизительно на 1791 г. Т. Корзон насчитывал в Речи Посполитой 8790 тысяч человек, из них 300 тысяч православных и 2660 ты-

---

[18] См.: Я. Н. Мараш. Ватикан и Белоруссия. Автореф. докт. дис. Минск, 1968, с. 13—14; Я. Н. Мараш. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569—1795). Минск, 1971, с. 101—105.

[19] См.: Я. Н. Мараш. Ватикан и Белоруссия, с. 35.

[20] ГПБ. Отдел рукописей. F—IV, 768, л. 6.

[21] См.: T. Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764—1794). Tom I. Kraków, 1897, s. 161, 174, 241.

сяч униатов[22] — 3,4% православных, 30% униатов. Таким образом, в Восточной Белоруссии, отошедшей к России по первому разделу Речи Посполитой, проживало около половины православного населения государства. По приблизительным подсчетам В. Вельгорского, в 1791 г. на территории Великого княжества Литовского проживало 39% униатов, 38% католиков, 6,5% православных и 16,5% людей других исповеданий[23]. Следует учесть, что в Литве подавляющее большинство населения было католиками, а данные 1791 г. включают Литву и большую часть Белоруссии. Хотя эти цифры основаны на приблизительных подсчетах, они красноречиво говорят, что в Белоруссии к концу XVIII в. преобладающим было униатское по вероисповеданию население.

С конца XVI в. магнаты Белоруссии и Литвы стали оказывать все большее покровительство католической церкви. В принадлежавших магнатам городах и в близлежащих местностях католическая церковь получала земельные участки, на которые, согласно положениям Литовского статута, распространялось земское право. Церковные земли в городах были выделены из-под юрисдикции городского права. Постепенно создавались церковные юрисдики в городах и духовные имения в сельской местности.

В ряде случаев в период наступления католицизма в Белоруссии католические монастыри стали не только феодальными владельцами крестьян, но и крупных местечек с мещанами. Так, например, произошло с имением Лепель. Виленский капитул в 1586 г. продал свое имение Старый Лепель Льву Сапеге, тогдашнему владельцу имения Белый (или Новый) Лепель. Сапега устроил в обоих имениях местечки, поселив в них людей, переведенных из других мест. Здесь были построены костел и церковь[24]. Лев Сапега в 1609 г. оба местечка, впоследствии слившиеся в один город, вместе с принадлежавшими к ним имениями и деревнями передал вилен-

---

[22] См.: T. Korzon. Wewnętrzne dzieje Polskiza Stanisława Augusta (1764—1794). Tom I. Kraków, 1897, s. 60, 174, 241.

[23] См.: А. П. Грыцкевіч. Рэлігійнае пытанне і знешняя палітыка царызму перад падзеламі Рэчы Паспалітай.— «Весці Акадэміі навук Беларускай ССР». Серыя грамадскіх навук, 1973, № 6, с. 63.

[24] См.: М. О. Без-Корнилович. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии. Спб., 1855, с. 113.

скому женскому бернардинскому монастырю [25]. Этот же магнат передал имение Березу с одноименным крупным местечком и деревнями основанному здесь католическому монастырю монахов-картузианцев [26] (от названия этого ордена произошло позднейшее название местечка Береза-Картузская). Северная часть города Глубокое (в Полоцком воеводстве) в 1643 г. была передана владельцем этой части Глубокого (вместе с близлежащими имениями) Корсаком основанному здесь монастырю босых кармелитов [27]. Еще перед этим, в 1639 г., Юзеф Корсак выстроил в Глубоком приходский костел, ксендз которого впоследствии по его завещанию был подчинен аббату кармелитского монастыря. В XVII в. виленский капитул в восточной части Белоруссии, в частности, владел большим местечком Горволь [28].

Таким образом, в процессе контрреформации в Белоруссии католическая церковь при содействии местных магнатов и шляхты заняла прочные позиции, стала обладательницей больших богатств, крупных земельных владений и значительных по величине городских поселений с мещанским населением. Католическая церковь превратилась в крупного землевладельца, а ее экономические и владельческие права усилились. Церковные имения увеличивались, так как из-за безбрачия духовенства не подлежали разделу между наследниками и, следовательно, не дробились.

Униатская церковь, занимавшая первое место по своему распространению в Белоруссии, также пользовалась поддержкой магнатов и крупных помещиков в своих владениях, хотя и не в такой степени, как римско-католическая. Значительная часть магнатов с конца XVI в. распространила на униатское духовенство в принадлежавших им городах такие же привилегии, какими ранее пользовалась православная церковь.

В центре Клецкой ординации Радзивиллов — городе Клецке — в 1626 г. существовали две униатские церкви: одна на рынке, другая — Вознесенская — возле самого

[25] Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Tom V. Warszawa, 1884, s. 149—150.
[26] ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 49, л. 1.
[27] См.: O. H e d e m a n n. Głębokie (szkic dziejów). Wilno, 1935, s. 13—14.
[28] Archiwum Państwowe miasta Krakowa i województwa krakowskiego, Archiwum Sanguszkowskie (далее — АР Kr., AS), № 193.

города, на Орыне. Клецкие мещане обязаны были ремонтировать их: «Эти обе церкви город Клецк чинить обязан» [29]. Из 48 городских волок 1/2 волоки, «вольной» от чинша, находилась у униатского попа [30]. Столько же было у униатского священника и в 1694 г.[31] В 1770 г. в Клецке униатская церковь со школой и плебанией вместе имели участки в 22 прента, на дьяка была отведена 1/2 волоки, а униатский священник из городских земель имел 3 огорода, за которые платил чинш магнату 4 злотых 15 грошей в год [32] (по той же таксе, что и мещане). В 1779 г. клецкий и давидгородокский ординат, минский воевода князь Юзеф Радзивилл подтвердил прежний фундуш (пожалование) клецкому униатскому священнику Вознесенской Орынской церкви взамен утраченного ею привилея от князей Радзивиллов. Подтверждалось право униатского попа владеть 1 1/2 волоки земли. Магнат передавал священнику земельный участок при Орынской церкви из городских земель для постройки плебании, для чего Радзивилл дополнительно дал ему 800 злотых. 1 1/2 волоки, которые до этого имел униатский приходский священник в деревне Бабаевичах, были заменены магнатом на 2 1/2 волоки возле города, рядом с городскими волоками. Из этих земель 2 волоки отводились попу, а 1/2 волоки дьяку (с чего дьяк должен был платить только подымный налог в государственную казну за 1/2 «дыма»). Попу разрешалось выстроить на этой земле (но только вне города) бровар и без платы в казну магната гнать водку и варить пиво и продавать их, но не в городской черте. Священнику позволялось заготовлять в княжеских лесах дрова и деревья для строительства, предоставлялось право бесплатно пользоваться мельницами в Клецке (но не продавать муку) и получать ежегодно 15 возов сена из Красноставского фольварка. За это униатский поп обязан был исправно нести церковную службу, «чтобы его милость ксендз приходский орынский в вере святой римской униатско-греческой науками духовными примерно утверждал» прихожан. Приход священника этой церкви «по старому обычаю» состоял из половины жителей Клецка и 7 деревень. Заодно

---

[29] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3135, л. 8.
[30] Там же, л. 24.
[31] Там же, д. 3136, л. 16.
[32] Там же, д. 3138, л. 392 об.— 393.

магнат (опять-таки по старинному праву) присоединил к этой униатской церкви клецкий сапожный цех [33]. Этот документ является наиболее полным из такого рода документов о пожаловании магнатов униатским церквам в частновладельческих городах. Следует отметить довольно щедрое пожалование, хотя и не такое, как это делали магнаты по отношению к католической церкви. Размеры пожалования униатским церквам в частновладельческих городах были примерно такими же, как и пожалования православной церкви в этих же городах, разумеется, там, где сохранялись православные церкви.

В частновладельческом Турове была юрисдика униатского епископа пинского и туровского, в которой жили мещане-юрисдичане [34].

В восточной части Белоруссии в частновладельческих городах и крупных местечках магнаты также содействовали строительству униатских церквей или передаче существующих в унию. К концу XVIII в. уже после присоединения Восточной Белоруссии к России большинство церквей здесь были униатскими. Так, в 1777 г. в Головчине, принадлежавшем графу Пацу, были 2 униатских церкви, в Белыничах (владение Огинского) — 1, в Круглом (его же) — 2, в Шклове (владение Чарторыских) — униатский монастырь, в Горах (принадлежавших графу Соллогубу) — 3 униатские церкви, в Пропойске — 2, в Горках (владение Соллогуба) — 2, в радзивилловской Копыси — униатские церкви (без указания количества), в Смолянах (владение Сангушек) — 3, в Толочине — униатские базилианский монастырь и церковь, в Любавичах, Лиозно, Сенно (владение Огинской), Хиславичах, Шамове, Милославичах, Шумячах, Хотимске, Костюковичах и Корме — по одной униатской церкви, в Чечерске и Гомеле — по три униатские церкви [35]. Православных церквей в Восточной Белоруссии было меньше.

Во второй половине XVIII в. в Шклове на Рышковском предместье была построена униатская церковь. До этого там были только католические костелы и православные церкви. В инвентаре Шклова за 1764 г. указано, что над речкой Езоной расположена новая униатская

[33] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3139, л. 164, 165—167 об.
[34] Архив ЛОИИ СССР АН СССР. Русская секция, коллекция 52, опись 2, картон 13, ед. хр. 1.
[35] ГПБ. Отдел рукописей. F—IV, 768, л. 1—6.

8*

церковь [36]. Она же отмечена и в инвентарях 1770 и 1772 гг.[37]

В XVIII в. в принадлежавшей Сапегам Друе было, как это отмечено в протоколах Друйского магистрата за 1731 г., несколько униатских церквей — за рекой Двиной (в Придруйске) Николаевская, в Друе — Петровская церковь, в Старом городе — Спасская [38].

Магнаты, как это было и в отношении православных церквей, назначали священников в униатские церкви в своих городах, т. е. пользовались по-прежнему колляторским правом. Во владении Сангушек — местечке Смоляны (Оршанский повет) — из 3 униатских церквей Спасская считалась главной и в ней служил протопоп. Изданным в марте 1690 г. актом княгиня Констанция Сангушко-Любартович назначила («приняла») в Смолянскую Спасскую церковь в качестве протопопа и плебана Антония Тарнавского и передала для него и «церковных мещан» (юрисдичан) 4 пляца в городе, $1^1/_2$ волоки полевой земли и приход величиной в половину города. В одной из деревень смолянского владения княгиня дала униатскому протопопу 16 «пустых» волок. Кроме того, протопопу была дана в подчинение другая церковь Пракседы Пятницы, которая имела в городе 2 пляца с 4 огородниками-юрисдичанами и 2 волоки земли, и третья церковь в городе. Протопопу, согласно старому обычаю, принадлежала свадебная «куница» (денежный сбор от вступающих в брак). После смерти Антония Тарнавского князь Павел Сангушко (1682—1750) утвердил в должности протопопа его сына Василия Тарнавского, подтвердив все пожалования, сделанные его отцу [39]. Этот и последующие акты пожалования прямо указывают на то, что фундуши униатским церквам в Смолянах были даны магнатами сразу после введения Брестской церковной унии, а затем лишь подтверждались.

Так, в 1710 г. Павел Сангушко вновь подтвердил фундуш Спасской церкви, назначив нового униатского священника. В этом документе снова говорилось о владениях этой церкви в городе — 4 пляцах священника, деревне Тетери с 16 волоками земли, 1 пляце на улице

[36] Biblioteka Czartoryskich w Krakowie, Rkps. 4493, k. 5.
[37] Там же. Rkps. 4500, k. 5; Rkps. 4502, k. 5.
[38] ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1348, оп. 1, д. 1, л. 296.
[39] АР Kr., AS, № 837.

Самодеевской с 1 «подданным» церкви. Эта же церковь имела подчиненную ей церковь Пракседы Пятницы с торговыми сборами с происходящих на площади возле нее каждую пятницу торгов, а также церковь «святого Иоанна» с правом распоряжения ее фундушем, церковным пляцем с домом церковного слуги, 2 волоками городской земли и 2 пляцами на Плиговой улице с 5 «подданными». Вновь указывалось, что приход Спасской церкви составлял часть местечка Смоляны и 6 деревень. Куницы брачные шли священнику этой церкви со всей Смолянской волости[40]. Вторая смолянская церковь «святого Иоанна» в 1692 г. также получила подтверждение пожалования от магната в связи с назначением нового священника. Она имела земельный участок в $1^1/_2$ пляца между Оршанской и Шкловской улицами, $^3/_4$ пляца на шпиталь и 2 пляца на улице Плиговке с 3 «подданными», а также 2 волоки «вольной» земли. Магнат дополнительно дал этой церкви застенок Глинище с сенокосом. Этой же церкви подчинялась в свою очередь церковь Пракседы Пятницы с торговыми сборами по пятницам[41]. Эти же церкви с их небольшими юрисдиками, шпиталем и волоками земли за городом отмечены и в инвентаре 1748 г.[42]

Таким образом, и в небольших частновладельческих городах униатская церковь выступала в качестве феодального владельца, у которого были свои юрисдики, земли, крепостные крестьяне и мещане-юрисдичане. Однако следует подчеркнуть, что такое положение она унаследовала от православной церкви, которая ранее была таким же феодальным владельцем в принадлежавших магнатам городах.

Меньшими правами обладала униатская церковь в небольших местечках. Так, в местечке Горволь (Речицкий повет), принадлежавшем виленскому католическому капитулу, где не было даже костела, в 1673 г. существовала униатская церковь, священник которой был лишь освобожден от чинша за свой земельный участок[43]. В инвентаре Горволя 1739 г. (к этому времени местечко выросло) отмечено, что «в этом городе находится цер-

[40] AP Kr., AS, № 837.
[41] Там же.
[42] Там же, № 591/1.
[43] Там же, № 193.

ковь, отремонтированная в 1735 г. ...плебания, в которой постоянных священников два и дьяк для учения детей малых, также и школка для детей, выстроенная при церкви»[44]. Кстати, костела в Горволе не было и в XVIII в.

Магнаты, являвшиеся основателями («фундаторами») униатских церквей и монастырей, оказывали и впоследствии им помощь. Во время войны 1654—1667 гг. литовский великий гетман Павел Сапега в июле 1660 г. издал универсал войскам литовскому и польскому, в котором приказывал не вступать в местечко Жировицы, принадлежавшее местному базилианскому монастырю (которому ранее Лев Сапега передал пляцы, дома и несколько деревень), и в деревню жировицких базилианов Стайки. Сапега грозил военным судом ослушникам этого приказа[45]. Конституция сейма 1661 г. подтвердила это право. Сейм освободил Жировицы от платы налогов и податей на 4 года, а от солдатского постоя навсегда[46]. По конституции сейма 1667 г. «Жировицы с огородниками» вновь освобождались от налогов и податей Речи Посполитой на 4 года. Базилианский монастырь получал дополнительно деревню Була в Слонимском повете[47]. В данном случае привилегии базилианскому монастырю в Жировицах давали не только его основатели магнаты Сапеги, но и сейм и королевская власть начиная с Сигизмунда III. В марте 1710 г. король Август II закрепил за Жировицким униатским монастырем исключительно в пределах Слонимского повета право обучать в открытой монахами-базилианами школе шляхетскую молодежь. Открытие новых школ запрещалось. Этот привилей был в январе 1749 г. подтвержден Августом III[48].

В течение XVII—XVIII вв. униатская церковь в Белоруссии, хотя и занимавшая второстепенные по значению (в сравнении с католической церковью) позиции, неизменно укрепляла свои экономические и владельческие права, а значительная масса ее иерархов вплоть до про-

---

[44] AP Kr., AS, № 544/1.
[45] Архив ЛОИИ СССР АН СССР. Русская секция, коллекция 52, опись 2, картон 12, ед. хр. 10.
[46] Volumina Legum. Tom IV, s. 381.
[47] Там же, с. 474.
[48] Архив ЛОИИ СССР АН СССР. Русская секция, коллекция 52, опись 2, картон 12, ед. хр. 10.

топопов фактически была феодалами, владевшими землями и крепостными крестьянами, а в городах — юрисдиками. Усилению экономических и владельческих прав униатской церкви в частновладельческих городах способствовали магнаты-католики — патроны церкви в своих латифундиях.

С конца XVI в. на территории Белоруссии развернулась религиозная борьба, главным образом между православными, с одной стороны, и католиками и униатами, с другой. Происходила также не менее решительная борьба между католиками и протестантами. В ходе этой борьбы нередко возникали соглашения между так называемыми диссидентами-некатоликами. Так, в 1599 г. в Вильно состоялся съезд представителей православной и евангелической церквей Великого княжества Литовского [49]. Попытки координировать действия православных и протестантов в борьбе против контрреформации предпринимались и в дальнейшем вплоть до XVIII в. Так, в 1767 г. совместно и одновременно действовали две шляхетские конфедерации — Торуньская (протестантская) и Слуцкая (состоявшая из православных и кальвинистов), добившиеся формального уравнения прав диссидентской шляхты с католической.

Как уже отмечалось, подавляющее большинство магнатов и шляхты Великого княжества Литовского в конце XVI — первой половине XVII в. перешло в католицизм из политических побуждений. Феодалы Белоруссии, переходя в католицизм, хотели не только достичь равного в политическом отношении положения с феодалами Польши, но и сплотиться с ними для борьбы против народных движений. Основная тяжесть национально-религиозной борьбы легла на народные массы Белоруссии — горожан и крестьян.

Особенно сильная борьба на религиозной почве разгорелась с начала XVII в. в королевских городах Белоруссии [50]. Данные по частновладельческим городам, несмотря на наличие магнатских архивов, не показывают острой религиозной борьбы. Это объясняется несколькими причинами. Магнаты в качестве патронов церкви в своих городах и латифундиях оказывали содействие

[49] История Белорусской ССР, т. 1, с. 120.
[50] Там же.

контрреформации и введению унии не только пожалованиями и вкладами, но и использовали для этого свою власть, меры законодательного характера, наличие гарнизонов, а также меры экономического воздействия и социальные различия. На масштабе борьбы сказалось и то, что население в частновладельческих городах по численности меньшее, чем в королевских. В разных частновладельческих городах сопротивление контрреформации протекало по-разному.

Горожане белорусских частновладельческих городов вместе с представителями православного духовенства участвовали в Брестском соборе 1596 г. Когда он разделился, они вошли в состав православного собора, отрешившего от должностей и духовного сана принявших унию митрополита Рагозу и епископов, сторонников унии. Среди депутатов православного собора были слуцкий протопоп Емельян Никольский и представители мещан города Слуцка [51]. Оба собора послали свои постановления на утверждение королю. Но король утвердил только постановления униатского собора. Так официально была принята церковная уния. Король подчинил перешедшим в унию митрополиту и епископам их прежние епархии. Со своей стороны константинопольский патриарх в 1597 г. поддержал постановления Брестского православного собора [52].

На местах продолжалась борьба против церковной унии. Население Слуцка не признало церковную унию. Когда униатский митрополит Михаил Рагоза в 1598 г. назначил в качестве своего наместника слуцким протопопом священника Афанасия Герасимовича, священника Спасской церкви [53], население отказалось подчиняться ему [54]. Приехавшего в Слуцк Рагозу горожане забросали камнями. Как доносил впоследствии в Рим униатский митрополит Иосиф Велямин-Рутский, за это нападение

[51] Архив Юго-Западной России. Ч. I, т. 1. Киев, 1859, с. 529; М. Коялович. Литовская церковная уния, т. 1. Спб., 1859, с. 306, 308; П. Жукович. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.). Спб., 1901, с. 226.

[52] См.: Макарий, митрополит Московский.— История русской церкви, т. X, книга 1. Спб., 1902, с. 241—242.

[53] Акты, относящиеся к истории Западной России (далее — АЗР), т. IV. Спб., 1851, № 133, с. 186—187.

[54] См.: И. Чистович. Очерк истории западно-русской церкви. Ч. 2. Спб., 1884, с. 185.

все дома в Слуцке были обложены ежегодным штрафом, взимавшимся в течение многих лет[55]. В 1619 г. жители Могилева напомнили униатскому архиепископу Иосафату Кунцевичу, когда не впускали его в свой город, о том, «что случилось в Слуцке с отцом митрополитом покойным Рагозой»[56].

После смерти Михаила Рагозы в 1599 г. униатским митрополитом стал Ипатий Поцей. Король дал ему грамоту на владение Слуцкой архимандрией[57], хотя жители города и княжества не подчинялись униатам. Опекун малолетней слуцкой княгини Иероним Ходкевич, виленский каштелян и брестский староста, жалованной грамотой в декабре 1599 г. передал слуцкую архимандрию Ипатию Поцею с подчинением ему всех церквей[58]. И хотя Ходкевич, магнат-католик, добился передачи Слуцкого Троицкого монастыря Поцею, население и значительная часть духовенства встретили эти шаги враждебно[59]. Поцей назначил в июне 1600 г. своим наместником в Слуцке Афанасия Герасимовича, слуцкого протопопа, подтвердив его права[60]. Однако население снова отказалось ему подчиняться[61]. В известной степени борьбе слуцких горожан против унии содействовало то обстоятельство, что в 1600 г. слуцкая княжна Софья Олелькович, православная, была выдана замуж за кальвиниста Януша Радзивилла. В письме Николаю Крыштофу Радзивиллу (от 31 декабря 1600 г.) Поцей жаловался, что Януш Радзивилл под влиянием молодой жены отнял у него Слуцкий Троицкий монастырь, изгнавши из него его слугу. Но вынужден был признать, что «сами случане старались о том, чтобы Поцей не был у них не только архимандритом, но и митрополитом»[62].

О национально-религиозной борьбе в белорусских частновладельческих городах в первой половине XVII в.

---

[55] См.: Макарий, митрополит Московский, с. 261—262.
[56] АВАК, т. IX. Вильна, 1878, № 58, с. 162.
[57] Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. Издано П. Н. Батюшковым. Спб., 1890, с. 190.
[58] АЗР, т. IV, № 147, с. 202—203.
[59] См.: Макарий, митрополит Московский, с. 321.
[60] АЗР, т. IV, № 153, с. 239—240.
[61] См.: Николай, архимандрит. Историко-статистическое описание Минской епархии. Спб., 1864, с. 30.
[62] П. Жукович. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.), с. 395.

сохранились краткие сведения. В жалобе православной шляхты, направленной сенату Речи Посполитой (1623 г.), в частности, говорилось: «А что творится по городам и местечкам княжеским и панским, в Быхове, Шклове, Белице, Дубровне, Клецке, Давид-Городке... (далее идет перечисление украинских городов.— *А. Г.*) и многих других. В них из-за вашей унии, по вашему настоянию бедные люди подвергнуты заключениям и бичеваниям, обременены денежными штрафами, терпят притеснения и гонения» [63].

С начала XVII в. борьба против церковной унии и католической экспансии на территории Великого княжества Литовского велась в основном объединениями горожан — братствами. Вначале (еще в XVI в.) эти религиозные организации создавались в городах Белоруссии, Украины и Литвы на основе ремесленных цеховых организаций вокруг приходских церквей и монастырей. Некоторые из них возникли в XV в.— Львовское (1439 г.) и Виленское (1458 г.). Первоначально братства ставили перед собой религиозные и благотворительные задачи. Они имели недвижимое имущество, денежные средства (за счет взносов и вкладов), больницы и приюты для престарелых и калек (шпитали), школы, типографии и т. д. Братства получали право патроната над монастырями и церквами и часто подчинялись высшей церковной власти будучи независимыми от местных церковных властей. В Великом княжестве Литовском братства имели большое влияние на развитие белорусской культуры и просвещения. В них вступали и местные феодалы. Не всегда члены братства были жителями того города, где оно находилось. Так, одно из наиболее старых и влиятельных в Речи Посполитой братств—Литовское—включало многих православных феодалов, в том числе слуцких князей Олельковичей. В Могилевском братстве состояли слуцкие мещане [64]. В Белоруссии и Литве борьбу против контрреформации, введения унии возглавляло Виленское церковное братство, более сильное и богатое,

[63] П. Жукович. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (с 1609 г.), IV выпуск (1623—1625 гг.). Спб., 1908, с. 19

[64] См.: И. Флеров. О православных церковных братствах, противоборствовавших унии в Юго-Западной России в XVI, XVII и XVIII столетиях. Спб., 1857, с. 27.

чем другие, включавшее не только горожан, но и шляхту и магнатов (например, его старостой долгое время был Богдан Огинский, умерший в 1625 г.).

Из братств частновладельческих городов наиболее активными были церковные братства в Слуцке. Первое церковное православное братство было основано здесь еще в 1586 г., когда князь Юрий Юрьевич Олелькович утвердил устав («регламент»)[65]. В мае 1606 г. Слуцкому братству Янушем Радзивиллом была передана Спасо-Преображенская церковь[66]. К братству перешел и Преображенский монастырь[67], носивший название братского Спасо-Преображенского. Преображенское братство существовало как организация, боровшаяся против окатоличивания до конца XVIII в.[68] При братстве были открыты шпиталь, библиотека[69] и школа[70], преподавание в которой велось на белорусском языке. В 1620 г. константинопольский патриарх Феофан дал братству ставропигию[71] (право подчинения не местным церковным властям и не православному митрополиту, а непосредственно константинопольскому патриарху). Это позволяло Слуцкому Преображенскому братству осуществлять свою деятельность независимо от киевских митрополитов, белорусских епископов и церковных властей в Слуцке, оказывать свое влияние на последних и даже вести борьбу против них.

Так, Преображенское братство избирало священников на те или иные должности (например, священника в Спасскую церковь), не допускало к отправлению деятельности даже слуцкого протопопа, избирало архимандрита Троицкого монастыря вместе с капитулом (напри-

[65] См.: Ф. Вечерко. Слуцкое Народное Преображенское Братство.— «Минские епархиальные ведомости», 1911, № 1, с. 11.
[66] Минская старина. Вып. IV, № 166, с. 68.
[67] См.: Николай, архимандрит. Историко-статистическое описание Минской епархии, с. 120; Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края, с. 217; А. А. Папков. Братства. Очерк истории западно-русских православных братств. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900, с. 116.
[68] См.: А. А. Папков. Братства. Очерк истории.., с. 262.
[69] Минская старина. Вып. IV, № 178, с. 74.
[70] См.: А. А. Папков. Братства. Очерк истории.., с. 262.
[71] Собрание древних актов и грамот городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам. Минск, 1848, № 78, с. 142—143; РОБ АН ЛитССР, VBF — 1423, л. 1.

мер, в 1732 г.) [72]. В 1629 г. киевский митрополит Иов Борецкий просил членов братства изменить свое отношение к протопопу [73]. В 1759 г. монахи Слуцкого Троицкого монастыря подали жалобу владельцу города Иерониму Флориану Радзивиллу на действия братства, которое произвело «ревизию, никогда не слыханную», Троицкого монастыря. Монахи жаловались на братчиков, что они вмешивались в избрание архимандрита и распоряжались монастырской казной, чтобы отправить избранного членами братства кандидата в Киев [74]. Во второй половине XVII — первой половине XVIII в. Слуцкое Преображенское братство играло ведущую роль наряду с Минским и Могилевским в деятельности братств на территории Белоруссии. Активно вело борьбу в начале XVIII в. Преображенское братство против попыток белорусского епископа Сильвестра Святополк-Четвертинского подчинить себе православное духовенство, монастыри и церкви в Слуцком княжестве. В 1733 г. Слуцкое братство совместно с Виленским действовало на элекционном сейме [75].

Преображенское братство состояло из слуцких мещан. Шляхтичей в его среде не было [76]. Члены братства избирали двух старшин, или старост, полномочия которых продолжались 1 год [77]. Перечень имен старост братства с 1646 по 1730 г. показывает, что руководителями Преображенского братства всегда были паны-мещане, большей частью войты и члены слуцкого магистрата или представители их семей — сыновья и внуки (Волковичи, Скочкевичи, Левковичи, Олайкевичи, Лапицкие, Христиничи, Тишевичи) [78]. Таким образом, братство было не только религиозной организацией, но и своеобразным дополнительным органом самоуправления мещан, проникнутым религиозной идеологией, основанным на корпоративном единстве мещан-братчиков, являвшимся до-

---

[72] Минская старина. Вып. IV, № 426, с. 170; № 528, с. 196.

[73] Архив Юго-Западной России. Ч. I, т. VI, № 242, с. 601.

[74] Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, т. VII. Вильна, 1870, № 227, с. 267, 268.

[75] Минская старина. Вып. IV, № 444, с. 176.

[76] См.: А. К. Снитко. Слуцк. Город и население.— Архив Института истории АН БССР, оп. 2, д. 111, с. 237.

[77] Минская старина. Вып. IV, № 110, с. 39, № 166, с. 68.

[78] Там же, № 76, с. 28; № 103, с. 36; № 109, с. 38; № 110, с. 39; № 113, с. 40; № 166, с. 68, 69; № 362, с. 150; № 380, с. 154; № 384, с. 155; № 422, с. 168.

полнительным инструментом усиления власти богатой городской верхушки над рядовыми членами братства, мещанами. Эта не религиозная, а светская цель его организации иногда откровенно декларировалась в официальных документах Преображенского братства. Так, в 1657 г. в квитационном письме слуцкому мещанину пану Петру Тишевичу о принятии у него села Гричиновичи, которое он держал в течение 6 лет в своем управлении, а доходы с него отдавал на братский шпиталь, прямо сказано: «Мы братство, как духовное, так и светское, при церкви Преображения господня в Слуцке находящееся...» [79] Такой дополнительный орган самоуправления не только усиливал власть городской верхушки, но и укреплял позиции мещан в целом при защите ими своих сословных интересов, в том числе и по отношению к владельцу города. На эту роль братства как дополнительного органа самоуправления горожан указывает и тот факт, что городские цехи входили в состав братств на правах его особого отдела [80]. Мещане частновладельческого Слуцка контролировали и действия православных духовных властей в городе и княжестве.

Слуцкое Преображенское братство располагало значительными средствами. В его казну («скрынку») поступали взносы от братчиков, деньги по завещаниям, доходы от владений братства, пенсии от владельца города. Братство занималось кредитными операциями в городе, ссужая деньгами разных лиц и самого магната и беря при этом большие проценты. В 1655 г. сумма долгов братству составляла 8050 злотых, а проценты с этой суммы — 1300 злотых [81]. В 1657 г. братство дало в долг слуцкому архимандриту 3 тысячи злотых [82]. В 1739 г. общая сумма долгов разных лиц Преображенскому братству составляла более 20 тысяч злотых, в том числе 6 тысяч злотых должна была владелица города и 11 тысяч слуцкий кагал [83].

Братство выступало и в роли торговой корпорации, пайщиками которой были братчики. В инвентаре Слуцка

---

[79] Минская старина. Вып. IV, № 110, с. 39.
[80] См.: Ф. Вечерко. Слуцкое Народное Преображенское Братство, с. 12.
[81] Минская старина. Вып. IV, № 103, с. 36—37.
[82] Там же, № 114, с. 41.
[83] Там же, № 485, с. 187.

1661 г. указаны 2 лавки братства на рынке [84]. В протоколах Слуцкого замкового суда за 1681 г. отмечено, что братство имело лавку в «рухлядном» ряду на рынке в Старом городе [85], вторую лавку там же — в «темном» ряду [86]. На рынке в ряду «темных суконных» лавок находилась лавка купца Захария Волковича, купленная им ранее у «братства церкви Преображения господня Слуцкой» [87]. В 1685 г. отмечено, что лавка Маркиановичей в «темном» ряду была продана им ранее Преображенским братством [88]. В инвентаре Слуцка 1683 г. в ряду «рухлядных крам» отмечена лавка Спасского (Спасо-Преображенского.— *А. Г.*) братства, в другом ряду была вторая лавка братства [89].

Преображенское братство имело земельные участки в городе и земельные владения на территории княжества. В середине XVII в. ему принадлежал остров Кочева, а в течение некоторого времени и село Гричиновичи (причем село сдавалось братством в аренду своим руководителям). В привилее Богуслава Радзивилла братству от 23 октября 1654 г., в котором подтверждалось право братства распоряжаться по-прежнему Спасской церковью и Преображенским монастырем и выбирать игумена, указывались участки в городе, которыми владело братство, включая участки церкви и шпиталя. За городом братству принадлежал большой фольварк Спасское, который оно передавало обычно попам; в Сковышинской волости возле деревни Домановичи — остров Кочева [90]. В 1657 г. братство получило в залог от слуцкого архимандрита Феодосия Василевича на 3 года 6 деревень, принадлежавших Слуцкому Троицкому монастырю, взамен одолженных Василевичу 3 тысяч злотых [91]. В 1661 г. братство имело земельный участок в 4-й «кватере Рынка» Старого города [92]. Другой пляц братства находился на Большой Новомейской улице в Новом го-

[84] AGAD, AR, dział XXV, № 3831, s. 32.
[85] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1605, л. 3.
[86] Там же, л. 55.
[87] Там же, л. 63.
[88] Там же, д. 1606, л. 4—5.
[89] AGAD, AR, dział XXV, № 3834/1, s. 38, 40.
[90] AGAD, AR, dział XXIII, teka 132, Copia prawa Bractwa Słuckiego..., k. 95.
[91] Минская старина. Вып. IV, № 114, с. 41.
[92] AGAD, AR, dział XXV, № 3831, s. 6.

роде[93]. В 1662 г. братство купило у мещан за 50 коп и 6 грошей литовских дом и участок на Юрьевской улице[94]. В инвентаре Слуцка 1683 г. отмечен домик братства с участком в 2 прента и выплатой ежегодно чинша 3 злотых[95]. Кроме того, «под надзором» братства находился земельный участок в 24 прента с 5 домами «на церковь святого Стефана» за Ильинскими воротами Слуцка в предместье по дороге к Тройчанам[96].

С 1664 г. братство держало в залоге за долг магната братству в 7 тысяч злотых княжеское имение Беличи[97] (причем братству подчинялась и мелкая шляхта, владевшая земельными участками на условном праве). В 1690 г. к этой сумме было прибавлено еще 4 тысячи долга[98]. В 1694 г. братство выделило одного из своих старшин — Михаила Лапицкого — в качестве управителя имением[99]. С 1682 г. сроком на 3 года братство владело на залоговом праве княжеским имением Баславцы, но с условием, что княгиня будет управлять имением («видеркафовое» право). Братство одолжило за это 10 тысяч злотых слуцкой княгине, получая ежегодно 8% от этой суммы, т. е. 800 злотых. В случае неустойки, по условиям договора братства с княгиней, без обращения в суд в присутствии лишь судебного исполнителя («генерала») и представителей шляхты братчики могли занять имение и законно владеть им до полного возвращения одолженной суммы[100]. В 1690 г. Преображенское братство на таких же условиях дало княгине 6 тысяч злотых с выплатой ежегодно 8%, т. е. 480 злотых[101]. Эта сумма не была возвращена до второй половины XVIII в., и поэтому братство, считаясь владельцем имения на видеркафовом праве, продолжало в течение почти 100 лет получать процент («пенсию») в 480 злотых[102]. Деньги из княже-

---

[93] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1605, л. 8.
[94] Там же, оп. 7, д. 699, л. 520.
[95] AGAD, AR, dział XXV, № 3834/1, s. 9.
[96] Там же, с. 77.
[97] Минская старина. Вып. IV, № 125, с. 61.
[98] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1881, л. 73.
[99] Там же, д. 1607, л. 478, 481.
[100] AGAD, AR, dział XXIII, teka 1, Basławcy; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1881, л. 6—7.
[101] Там же, л. 72; Минская старина. Вып. IV, № 208, с. 88—89.
[102] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4339, л. 46 об; д. 7397, л. 235, 238; д. 7400, л. 1; д. 7407, л. 24; д. 4467, л. 27.

ской казны для передачи братству получал войт [103]. Это лишний раз указывает на то, что члены городского магистрата и его глава войт были одновременно членами братства, а само братство находилось под покровительством магистрата. С 1750 г. Иероним Флориан Радзивилл перестал выплачивать эту «пенсию» Преображенскому братству. Не выплачивали ее и его наследники. В октябре 1764 г. представитель братства слуцкий бурмистр Леон Лапицкий подал на владельца Слуцка князя Кароля Радзивилла в суд генеральной конфедерации литовской. Суд постановил, чтобы владелец города вернул своим мещанам-братчикам 6 тысяч злотых долга и 6720 злотых невыплаченных процентов за 14 лет [104].

Таким образом, Преображенское православное братство играло роль не только кредитора магната, но и феодального владельца, распоряжавшегося имениями магната и взимавшего с крестьян феодальную ренту. И здесь оно выступало дублером городской общины и городского магистрата, укрепляя их позиции. Факт вызова в шляхетский суд мещанами частновладельческого города владельца объясняется политической обстановкой в Белоруссии в то время: магнатская группировка Потоцких потерпела поражение, и ее сторонник Кароль Радзивилл эмигрировал. Разумеется, в таких условиях конфедерационный суд его противников принимал решения, ограничивавшие произвол магнатов из враждебной группировки. Но сам по себе факт вызова в суд мещанами владельца города означает несомненное осознание ими своей политической силы в условиях начинавшихся политических реформ в Речи Посполитой. Мещане не боялись последующей мести магната. Братство далеко выходило за рамки чисто церковной организации, борющейся за православие.

Кроме Преображенского, в Слуцке в последней четверти XVII в. было основано Успенское братство при Успенской замковой (соборной) церкви [105]. Оно просуществовало до конца XVIII в. и имело те же цели, что и Преображенское братство. По фундушу этому братству передавалось право контроля за деятельностью духовенства соборной церкви. Оно взяло в свои руки распреде-

[103] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 7397, л. 101, 143, 235.
[104] AGAD, AR, dział XXIII, teka 1, Basławcy.
[105] Минская старина. Вып. IV, № 236, с. 96—97.

ление получаемых замковой церковью ежегодных вкладов деньгами и натурой, контроль за приходом денег и вкладов, вмешивалось в действия белого духовенства в Слуцке во главе с протопопом, принимало участие в избрании священников замковой церкви [106]. Успенское братство иногда также вступало в конфликт с представителями церковных властей, которые не раз жаловались на братство [107]. Братству был передан в ведение «калечий угол», или шпиталь, где жили звонари соборной церкви, больные и калеки-нищие [108]. Во главе братства также стояли паны-мещане, члены магистрата. Так, в 1714 г. старшинами братства были Дзёртка, Денежка и Павлушич [109], представители патрицианских семей, из которых избирались члены магистрата. Успенское братство имело большие суммы денег и также вело денежные операции [110].

Преображенское и Успенское братства в Слуцке были богатыми организациями, находившимися в тесной связи с магистратом, и пользовались большим влиянием. С ними считался владелец города и часто оказывал им поддержку. Оба братства не встречали помех со стороны владельцев города в своей деятельности. Несомненно, они сыграли большую роль в сохранении позиций православной церкви в этом районе Белоруссии.

И в других частновладельческих городах продолжали существовать православные братства. Крайняя ограниченность документального материала не дает возможности охарактеризовать их деятельность.

В Шклове владелец города князь Чарторыский в декабре 1749 г. передал православному братству три волоки, свободные от чинша, на Рышковских волоках [111]. В Рышковском предместье на этих волоках православное братство даже имело свою юрисдику из пяти хат. С этих хат оно платило в казну магната «пляцовый»

---

106 Минская старина. Вып. IV, № 237, с. 97—98; № 249, с. 109—110; № 288, с. 124; № 340, с. 140.

107 Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, т. VII, № 142, с. 72; № 173, с. 73; Минская старина. Вып. IV, № 237, с. 98; № 297, с. 125—126.

108 Минская старина. Вып. IV, № 278, с. 122.

109 Там же, № 294, с. 125.

110 Там же, № 237, с. 98; № 278, с. 121—122; № 335, с. 138—139; № 419, с. 167; № 450, с. 177—178.

111 Biblioteka Czartoryskich w Krakowie, Rkps. 4493, k. 2.

чинш пять тынфов в год[112]. Такое положение сохранилось здесь до присоединения Белоруссии к России[113]. В 1771—1772 гг., например, с пяти хат на трех братских вольных волоках в княжескую казну платили «пляцовый» чинш в сумме 6 злотых 10 грошей[114].

В городе Дубровно, принадлежавшем Сапегам, в конце XVII в. существовало православное братство при Николаевской церкви[115]. Судя по тексту документа о пожаловании четырех волок этой церкви от 1 июля 1699 г., братство это существовало задолго до акта пожалования. Магнат обусловил свой фундуш тем, «чтобы указанное братство, избрало по обычаю из своей среды старосту, а тогда таковой староста должен по преемству это пожалование наследующим друг друга священникам со всеми принадлежностями, несмотря на встречающиеся трудности, отдать и передать во владение и спокойное пользование»[116]. Братство распоряжалось переданными магнатом церкви четырьмя волоками земли. В 1772 г. старосты Дубровенского братства по каким-то причинам отказались передать священнику эту землю[117].

В Бешенковичах православное братство при Ильинской церкви во второй половине XVIII в. вело борьбу против униатов, оттесняя их с завоеванных позиций. Еще в 1723 г. при помощи ксендза-иезуита православная церковь, заложенная владельцем Бешенковичей Казимиром Огинским в 1708 г.[118], была занята униатами[119]. В записке униатского бешенковичского попа за 1766 г. говорилось о действиях бешенковичского братства. Униатский священник, служивший в Бешенковичах 28 лет, жаловался, что вместо униатского церковного братства в Бешенковичах существует православное, которое всяческие

---

[112] Biblioteka Czartoryskich w Krakowie, Rkps. 4493, k. 7.
[113] Там же, Rkps. 4494, k. 3, 6; Rkps. 4496, k. 2, 5; Rkps. 4498, k. 3; Rkps. 4499, k. 3, 4; Rkps. 4500, k. 2; Rkps. 4501, k. 3; Rkps. 4503, k. 4, 5.
[114] Там же, Rkps. 4502, k. 3.
[115] Архив ЛОИИ СССР АН СССР. Русская секция, коллекция 52, оп. 2, картон 12, ед. хр. 6.
[116] Там же.
[117] Там же.
[118] См.: М. О. Без-Корнилович. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии, с. 115.
[119] См.: Н. Бантыш-Каменский. Историческое известие о возникшей в Польше унии, с. 244.

помехи чинит ему и своими действиями уменьшает и без того малый его приход. При помощи братчиков даже детей униатов крестили православные попы и по православным обычаям. Поп-униат рассказывал, что члены православного братства врывались к нему в церковь и уводили с собой прихожан-униатов, переходивших потом в православие. Они забрали в униатской церкви церковные книги и унесли их в свою церковь, чтению обучают детей православных, а детей униатов так и оставляют неграмотными. В конце жалобы униатский поп обвинял бешенковичского наместника магната в покровительстве православному братству [120].

В середине XVII в. в ходе национально-освободительной борьбы украинского и белорусского народов правящие круги Речи Посполитой неоднократно признавали неприкосновенность православного вероисповедания. Это же было подтверждено условиями Андрусовского перемирия 1667 г.[121] и «Вечного мира» 1686 г.[122] Однако во второй половине XVII в. права православного населения и духовенства начали суживаться: братствам запрещалось связываться с восточными патриархами, православным — выезжать за границу и т. д. В 1692, 1700 и 1702 гг. к церковной унии присоединились перемышльский, львовский и луцкий епископы. Православной осталась только могилевская (белорусская) епархия. В 1720 г. униатский собор в Замостье объявил униатскую церковь единственно законной церковью в пределах Речи Посполитой, не считая католической церкви. Вновь начались преследования православного населения. Ухудшилось и положение православного духовенства, которое также иногда подвергалось преследованиям [123] и доходы которого сокращались.

С конца XVII в. национально-религиозная борьба в Речи Посполитой привлекала все большее внимание русского правительства. Ф. Энгельс вскрыл причины, побуждавшие царскую дипломатию активно вмешиваться во внутренние дела Речи Посполитой. В своей работе

---

[120] Архив ЛОИИ СССР АН СССР. Русская секция, коллекция 13, оп. 1, ед. хр. 301, III-16.

[121] Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов, т. II. Минск, 1960, с. 171.

[122] Русско-белорусские связи во второй половине XVII в., с. 346.

[123] Белоруссия в эпоху феодализма, т. II, с. 390—394.

«Внешняя политика русского царизма» он дал им предельно краткую характеристику: «Господство над Балканским полуостровом продвинуло бы границы России до Адриатического моря. Но эта граница на юго-западе была бы непрочной без соответствующего перенесения всей западной границы России, без значительного расширения сферы ее господства»[124]. Говоря о политике преемников Петра I, Ф. Энгельс далее указывает, что им «оставалось только протянуть руку к добыче. И для этого у них был к тому же такой предлог, как «принцип национальностей». Польша не являлась однородной страной. В те времена, когда Великороссия попала под монгольское иго, Белоруссия и Малороссия нашли себе защиту от азиатского нашествия, присоединившись к так называемому Литовскому княжеству. Это княжество впоследствии добровольно объединилось с Польшей. С тех пор, вследствие более высокого уровня цивилизации Польши, дворянство Белоруссии и Малороссии сильно ополячилось, а в XVI веке, когда в Польше господствовали иезуиты, православных русских подданных Польши вынуждали присоединяться к римско-католической церкви. Это давало великорусским царям желанный предлог для притязаний на территорию бывшего Литовского княжества, как на национальную русскую область, угнетенную, однако, Польшей... другой предлог для вмешательства состоял в том, чтобы в качестве защитников православия выступить в пользу православных униатов, хотя последние давно уже примирились со своим положением по отношению к римско-католической церкви»[125].

Смысл 9-й статьи заключенного в 1686 г. в Москве договора о мире между Россией и Речью Посполитой[126] использовался в дальнейшем русским царизмом для постоянного вмешательства во внутриполитические дела страны, тем более, что этот договор давал право православному киевскому митрополиту, русскому подданному и находившемуся на территории России, назначать духовные власти на Украине и в Белоруссии. Россия практически стала официальной покровительницей право-

---

[124] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 18.
[125] Там же, с. 18—19.
[126] См.: Н. Бантыш-Каменский. Исторические известия о возникшей в Польше унии, с. 142—143.

славного населения в Речи Посполитой и защитницей его интересов.

Было бы неправильным считать, что политика покровительства православным в Белоруссии в XVIII в. исходила только со стороны руководящих сфер Российской империи. Она встречала поддержку со стороны определенных групп местного населения. Значительная часть православного духовенства, шляхты и городской верхушки, стоявшей во главе православных братств, особенно в восточной части Белоруссии, относилась к этой политике дружелюбно, так как она отвечала коренным интересам этих групп белорусского населения и объективно соответствовала сохранению национальной самостоятельности белорусского народа. Однако в то же время эти круги белорусского населения объективно служили интересам русского царизма. За ними шли православные горожане и крестьяне, составлявшие меньшинство населения Белоруссии. Как подчеркивал Ф. Энгельс, основная же масса населения, униаты, давно уже смирилась со своим положением. Помещики-католики и униатское духовенство оказывали еще большее влияние на белорусских крестьян-униатов. Более того, уже после отмены Павлом I (по политическим мотивам для союза с помещиками-католиками) указа Екатерины II от 22 апреля 1794 г. о ликвидации унии, по которому насильно, и большей частью на бумаге, было присоединено к православной церкви около 1,5 миллионов униатов во главе с духовенством, 90% переведенных в православие «воссоединенных» униатов вернулись в унию [127].

С начала XVIII в. к Петру I и его преемникам на русском престоле, синоду, а также русским послам в Варшаве постоянно обращались с жалобами духовные лица православного вероисповедания начиная от виленских православного братства и монастырей и кончая попами и монахами белорусских пограничных местностей. Жалобы эти не всегда приносились на католиков и униатов, но нередко и на собственного православного белорусского епископа (его резиденция была в Могилеве). Со своей стороны, начиная с 1700 г. Петр I и последующие императоры неоднократно делали представления польскому королю по поводу нарушения прав православных жите-

---

[127] См.: Н. М. Никольский. История русской церкви, с. 208—209.

лей Речи Посполитой [128]. С 1718 г. значительная часть православных в Белоруссии была непосредственно подчинена Киевской митрополии, центр которой находился на территории Российской империи. Белорусский православный архиепископ с 1755 г. Георгий Конисский (выходец из дворян Черниговской губернии, присланный из России в Могилев) вел активную деятельность за расширение прав православной церкви и присоединение Восточной Белоруссии к России. В 1766—1767 гг. во время обострения диссидентского вопроса Россия и действовавшая с ней заодно Пруссия выдвинули проект уравнения диссидентов (христиан-некатоликов) с католиками. Этот проект был внесен русским послом в Варшаве и отвергнут сеймом. Тогда при поддержке русского посла Н. В. Репнина диссиденты-шляхтичи образовали две конфедерации — протестантскую (в Торуне) и кальвинистско-православную, которые стремились уравнять права некатолической шляхты с католической. Судя по документам конфедераций, об уравнении прав всех некатоликов с католиками речи не было. Конфедерация православной белорусской и кальвинистской литовско-белорусской шляхты образовалась 20 марта 1767 г. в Слуцке, занятом уже русскими войсками. В состав ее вошли не только православные, но и кальвинисты, которые играли в ней главную роль. Маршалком Слуцкой конфедерации был избран генерал-майор литовской кавалерии Ян Грабовский (кальвинист). Среди слуцких конфедератов было немало шляхты, которая записывалась в конфедерацию целыми «околицами». Акт конфедерации подписали лишь 266 человек, причем 33 из них были советниками конфедерации во главе с епископом белорусским Георгием Конисским и главой кальвинистов генерал-лейтенантом войск литовских Томашем Грабовским. Далее подписалось 115 конфедератов (кальвинистов и лютеран), богатых шляхтичей и 117 православных шляхтичей из шляхетских околиц Пинского повета [129]. Н. В.

[128] См.: Н. Бантыш-Каменский. Историческое известие о возникшей в Польше унии, с. 152—403; Памятники православия и русской народности в Западной России в XVII—XVIII вв., т. I. Акты по истории заграничных монастырей Киевской епархии XVII—XVIII вв. Ч. I. Киев, 1905, с. 40—526; Ф. И. Титов. Русская православная церковь в Польско-Литовском государстве. Киев, 1907, с. 3—229.

[129] АВАК, т. VIII. Вильна, 1875 г. Прибавление II, с. 617—622.

Репнин доносил в Петербург, что ему трудно было организовать эту конфедерацию, так как «православная шляхта в такой беде (т. е. бедности.— *А. Г.*), что сама землю пашет»[130]. Главную роль в Слуцкой конфедерации играла не православная, а протестантская шляхта.

Еще до созыва конфедерации ее будущие руководители послали проект акта на утверждение Екатерине II, которая его одобрила и назначила место созыва конфедерации и день — пятницу 20 марта 1767 г., как отмечал комендант слуцкой крепости в своем рапорте от 20 марта 1767 г.[131] Этот документ описывает процедуру создания конфедерации православной и другой диссидентской шляхты. Из Петербурга прибыл курьер с бумагами от императрицы. 17 марта 1767 г. начали съезжаться конфедераты. Из Варшавы приехали Конисский (в документе «епископ могилевский»), генерал-майор Ян Грабовский (командир Пинского полка). Основная масса конфедератов съехалась утром 20 марта. Небольшую группу лютеранской шляхты возглавлял генерал Рейбниц[132].

В то же утро командир русской части в Слуцке полковник Полонский прислал коменданту слуцкой крепости своего офицера и через него предъявил следующие требования. Русские войска в день конфедерации занимают ключевые места в городе — дворец, рынок, городские ворота. Если комендант польской слуцкой крепости попытается помешать созданию конфедерации, русская императрица будет считать его неприятелем, а русские войска предпримут соответствующие действия. Как отметил комендант, собравший всех своих офицеров, эти требования были переданы ему «с учтивостью». Комендант, рассчитав что сопротивление бесполезно, «позволил все указанные места их (т. е. русских.— *А. Г.*) стражей занять», но для спасения чести выставил у всех городских ворот и своих солдат «для сбора акцизы». Он обещал также не мешать конфедератам и не начинать военных действий. Комендант слуцкой крепости не оказал сопротивления конфедератам, так как не рассчитывал на поддержку солдат гарнизона. Солдаты гарнизона были белорусами, и комендант писал, что «из самой

[130] M. C. Łubieńska. Sprawa dysydencka. 1764—1766. Kraków i Warszawa, 1911, s. 106.
[131] AGAD, AR, dział II, teka 20, № 2913.
[132] Там же.

Руси состоящим гарнизоном противостоять большой силе не могу»[133].

В 11 часов утра епископ Георгий Конисский вместе с конфедератами-диссидентами в сопровождении 200 русских гренадер вошел в Спасскую церковь. Русские солдаты остались снаружи, охраняя конфедератов. Конисский открыл конгресс, затем были оглашены манифест Екатерины II конфедератам и требования диссидентов. Под председательством Конисского были произведены выборы маршалка конфедерации. Избранный маршалком Ян Грабовский произнес благодарственную речь. Затем руководство конфедератов отправилось во дворец на торжественный обед. 20 марта Грабовский отправил курьеров к императрице, Репнину и в Курляндию — к герцогу Бирону. Особые послы были выделены для вручения акта конфедерации королю. 21 марта состоялась первая сессия конфедерации, на которой уточнялся акт конфедерации и ее манифест. 23 марта были избраны советники конфедерации[134]. В своем акте конфедераты требовали уравнения своих прав с католической шляхтой и обратились с просьбой о помощи и покровительстве к русской императрице, королям Швеции, Англии, Пруссии и Дании[135]. Сразу после своего образования Торуньская и Слуцкая конфедерации были официально приняты под «высочайшую протекцию» Екатерины II. Естественно, для Екатерины II диссидентский вопрос был лишь поводом для вмешательства в дела Речи Посполитой. Конфедераты с частями русской армии двинулись на Минск, Вильно и Варшаву. Сейм 1768 г. был вынужден принять постановление об уравнении прав диссидентов с католиками. Эта политика проводилась царизмом, а не русским народом. Как отмечает Ф. Энгельс, «...нацию не спрашивали...»[136] К. Маркс, осуждая эту политику Екатерины II, подчеркнул: «Характерно для России, что предлогом для своей интервенции она делала тогда законы о лишении диссидентов (некатоликов) политических прав. А ведь именно эти законы против диссидентов Россия продиктовала польскому сейму 1717

---

[133] AGAD, AR, dział II, teka 20, № 2913.
[134] Там же.
[135] АВАК, т. VIII. Прибавление II, с. 616.
[136] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 22, с. 26.

года, опираясь на 60 000 русских и 30 000 саксонских штыков!»[137]

В данном случае в качестве борцов за православие выступали белорусские феодалы. Белорусская православная шляхта при сильной поддержке русского царизма отстаивала формально национально-религиозные интересы. На деле же все сводилось к уравнению политических прав небольшой группы феодалов Речи Посполитой с основной массой феодалов католиков. Это движение не было направлено для облегчения положения народных масс. В программном документе слуцких конфедератов о народных массах ничего не говорится. Даже Слуцкое Преображенское братство не участвовало, да и не могло участвовать в этой конфедерации, так как конфедерация была шляхетской. Царское правительство тоже не обращало внимания на православные братства, а использовало в своих целях только шляхту и представителей православного духовенства[138]. Да и решение сейма Речи Посполитой о «вольностях и прерогативах» православных и диссидентов упоминало только шляхетское сословие[139]. Следует добавить, что силы немногочисленных православных феодалов Белоруссии были небольшими, и они могли добиваться уравнения своих прав с феодалами-католиками только вместе с другой диссидентской шляхтой и при сильной поддержке царского правительства.

После первого раздела Речи Посполитой территория, на которую распространялась административно-религиозная власть белорусского епископа Георгия Конисского (Белорусская епархия), отошла к России. Поэтому, чтобы иметь центр своего влияния на православное население Речи Посполитой, Екатерина II решила создать православную епархию на территории этой страны. В 1785 г. центром такой епархии с согласия Кароля Радзивилла, владельца города, стал Слуцк, резиденция вновоназначенного епископа переяславского и викария киевского (Переяслав и Киев были на территории России). Епископом был назначен бывший русский священник при посольстве в Варшаве, в 1783 г. ставший по ходатайству

[137] Архив Маркса и Энгельса, т. XIV. М., 1973, с. 109.
[138] См.: А. П. Грыцкевіч. Рэлігійнае пытанне і знешняя палітыка царызму перад падзеламі Рэчы Паспалітай, с. 66—71.
[139] Volumina Legum. Tom VII, s. 258.

русского посла Штакельберга архимандритом Слуцкого Троицкого монастыря Виктор Садковский. Он получал жалованье от русского правительства, подчинялся киевскому митрополиту и синоду и оставался русским подданным [140]. Садковский начал активную деятельность по защите прав православного населения и строительству церквей [141]. Ему также было поручено разбирать тяжбы между православными и униатами. Но в 1789 г. Садковский был арестован по решению сейма и вывезен в Варшаву. Там он находился в заключении до 1792 г. После второго раздела Речи Посполитой он был назначен минским архиепископом [142].

Вмешательство царизма во внутренние дела Речи Посполитой под предлогом решения национально-религиозного вопроса продолжалось до конца 80-х годов XVIII в. Затем этот предлог уже не использовался, что соответствовало политике Екатерины II по сохранению некоторых позиций католической церкви в Восточной Белоруссии после первого раздела Речи Посполитой [143].

Несмотря на католическую экспансию, к концу XVIII в. в Белоруссии в ряде местностей, в том числе и в магнатских латифундиях, православная церковь сохраняла свои позиции. Прежде всего это объясняется борьбой местного населения — горожан, крестьян, а также духовенства и шляхты за сохранение православной религии и обычаев. Под знаменем этой борьбы народные массы отстаивали свои классовые интересы, вели борьбу против феодального гнета. Немаловажное значение имело и дипломатическое вмешательство русского правительства.

В таких условиях неуспех наступления католицизма в некоторых местностях Белоруссии был связан и с политикой магнатов, которую они проводили в религиозном вопросе. В ряде радзивилловских и нейбургских владений такая политика имела определенные традиции. Так было, например, в Слуцком и Копыльском княжествах. В XVI в., когда Слуцком и Копылем владели Олелько-

---

140 См.: Н. И. Костомаров. Последние годы Речи Посполитой. Спб., 1870, с. 199—200, 202.

141 См.: С. Соловьев. История падения Польши. М., 1863, с. 232.

142 См.: Ф. Ф. Серно-Соловьевич. Древне-русский город Слуцк и его святыни. Вильна, 1896, с. 15—16.

143 Гісторыя Беларускай ССР, т. 1, с. 445.

вичи, исповедовавшие православие, православная церковь в городах и сельской местности была надежной опорой власти магната. Православное духовенство, жившее за счет трудового населения городов и эксплуатируемых крестьян, идеологически воздействовало на народные массы, поддерживая господствующий феодальный строй. Эту же свою основную функцию православная церковь выполняла и в XVII и в XVIII вв. Радзивиллы биржанской линии, исповедовавшие кальвинизм, принцессы нейбургские и Радзивиллы несвижской линии, католики, будучи владельцами ряда городов, почти не ограничивали прав православного духовенства в религиозной деятельности, данных прежними владельцами. Более того, магнаты не раз давали льготы православным монастырям и церквам в своих городах, несмотря на разницу вероисповедания магната и мещан принадлежавших ему городов.

Благодаря такой политике магнатов православная церковь и братства, поддерживаемые городской общиной и магистратом, продолжали сохранять свои позиции в период контрреформации. В 1621 г. князь Крыштоф Радзивилл по просьбе слуцких мещан — войта Михаила Тишевича, его брата Омельяна Тишевича и других—подтвердил привилей Януша Радзивилла о передаче Преображенскому братству Спасской церкви в Слуцке. Члены братства имели право избирать священника с последующим утверждением его кандидатуры магнатом. Под их контролем оставались и владения этой церкви—фольварк с двумя огородниками, с которого никакого чинша и повинностей в казну магната не требовалось «на будущие времена», и остров Кочева. Одновременно князь утвердил избранного братством священника этой церкви Андрея Мужиловского [144], получившего от магната отдельный документ на Спасскую церковь [145]. Как отмечал в одном из своих писем Крыштоф Радзивилл в 1629 г., в Слуцком и Копыльском княжествах насчитывалось более 100 православных церквей, находившихся под патронатом магната [146]. Такую же политику стремились про-

---

[144] ГПБ. Отдел рукописей. Собрание П. П. Дубровского. Польские автографы. Автограф 242, № 45, л. 51.
[145] Там же, № 45, л. 52.
[146] Там же, № 44, л. 49.

должать и комиссары магната. В декабре 1660 г. в своей памятной записке советнику магната в Кенигсберге они рекомендовали напомнить князю Богуславу Радзивиллу (кальвинисту по вероисповеданию) их прежние предложения хорошо относиться к православному духовенству, назначить комиссию по просьбам православного духовенства о восстановлении разрушенных церквей, о денежных вкладах по завещаниям в пользу церкви и т. д.[147]

Продолжением этой политики и явился привилей княгини Людовики Каролины Радзивилл, владелицы Слуцка, Копыля, Бирж, Кейдан, Невеля, Себежа и других городов и имений, от 20 марта 1690 г. В тексте привилея княгиня Радзивилл (по мужу — пфальцграфиня Рейнская) отмечала, что «церкви в городе Слуцке и Копыле, также и во всем княжестве Слуцком и Копыльском, а также в Койдановском, Копысском, Белицком, Заблудовском, Невельском, Себежском и других имениях моих, церкви религии старой греко-русской под благословением никого иного, а восточного патриарха константинопольского, от века и времени незапамятного основанные и воздвигнутые, существуют и до сих пор всегда оставались...»[148] В привилее княгиня писала, что он дается по просьбе православного духовенства и мещан и «подданных» Слуцкого и Копыльского княжеств, «пребывающих в религии древней греко-русской» и подчиняющихся константинопольскому патриарху. От своего имени и имени преемников княгиня торжественно провозгласила свободу религиозной деятельности православного духовенства и братств в ее владениях, запретила в Слуцком княжестве и других своих владениях насильственно вводить унию, замещать церковные должности униатами[149]. На издание этого привилея серьезное влияние оказало широкое недовольство и отпор народных масс католической агрессии в Белоруссии. Как результат действия этого привилея можно привести случай, когда при переходе православного попа в унию церковь оставалась у православных. Так, в феврале 1708 г.

---

[147] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 231, л. 81 об.

[148] Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам, № 152, с. 349; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1607, л. 76.

[149] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1607, л. 76—77.

эконом Слуцкого княжества Ст. Незабитовский, ссылаясь на то, что «после вступления отца Даниила Машкевича, пресвитера церкви названной (Слуцкой Николаевской.— *А. Г.*), в орден святого Василия Великого, названная святого Николая церковь в Слуцке пустует и без соответствующего пастыря остается», передал ее православному священнику [150].

В 1734 г. грамоту, подтверждавшую все прежние права, дал православному духовенству Слуцкого и Копыльского княжеств Иероним Флориан Радзивилл [151], ревностный католик. Несмотря на покровительство католической церкви, которое оказывали ей магнаты, в этом районе Белоруссии широкого наступления католицизма не наблюдалось. Известно лишь несколько случаев преследования православных в середине XVIII в. [152]

Новые подтверждения прав православного духовенства и православных жителей Слуцкого и Копыльского княжеств относятся к 1767—1768 гг., т. е. к периоду возвращения Кароля Радзивилла из эмиграции с помощью русского посла в Варшаве и союза его со Слуцкой конфедерацией православной шляхты. В ноябре 1767 г. Радзивилл подтвердил прежние пожалования слуцким церквам и распорядился выплатить их причтам недоданные за прошлые годы деньги и натуральные вклады, а также дал другие льготы [153]. Он приказал слуцкому эконому передать село Поповцы Старчицкой волости в пользование причту Николаевской церкви в Слуцке [154]. 15 декабря 1767 г. магнат приказал слуцкому старосте возвратить Тройчанскому монастырю земельный участок под городом, отнятый Иеронимом Флорианом Радзивиллом, а также подтвердил права Ильинского женского монастыря на его юрисдику в Слуцке, документов на владение которой у монахинь не было. Распоряжение

---

150 ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1603, л. 17.
151 Минская старина. Вып. IV, № 451, с. 178.
152 См.: И. Чистович. Очерк истории западно-русской церкви. Ч. II. Спб., 1884, с. 191; Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, т. VII, с. 219; Ф. И. Титов. Русская православная церковь в Польско-Литовском государстве в XVII—XVIII вв., с. 140, 231.
153 АВАК, т. XII. Вильна, 1883, № 51, с. 226; № 52, с. 227—228; № 53, с. 228—229.
154 Там же, № 54, с. 229—230.

князя о передаче земли Тройчанскому монастырю было выполнено [155]. В 1768 г. в ответ на обширную, из 26 пунктов, памятную записку слуцкого православного духовенства с просьбами о восстановлении нарушенных прав, отнятых угодий и невыполнении распоряжений магнатов Радзивилл дал резолюцию на все эти пункты, подтвердив прежние льготы и права православного духовенства и православных жителей Слуцкого княжества. Это было связано с политической обстановкой в стране в условиях, когда сам Радзивилл выступал сторонником императрицы Екатерины II. И впоследствии, в 1785—1789 гг., с его согласия, как отмечалось, Слуцк стал резиденцией главы православного духовенства в Речи Посполитой епископа Виктора Садковского [156]. Благодаря такой веротерпимой политике магната в Слуцке [157] и Копыле [158] до конца XVIII в. сохранялись и юрисдики православных церквей и монастырей.

Кроме политических причин покровительства православной церкви, у магнатов существовали и экономические причины, по которым они с известной веротерпимостью относились к православной и другим церквам. Так, в универсале князя Кароля Станислава Радзивилла, несвижского ордината, о привлечении новых поселенцев в «город мой наследственный Свержень» с тем, чтобы это городское поселение выросло, говорилось, что в Свержень приглашаются «всякой религии люди». Этим мещанам была дана «вольность» на 10 лет от всяких выплат, чинша и повинностей [159].

Во второй половине XVII и в XVIII в. в частновладельческих городах восточной части Белоруссии магнаты также давали известные льготы православной церкви и православным мещанам. В частности, это относится к Сапегам и их политике в Быхове, Дубровно. Сапеги давали привилеи православным мещанам Быхова в 1678 г. [160], неоднократно привилеи и пожалования получали церкви

[155] АВАК, т. XII, № 55, с. 231—232; ЦГИА ЛитССР. Древние акты, № 141, л. 45—46.

[156] См.: Н. И. Костомаров. Последние годы Речи Посполитой, с. 199, 221; Ф. Ф. Серно-Соловьевич. Древне-русский город Слуцк и его святыни, с. 16.

[157] ЦГИА БССР, ф. 1825, оп. 1, д. 10, л. 23.

[158] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3008, л. 101 об.

[159] AGAD, AR, dział XV, teka 20, № 1.

[160] Архив ЛОИИ СССР АН СССР, коллекция 114, № III, 73.

в Дубровно—в 1699, 1709, 1719, 1722, 1750, 1757 гг. [161] Все эти пожалования были связаны с борьбой местного населения против унии. В 1741 г., например, дубровенский священник Павел Корзун из Николаевской церкви перешел в унию и заставил стать униатами свой приход в девяти деревнях (с помощью временного владельца этих деревень) [162]. В 1772 г. эта церковь отмечена как православная [163]. В 1777 г. в Дубровно были 4 православных и ни одной униатской церкви [164]. По-видимому, Николаевская церковь была возвращена православным, так как магнаты в этой части Белоруссии, пограничной с Россией, проводили осторожную политику в религиозном вопросе. Кроме того, Сапеги во второй половине XVII — начале XVIII в. вели упорную борьбу за власть в Великом княжестве Литовском с шляхтой Литвы и Белоруссии и некоторыми магнатскими семьями и в этой борьбе опирались на свои города как на опорные пункты, на их мещан, в основном православных, и даже в отдельных случаях использовали в политической игре и крестьян своих владений. Так было во время борьбы Сапег с литовской и белорусской шляхтой в начале XVIII в. [165] Льготы православной церкви и братству существовали и в Шклове, принадлежавшем в XVIII в. Чарторыским [166].

Православное население частновладельческих городов северо-восточной окраины Великого княжества Литовского, куда католицизм проник позже, чем в основные районы страны, также отражало католическую экспансию. Большие льготы получали католики и униаты в королевских городах. В 1623 г. при пожаловании магдебургского права королевским городам Невелю и Себежу, скопированного с привилея о магдебургском праве Смоленску, король Сигизмунд III установил, что бурмистрами, радцами и лавниками магистратов этих городов, как и в Смоленске, могут быть избраны только католики и униаты [167]. Затем, в 1634 г., эти города были переданы

[161] Архив ЛОИИ СССР АН СССР. Русская секция, коллекция 52, опись 2, картон 12, ед. хр. 6.
[162] Там же, картон 14, ед. хр. 1.
[163] Там же, картон 12, ед. хр. 6.
[164] ГПБ. Отдел рукописей, F—IV, 768, л. 4.
[165] Гісторыя Беларускай ССР, т. 1. Мінск, 1972, с. 408—409.
[166] Biblioteka Czartoryskich, Rkps. 4500, k. 3.
[167] AGAD, AR, dział XXIII, teka 24, Akta Mieyskie. Siebież, № 2; Akta Mieyskie. Newel, № 2.

Радзивиллам биржанской линии, а с 1654 по 1678 г. находились в составе России, после чего были возвращены Речи Посполитой и Радзивиллам [168]. Временное вхождение Невеля и Себежа в состав Русского государства сопровождалось восстановлением всех прав православной церкви и полным запрещением деятельности католической и униатской церквей. И хотя после возвращения этих городов Речи Посполитой здесь вновь была восстановлена деятельность католической и униатской церквей, их позиции были сильно подорваны. В 1739 г. Иероним Флориан Радзивилл в универсале земянам, боярам и мещанам Невеля и Себежа отмечал, что даже в магистраты этих городов, вопреки привилеям Сигизмунда III, мещане избирали православных бурмистров, лавников и радцев. Радзивилл приказал строго выполнять этот пункт привилея о магдебургском праве. Далее он писал: «Также участились и такие случаи, когда люди веры католической и униатской своевольно против прав божеских и наших отечественных поступают, будучи рожденными и воспитанными в вере святой католической или униатской, в веру схизматическую переходят и ее перенимают» [169]. Радзивилл приказал под угрозой суровой кары со стороны замковых властей католикам вернуться в свою прежнюю веру. На будущее было установлено, что в случаях смешанных браков католиков или униатов с православными дети обоего пола должны быть католиками (или соответственно униатами) [170].

В других местностях, главным образом в западной части Белоруссии, сопротивление экспансии католицизма носило пассивные формы—непосещение униатских церквей и костелов, опоздание на церковные службы и т. д. Так, в радзивилловской Любче, где, по данным 1662 г., находились перед войной 1654—1667 гг. кальвинистский сбор и Воскресенская (униатская) церковь [171], наблюдалось такое пассивное отношение не только к унии, но и к кальвинизму. Магнат, издавая устав Любчи в 1647 г., из 46 его пунктов 2 посвятил религиозным вопросам. В 27-м пункте он писал: «Воскресные торги, чтобы людям для

[168] См.: M. Baliński. Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym opisana, t. III, s. 709—710.
[169] AGAD, AR, dział XXIII, teka 24, Ordynania Xiążąt Radziwiłłów i punkta do ich rezolucyi.
[170] Там же.
[171] AGAD, AR, dział XXV, № 2102, s. 12, 13.

богослужения не были препятствием, не раньше должны начинаться, чем в колокол большой сборовый ударят, вскоре после проповеди. В это время вывешивать и торговый флажок (сигнал для начала торговли, вывешиваемый на замковой башне.—*А. Г.*)» [172]. В следующем пункте устава говорилось: «В связи с этим богослужение рано начинается, чтобы непосредственно к половине десятого окончилось и сразу после проповеди звонить» [173]. Мещане предпочитали торговлю богослужению.

В 1747 г. комиссар Радзивилла по поручению магната предложил кореличскому администратору строго следить за посещением костела и униатской церкви в Кореличах. Он писал, что «подданные ленивы в хвале господа бога, в слушании обедни, дней воскресных и святых совсем не соблюдают» [174]. Княжеский комиссар предложил администратору распределить мещан и крестьян по десяткам и десятников сделать ответственными за посещение всеми жителями костела и униатской церкви в Кореличах. Не ходящие на церковные службы за каждый пропущенный день платили штраф в церковь по 6 грошей. Их наказывали также 10 ударами розог. Правда, разрешалось посылать вместо себя замену из семьи — кого-нибудь из детей старше 10 лет. Десятник во главе своего десятка должен был отправляться в униатскую церковь или соответственно в костел. Запрещались всякие работы в воскресенье и праздничные дни. Замеченный в нарушении этого запрета карался штрафом в 12 грошей и 20 ударами розог на площади перед церковным кладбищем [175]. Для сравнения можно привести пример аналогичного распоряжения в принадлежавшем Виленскому католическому капитулу местечке Горволь, где не было костела, а только униатская церковь. В уставе 1739 г. Горволя было записано, чтобы священники по воскресеньям и в праздничные дни после церковной службы выразительно вместе с прихожанами читали молитвы и следили, чтобы все за ними их повторяли, объ-

---

[172] S. Alexandrowicz. Ordynacja miasteczka Lubcza nad Niemnem z 1647 roku.- «Rocznik Białostocki». Tom III. Białystok, 1962, s. 445.
[173] Там же.
[174] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3598, л. 21.
[175] Там же.

ясняя эти молитвы («Отче наш», «Верую в бога» и т. д.). Прихожане, жители местечка, его предместья и ближних деревень были обязаны посещать церковь, причем устанавливались поочередно две службы (двумя священниками), чтобы все смогли побывать в церкви. В местечке и в каждой деревне назначались десятники, которые со своими десятками ходили в церковь и доносили о нежелающих ее посещать. Если же они этого не делали, то сами получали по 30 розог [176].

В двух литовских городах Биржах и Кейданах, принадлежавших исповедовавшим кальвинизм Радзивиллам, магнаты поддерживали кальвинистскую церковь. В конце XVI в. Крыштоф Радзивилл, узнав, что десятником в Кейданах является Ян Окелевич, проповедник, как писал князь, анабаптистов (новокрещенцев), приказал магистрату предложить выбор Окелевичу либо остаться проповедником, либо занимать чиновничью должность при магистрате, ибо нельзя занимать сразу и духовную, и светскую должность. И хотя князь декларировал равенство религий в своих владениях, он приказал запретить пропаганду и отправление богослужения секте анабаптистов [177]. В 1660 г. Богуслав Радзивилл по просьбе биржанских мещан, в своем большинстве тогда кальвинистов, обещал назначить войтом Бирж кальвиниста [178].

В целом в частновладельческих городах Белоруссии в процессе экспансии католицизма позиции православной церкви сохранились к концу XVIII в. в центре (Слуцк и Копыль) и в восточной части (Дубровно, Шклов, Быхов и др.) в большей степени, чем в королевских городах. Этому способствовали борьба горожан за сохранение православия, активное вмешательство царского правительства во внутренние дела Речи Посполитой, в частности по религиозному вопросу, политика магнатов по отношению к православному населению своих городов, учитывавшая как борьбу горожан, так и политику царизма, а также позиция православной белорусской шляхты и православного духовенства, боровшихся за сохранение и восстановление своих прежних прав и привилегий. Религиозная борьба народных масс часто пере-

176 АР Кг., AS, № 544/1.
177 ГПБ. Отдел рукописей. Собрание П. П. Дубровского. Польские автографы. Автограф 115, № 10, л. 20.
178 ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 693-2, л. 25.

плеталась с антифеодальной борьбой. В частновладельческих городах центра и запада Белоруссии католическая и униатская церкви, как правило, занимали ведущее положение.

Однако попытки обратить в католическую веру белорусский народ или навсегда разделить его на части по религиозному признаку и таким образом противопоставить одну часть другой не привели к сколько-нибудь решительному успеху. Исключая значительное большинство белорусских феодалов и часть мещан, которые и окатоличились, и ополячились, широкие массы белорусов-униатов и белорусов-католиков, главным образом крестьян, на протяжении многих поколений сохранили родной язык, культуру, народные обычаи и свою принадлежность к белорусской народности, а их потомки вошли во второй половине XIX в. в состав складывающейся белорусской нации.

Католическое, униатское и православное духовенство оставалось привилегированным сословием. В частновладельческих городах оно выступало феодальным владельцем, имело свои юрисдики в городах, земли с крестьянами, а иногда и целые деревни, население которых жестоко эксплуатировалось независимо от того, католическое, униатское или православное духовенство было его владельцем.

Православные братства в частновладельческих городах имели тенденцию к превращению в светскую организацию с торговой и ростовщической деятельностью. Наиболее ярким примером деятельности братств является деятельность Преображенского братства в Слуцке, которое уже во второй половине XVII в. стало как бы дублером городского магистрата, владельцем крепостных крестьян, будучи кредитором магната, и играло двоякую роль в политике мещан. С одной стороны, оно было орудием усиления власти городского магистрата над основной массой мещан, с другой — это братство выражало интересы православных мещан, защищало их и выступало активной силой во взаимоотношениях горожан с владельцем города. Таким образом, религиозная борьба превращалась по сути дела в социальную борьбу горожан.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социально-политическая история городов феодальной эпохи характеризуется постоянной социальной борьбой. В частновладельческих городах Белоруссии XVI—XVIII вв. борьба против феодального гнета со стороны магнатов велась всеми мещанами. В среде мещан основная их масса и городская беднота вели борьбу против городской верхушки — так называемых панов-мещан. Существовали также противоречия между городскими низами и средними слоями горожан.

Особенности в развитии частновладельческих городов Белоруссии по сравнению с королевскими накладывали отпечаток и на ход социальной борьбы в городах, принадлежавших магнатам. К числу таких особенностей относилась и протекционистская, хотя и непоследовательная, политика магнатов по отношению к своим городам, вызванная стремлением получать большие доходы с торговли и ремесла. Не всегда при разборе жалоб горожан на произвол и лихоимство чиновников-феодалов магнат становился на сторону последних, так как произвол чиновников наносил экономический ущерб интересам магнатской казны.

Владелец города стремился использовать противоречия в среде горожан, чтобы ослабить борьбу мещан против феодального гнета. Такая социальная политика магнатов была направлена на поддержку панов-мещан, которым магнат предоставлял привилегии и льготы и привлекал их таким образом на свою сторону. В периоды наиболее острого размаха антифеодальной борьбы народных масс Белоруссии аналогичную политику проводила и центральная власть Речи Посполитой.

Специфичным обстоятельством для частновладельческих городов было и то, что в больших городах стояли сильные гарнизоны частных магнатских войск, одной

из задач которых было предотвращение и подавление выступлений и восстаний народных масс. Это не могло не сказаться на развитии социальной борьбы.

Борьба горожан выражалась в различных формах, от пассивных до наиболее активных. Самыми частыми формами антифеодальной борьбы были акты индивидуального или коллективного сопротивления мещан — протест против действий администрации, сбора непосильных налогов, жалобы на действия чиновников магната, петиции и просьбы владельцу города или его наместнику. Мещане добивались закрепления льгот и привилегий, которые выделяли их из окружающего крестьянского населения, спасали от крепостной неволи, ослабляли феодальную зависимость.

Протест горожан против феодальной эксплуатации выражался и в их побегах, главным образом на Украину и в Россию.

Внутри самого городского общества социальная борьба также принимала разные формы.

Наиболее активной формой борьбы горожан против феодального гнета были открытые вооруженные выступления, участие в антифеодальных восстаниях народных масс Белоруссии.

Борьба горожан частновладельческих городов Белоруссии, как показывают приведенные материалы, ничем не отличалась от борьбы горожан других частновладельческих городов Великого княжества Литовского. По сравнению с королевскими городами для магнатских городов следует отметить в качестве постоянного фактора такую широко распространенную форму социального протеста, как уход горожан из частновладельческих городов, усилившийся в XVIII в.

Характерной особенностью антифеодальной борьбы горожан частновладельческих городов Белоруссии и Литвы является отсутствие во второй половине XVIII в. фактов вооруженных выступлений горожан против феодалов, фактов широких выступлений с определенными требованиями, коллективных действий. Социальная борьба в городе не выходила за рамки легальных форм. Это было связано с усилением политической и военной роли магнатов в государстве, известным маневрированием в городской политике магнатов, наконец, с организованным наступлением магнатов, всего класса фео-

далов на города Великого княжества Литовского. Именно в этот период государство вело в целом антигородскую политику, направленную на подчинение городов центральным властям и магнатам, на ограничение и ликвидацию вольностей горожан и городского самоуправления.

В частновладельческих городах имела заметные особенности по сравнению с королевскими городами и религиозная борьба. Магнаты не только оказывали большую поддержку католической и униатской церквам, но и поддерживали протестантскую и православную церкви. Следует пересмотреть взгляд на православную церковь в Белоруссии как на постоянно гонимую на протяжении XVI—XVIII вв. Фактический материал по частновладельческим городам показывает, что магнаты часто сохраняли за православной церковью ее прежние позиции, небольшие юрисдики в городах и крепостных крестьян. Православная церковь, как и другие церкви, верно служила магнатам в идеологическом порабощении белорусского народа, поддерживала и оправдывала феодальный гнет. Поддержка, которую оказывали в XVIII в. магнаты православной церкви в своих городах, была связана и с их политикой по отношению к царизму, политикой, которая привела к разделам Речи Посполитой и ликвидации этого государства.

Социальная борьба в частновладельческих городах Белоруссии в XVI—XVIII вв. происходила по тем же основным направлениям и в тех же формах, что и в королевских городах. Характерной особенностью ее было отсутствие какой-либо четкой антифеодальной программы у городского населения.

Борьба против феодального гнета и произвола не предполагала смену феодальной формации, а проходила в рамках ее системы. Она была направлена не на ликвидацию феодальных порядков и феодального гнета вообще, а против злоупотреблений отдельных представителей класса феодалов, а также против злоупотреблений и засилия городского патрициата. В выступлениях горожан четко прослеживается своеобразный «наивный монархизм», вера в «доброго короля», «доброго пана», владельца города. Жители городов в основной массе не выходили за рамки борьбы за свои сословные, корпоративные интересы, права и льготы, благодаря кото-

рым они отграничивались от полностью бесправного крестьянского населения. Городские движения в Белоруссии XVI—XVIII вв. носили локальный характер, были разрозненными и непродолжительными, без организованного и широкого антифеодального союза городов и городского сословия в пределах всей страны.

Социальная борьба жителей частновладельческих, как и королевских, городов Белоруссии этого периода вместе с тем сыграла большую роль в дальнейшем развитии социально-политического строя городов, расширении самоуправления по магдебургскому праву и его норм на все новые и новые города и местечки, закреплении за горожанами привилегий и льгот, что давало относительную, хотя и ограниченную, свободу их деятельности и жизни. Этому способствовали объединение горожан и их организация в самоуправлении, цехах, братствах. Во время народных восстаний диапазон социальной борьбы расширялся: вместе с крестьянами на борьбу против феодалов поднимались массы трудящихся и в городах.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I. Феодальный гнет и формы социальной борьбы горожан 12

Глава II. Антифеодальная борьба населения частновладельческих городов. Восстания 51

Глава III. Борьба внутри городской общины 80

Глава IV. Национально-религиозная борьба в частновладельческих городах 103

Заключение 148

АНАТОЛИЙ ПЕТРОВИЧ ГРИЦКЕВИЧ. СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА ГОРОЖАН БЕЛОРУССИИ (XVI—XVIII вв.). Редактор А. К. Хоревская. Обложка О. И. Романцова. Художественный редактор В. Ф. Гринкевич. Технический редактор И. П. Тихонова. Корректор Л. И. Дейкун.

ИБ № 683

Сдано в набор 05.12.78. Подписано в печать 02.03.78. АТ 03047. Формат 84×108 1/32. Бум. тип. № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Печ. л. 4,75. Усл. печ. л. 7,98. Уч.-изд. л. 8,1. Тираж 1000 экз. Зак. № 1811. Цена 85 к. Издательство «Наука и техника». Минск, Ленинский проспект, 68. Типография им. Франциска (Георгия) Скорины издательства «Наука и техника» АН БССР и Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Ленинский проспект, 68.

85 коп.